КУДРУНА

Annotation

Созданная в XIII в., поэма «Кудруна» («Гудруна») занимает место в одном ряду с «Песнью о Нибелунгах» – прославленным эпосом немецкого Средневековья.

В дошедшем до нас виде она облечена в форму семейного предания. Вначале говорится об ирландском короле Гере и его жене Уте, родителях Зигебанда. После смерти отца Зигебанд женится на норвежской королеве. У них родится сын Хаген. В детстве он был унесен грифом на дикий остров, где провел несколько лет. Описано его возвращение на родину, женитьба. У супружеской четы родится дочь, которую в честь матери назвали Хильдой. К королевне сватаются много женихов, но суровый отец всем отказывает, а сватов велит казнить. Король хегелингов Хетель, узнав о ее красоте, посылает в Ирландию верных слуг, они уговаривают Хильду бежать из родительского дома к влюбленному Хетелю. Следует погоня за беглецами и битва за Хильду между Хагеном и Хетелем, которая, однако, оканчивается их примирением и женитьбой Хетеля и Хильды. Молодая королева родит двух детей – Ортвина и Кудруну. К Кудруне сватаются женихи – Зигфрид, Хервиг и Хартмут. Надменный отец всем отказывает. Тогда Хервиг идет войной, чтобы завоевать невесту, и добивается согласия родителей. Кудруне люб Хервиг. Они обручаются. Отъезд королевны к Хервигу откладывается на год. В это время Кудруну похищает норманнский князь Хартмут…

- Средневековая литература
  -
  - I авентюра[1]
  - II авентюра
  - III авентюра
  - IV авентюра
  - V авентюра
  - VI авентюра
  - VII авентюра
  - VIII авентюра

- IX авентюра
- X авентюра
- XI авентюра
- XII авентюра
- XIII авентюра[92]
- XIV авентюра
- XV авентюра
- XVI авентюра
- XVII авентюра
- XVIII авентюра
- XIX авентюра
- XX авентюра
- XXI авентюра
- XXII авентюра
- XXIII авентюра
- XXIV авентюра
- XXV авентюра
- XXV авентюра
- XXVI авентюра
- XXVII авентюра
- XXVIII авентюра
- XXIX авентюра
- XXX авентюра
- XXXI авентюра
- XXXII авентюра
- Приложения
  - Р. В. Френкель. Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе
    - I. Проблема датирования «Кудруны»
    - II. Историческая действительность
    - III. Мир рыцарского романа и повести
    - IV. Немецкий героический эпос. Искусство шпильманов
    - V. Судьба рукописи «Кудруны». Падания и исследования
    - VI. Композиция «Кудруны»
    - VII. Истоки сюжета

        - VIII. Истоки сюжета – история Кудруны
        - IX. Последнее воплощение «Кудруны»
        - X. Проблема перевода
    - Примечания
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32

- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69

- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106

- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143

- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180

- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217

- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254

- 255
- 256
- 257
- 258
- 259

Средневековая литература Кудруна

Это книга о Кудруне

I авентюра[1]

[1]Там, где лежит у моря ирландская земля,
Жил Зигебанд отважный, сын Гере-короля,
Владетельная Ута, как звали мать героя,
Была под стать супругу умом, добротой и красою.

[2]Подвластны были Гере, как то известно всем,
Князей поместных лены[2] – число их было семь,
Там тысячи отважных пошли б в огонь и в воду
За честь его и земли, служа королевскому роду.

[3]Стал молодой наследник являться ко двору,
Он ратную науку усвоил, как игру,
Метал копье с наскока, умел щитом прикрыться,
При встрече с супостатом все это могло пригодиться.

[4]Став скоро юным мужем, он мог носить доспех,
И рыцарским оружьем владел он лучше всех,
Внушая восхищенье и молодым и старым.
На праздные забавы не тратил он времени даром.

[5]Негаданно скончался король, его отец.
Ведь даже самых знатных, к несчастью, ждет конец,
Об этом их надгробья напоминают немо,
И к неизбежной смерти должны приготовиться все мы.

[6]Пришлось достойной Уте во вдовье кресло сесть,[3]
И править ей по сути сын предоставил честь,
Он сам еще нимало не думал в брак вступать
И это огорчало его благородную мать.

[7]Учила сына Ута: «При молодой жене
Счастливей будет житься тебе и всей стране,

Смягчится наше горе, и дни печали минут,
Блаженство и веселье с любимой тебя не покинут;».

[8]Уже без недовольства наследник слушал мать
И порешил посольство в Норвегию послать,
К той, что была знатнейшей, славнейшей королевой,
И верные вассалы сосватали юношу с девой.

[9] Их скоро обвенчали, как сказывают нам,
С невестой отъезжала толпа прекрасных дам,
Семьсот бойцов шотландских с ней ехали к тому же,[4]
Охотно отправляясь в страну ее юного мужа.

[10]Невесте подобает прибыть с почетной свитой,
Как учит королевский обычай но забытый.
Что любопытных было! Они заполонили
Все улицы в округе на три с половиною мили.

[11]И вдоль большой дороги повытоптали в прах
Нескошенные травы с цветами на лугах.
Был май, когда на ветках все почки распускались
И птицы звонкой песней в зеленом лесу заливались.

[12]Скакали вместе с ними веселые пажи[5]
И слуги молодые. Поклажу госпожи
Тащили сотни мулов, нагруженных приданым,
Сокровищами девы и платьем ее златотканым.

[13]Дул с моря свежий ветер, указывая цель,
Он с запада привел их к границе двух земель,[6]
Там встретили радушно прекрасную невесту,
И в самом лучшем доме герой приготовил ей место.

[14]В честь благородной дамы был дан потешный бой,
Мужи сражались рьяно, а после всей гурьбой
В черту владений Гере невесту отвели,

Где стать ей предстояло владычицей этой земли.

[15]И рыцари, и жены в пути служили ей.
Богатые попоны их резвых лошадей,
Спадая на копыта, касались буйных трав.
Ах, как герой гордился, такую супругу избрав!

[16]Когда поцеловал он красавицу свою,
В их честь опять смешались дружинники в бою,
Где двум не разминуться, и раз от разу жарче —
Навершье о навершье[7] – сшибались их звонкие тарчи.[8]

[17]А на другое утро герой послал гонца
Предупредить вассалов покойного отца,
Что он короноваться к ним едет вместе с девой.
Норвеженка позднее им доброй была королевой.

[18]Что он ее достоин, оспаривала знать:
«Венчанной девой воин не может обладать,
Пускай сперва получит он от князей корону!»
Призвав родню на помощь, осилил он эту препону,[9]

[19]Пятьсот ирландцев смелых во цвете юных лет
С ним принесли совместно свой рыцарский обет.[10]
Нарядов, добрых коней – всего у них хватало,
Своей высокой чести король не унизил нимало.

[20]Он правил королевством счастливых много дней,
Не посрамивши чести и доблести своей,
Судил неправых строго, был беднякам защитой,
Повелевал без гнева, и воин он был знаменитый.

[21]Платили земледельцы оброк ему сполна,
И так добросердечна была его жена,
Что если б тридцать княжеств достались ей в удел,
Все тридцать раздала бы для добрых и памятных дел.

[22] Когда прошли три года, господь послал им сына,
Устроили младенцу богатые крестины
И дали имя Хаген, и так он после звался
И в памяти живущих в старинных преданиях остался.

[23]И девушки, и жены над ним кружились роем.
«Коль он в отца удался, так вырастет героем», —
Наследника лелея, твердили то и дело,
А мать с отцом гордились, любили его без предела.

[24]Семь лет ему сравнялось.[11] Дни мирно протекали.
Уж на руки нередко его герои брали.
К мужам тянулся Хаген, а женщин он дичился.
(Он был похищен вскоре, надолго с родней разлучился.[12])

[25]Когда ему случалось рассматривать доспех,
Он не просил у старших себе других утех,
Как натянуть кольчугу и шлем надеть, и шпоры.
Забыть забавы эти, однако, пришлось ему скоро.

[26]Раз на крыльце высоком сидел король-отец,
Под деревом кедровым, у входа во дворец.
Жена ему сказала: «Снискали мы почет,
Одна печаль, не скрою, давно мое сердце гнетет».

[27]Он молвил: «Объясни же, чем ты удручена».
«Я слишком редко вижу, – ответила она, —
Тебя в кругу героев, как подобает смелым.
Вот отчего скорблю я, болею душою и телом».

[28]И Зигебанд ответил высокородной даме:
«Так где мне появляться с моими храбрецами?
Раз ты того желаешь, то надоумь советом,
Я сил не пожалею, ты только скажи мне об этом».

[29]«Богаты мы, – сказала супруга короля, —
У нас без счета замков, не меряна земля,
Что серебра, что злата, каменьев всевозможных!
Но полно! Их значенье в судьбе человека ничтожно!

[30]Когда в стране шотландской я девушкой жила, —
Не гневайтесь, что речь я об этом завела, —
Там пышные турниры на весь гремели свет,
Венчая смелых славой. В Ирландии этого нет.

[31]Правитель настоящий, богатый, именитый,
Являться должен чаще к народу с пышной свитой.
На бугурте[13] пристало отряд ему возглавить,
Чтоб и себя украсить, и род свой в потомстве прославить.

[32]Прямого благородства князьям недостает,
Когда своим богатствам они теряют счет,
А с воинами медлят доходами делиться.
Израненным в походах, как бедным бойцам исцелиться?»

[33]Муж молвил: «Вы смеетесь над нами, госпожа,
Но обещаю, руку на сердце положа,
Что ревностно исполню все требования долга.
Вам вежеству отныне учить нас придется недолго».

[34]Сказала королева: «Велите же князьям
Прислать казну и платья, а я к своим друзьям
Глашатая отправлю, сказать о вашей воле.
Пускай родня приедет, мы здесь не соскучимся боле».

[35]«Охотно соглашаюсь, – сказал король жене, —
Как предки поступали, так следует и мне.
Устроим торжество мы, раз госпожа желает,
Мои и ваши гости пускай во дворец приезжают».

[36]Супруга заключила: «А я наряды дам,

Чтоб разоделись пышно шестьсот прекрасных дам
И шестьдесят четыре прекрасные девицы».
Правитель не замедлил с любимой женой согласиться.

[37]И вот, назначив праздник, король скрепил решенье,
В осьмнадцать дней отправив всем близким приглашенье
В Ирландию явиться весною благодатной,
Коль будет им угодно игрою потешиться ратной.

[38]Столы велел он ставить для гостьбы предстоящей,
Как сказывают, бревна пришлось везти из чащи,
И кравчим, и дворецким хлопот хватало вволю,[14]
Чтоб место приготовить для всех приглашенных к застолью.

[39]Зима пошла на убыль, повеяло весною,
Со всех сторон съезжаться тут начали герои,
Покамест не собралось из всех владений ленных
За восемьдесят тысяч в том замке бойцов соплеменных.

[40]Из королевских комнат одежду принесли,
Чтоб все принарядиться на празднество могли,
Потом коней ирландских король изволил дать им,
А женщин королева богатым украсила платьем.

[41]До тысячи прекрасных девиц и знатных жен
Подарки получили, достойные княжен,
К лицу им были ленты, шелка и самоцветы,
В нарядднейшие платья красавицы были одеты.

[42]Всяк получил одежду из королевских рук.
Приплясывали кони на поводу у слуг,
Пажи щитов и копий нагромоздили гору.
Всем этим королева в окно любовалась в ту пору.

[43]Начать героям бугурт правитель повелел,
Там скоро блеск их шлемов от крови потускнел,

Прославленные дамы сидели, жадно глядя,
Как смельчаки сражались и каждый стремился к награде.

[44]Шел час, другой и третпй, а жаркий бой все длился,
Король перед гостями в доспехах появился,
Чем царственной супруги он вызвал одобренье,
На них глядевшей сверху из башенки в эти мгновения.

[45]Он бился на турнире и сделал это так,
Как смелым подобает, а после подал знак,
Чтоб дорогие гости от многотрудной брани
Со славой отдохнули, и дам проводил он в собрание.[15]

[46] Прекрасная хозяйка приветствовала их,
Равно взыскала лаской и близких, и чужих,
Здесь каждый был замечен и Утой был одарен,
И благородной Уте был каждый за то благодарен.

[47]Воители уселись вблизи прекрасных дам,
Нрав добрый государя известен был гостям,
Всех милостью дарил он за тем веселым пиром,
А к вечеру герои опять развлекались турниром.

[48]Так продолжался праздник все девять дней подряд,
Чтил Зигебанд обычай и рыцарский обряд,
Певцы – народ бродячий – стараться были рады,
Гостей увеселяя, они ожидали награды.

[49]Там трубы и тромбоны гремели, словно гром,
А флейты и свирели звенели серебром,
Звучанье арф и скрипок сопровождало пенье.
И много новых платьев певцы получили за рвенье.

[50]Настал и день десятый. Но тут – внимайте диву! —
Все обернулось горем, что началось счастливо.
Пошли дела такие, что сгинуло веселье.

Им сладко пировалось, да горьким их было похмелье.

[51]Когда король беспечно с гостями восседал,
Явился некий шпильман[16] к ним в пиршественный зал,
И – кто бы мог подумать! – он всех затмил игрою,
Князья ему внимали, дивились искусству герои.

[52]С гостями веселиться еще был Хаген мал,
С пригожею девицей он за руку гулял,
Их опекали жены и многие из знати,
Что по родству и дружбе приставлены были к дитяти.

[53] Из дома раздавался в то время громкий смех,
Как будто ликованье там охватило всех.
Наставники и жены, внимая кликам звонким,
Приблизились к чертогу, оставив девицу с ребенком,

[54]Несчастье Зигебанда уже стучалось в дверь,
Беда подстерегала их с Утою теперь:
Отправил злобный дьявол к ним своего посланца;
Всех охватило горе тогда во владеньях ирландца.

[55]То дикий гриф внезапно к ним налетел,[17] как ворог,
И тот, кто Зигебанду был больше жизни дорог,
Его заставил плакать. И вот тому причина:
Свирепый гриф из дома унес королевского сына.

[56] Ложилась тень на землю от распростертых крыл,
Как будто бы от тучи. Был хищник полон сил,
В' пылу веселья люди не замечали птицу,
Наедине с ребенком оставила свита девицу.

[57]От взмаха сильных крыльев клонило долу лес.
Как увидала дева, что гриф летит с небес,
Покинула питомца, пустилась прочь оттуда.
Так странно все случилось, что счесть это можно за чудо.

[58]Гриф ринулся на землю, ребенка ухватил
Огромными когтями и перья распустил
В свирепой, лютой злобе – и это было явным.
Пришлось дитя оплакать героям отважным и славным.

[59]Зашелся мальчик криком, терпя немалый страх,
Он поднят был на небо, качался в облаках,
С противным ветром споря, гриф спрятался за тучей.
В тот день оплакал сына правитель, ирландцев могучий.

[60]Друзья делили горе несчастного отца,
В предвиденье для сына ужасного конца
Родные погрузились в глубокую печаль.
Всем добрым людям было прекрасного мальчика жаль.

[61]Тревогой неподдельной охвачен был любой,
И праздник прекратился до срока сам собой,
Его своим злодейством вспугнул свирепый гриф.
Все начали прощаться, глубокую скорбь затаив.

[62]Хозяин горько плакал, залив слезами грудь.
Его супруга кротко решилась упрекнуть:
«Не сетуйте напрасно, не вечен человек,
На то господня ноля, когда прекратится наш век».

[63]Уж госты восвояси готовились отбыть,
Но Ута им сказала: «Прошу повременить,
И серебром, и златом, сверкающим как жар,
Мы наградить должны вас, а вы не отриньте наш дар».

[64]Все стали королеву благодарить с поклоном.
Раздать велел хозяин гостям и приближенным
Некроенные ткани – шелка и аксамиты,[18]
Что большей частью были в далеких краях раздобыты.

[65]Он дал гостям палатки и вьючных лошадей,
И боевых ирландских выносливых коней,[19]
Дал серебра без счета и златом наградил их,
Взыскал своей заботой вассалов и родичей милых.

[66]Простилась королева с толпой прекрасных дев
И благородных женщин. Они ушли, надев
Подаренные платья, украсившие их.
Так завершился праздник. Дворец опустевший затих.

II авентюра
Как Хаген был унесен грифом

[67]Покинем же на этом мы королевский двор.
Пришел черед поведать, куда пернатый вор
Прекрасного ребенка унес средь бела дня,
Из-за чего немало о нем тосковала родня.

[68]По божьему хотенью еще был мальчик жив,
Но был на шаг от смерти: добычу старый гриф
Тащил птенцам голодным стремительно в когтях;
При виде их семейства объял королевича страх.

[69]А старый гриф достигнул гнезда среди ветвей
И выпустил внезапно ребенка из когтей,
Он очутился в лапах у одного птенца,
А что проглочен не был – да славится имя творца!

[70]Уж растерзать хотели птенцы его на части;
Узнайте же, как спасся он чудом от напасти:
Вцепился в него крепко один из стаи птичьей,
Чтоб только не делиться с другими своею добычей,

[71]И, крыльями махая, дитя переносил
С макушки на макушку, не рассчитавши сил,
На ветку с ним уселся, но подломилась ветка,
И гриф на землю рухнул и тут упустил малолетка.

[72]А Хаген схоронился от ворога в кустах.
Ребенка мучил голод еще сильней, чем страх.
Но не один в пустыне терпел он все лишенья, —
Девицам благородным он вскоре принес утешенье.

[73]Чудес на свете много творит господь великий.

Уже давно попали на этот остров дикий
Три королевских дочки, в младенческие лета
Похищенные грифом. Никто не найдет нам ответа,

[74]Чем только пробавлялись девицы много дней,
Видать, господь питал их десницею своей.
Он не хотел, чтоб Хаген скитался в одиночку,
И вот его в пещере нашла королевская дочка.

[75]При виде незнакомца, вошедшего в их дом,
Вообразили девы, что это горный гном[20]
Иль чудище морское, что выползло на сушу.
Лишь после оценили они его добрую душу.

[76]Оставшись с глазу на глаз в пещере с ним одни,
Что он христовой веры не ведали они,
И эта неизвестность их страхом наполняла.
(Потом он стал их другом и горе им скрасил немало).

[77]Та, что была постарше, ему сказала тут:
«Нам всемогущим богом дарован здесь приют,
Ищи себе подобных в пучине буйных вод,
А нам и так довольно нужды и жестоких невзгод».

[78]Ответил королевич: «Поверьте, я крещен,
Смените гнев на милость, не прогоняйте вон, —
Я был сюда заброшен какой-то дикой птицей.
Мне страшно в одиночку. Позвольте мне здесь поселиться».

[79]Они принять решили его в свой тесный круг,
Расспрашивали, кто он, откуда взялся вдруг, —
Все сильно занимало трех королевен милых,
Но голодом томимый, он был им ответить не в силах.

[80]Сказал ребенок знатный: «Хочу я есть и пить,
Благоволите хлеб ваш со мною разделить,

Три дня я жил без пищи, три дня не мог напиться,
Как за сто миль отсюда в когтях унесла меня птица».

[81] Ответили скитальцу прекрасные подруги:
«Нам есть и пить приносят невидимые слуги,
А кто они, мы сами не ведаем об этом».
Их бог питал незримо и разум им дал не по летам.

[82] Отправились девицы искать съедобных трав;
Набрав кореньев сладких н ягоды нарвав,
С пришельцем поделились, чем бог послал самим,
Хотя и непривычен ребенок был к яствам таким.

[83]Поел он, не гнушаясь, предложенную снедь, —
Голодной смертью, право, не сладко умереть.
С тех пор он прожил с ними в пещере много дней,
Подругам угождая примерною службой своей.

[84] И те о нем радели, о том сказать нам нужно,
Любили, словно брата, и опекали дружно.
И мирно жили дети до той поры, покуда,
Умножив их страданья, случилось нежданное чудо.

[85]Откуда, я не знаю, к суровой той земле
Прибило пилигримов[21] на утлом корабле,
Господню рать настигли валы со дна морского;
Заплакали девицы при виде несчастья такого.

[86] Погибли все. Хлестала в пробоины вода,
Прожорливые грифы нагрянули сюда
И стаей потащили на берег мертвецов,
Чтоб человечьим мясом кормить неокрепших птенцов.

[87] А запася в достатке для выводка еду,
Покинули внезапно скалистую гряду,
Взлетели по над морем и понеслись куда-то,

Оставив на утесе в дозоре свирепого брата.

[88]Заметил Хаген вскоре в синеющей дали
Пожитки пилигримов, что гибель здесь нашли.
Подумав, что съестное осталось в их поклаже,
Он к берегу пробрался тайком от свирепого стража.

[89]На опустевших дюнах лежал, уснув навек,
Один вооруженный, безвестный человек.
Снял панцирь королевич с безжизненного тела
И меч его забрал он, и лук, и каленые стрелы,

[90]Себя ребенок малый доспехами покрыл,
Как вдруг поднялся ветер от взмаха сильных крыл,
Покуда Хаген медлил, гриф опустился низко,
А мальчику в пещеру бежать оказалось неблизко.

[91]Остервенело птица метнулась на песок
И проглотить хотела, как лакомый кусок,
Дитя единым духом, но малолетний воин
В жестокой этой схватке хвалы оказался достоин.

[92]Он слабыми руками с могучим сладил луком,
И с тетивы слетела стрела с протяжным звуком,
Но не пронзила грифа. Откуда ждать подмоги?
Он меч занес, услышав, как девы стенали в тревоге.

[93]Не по-ребячьи Хаген во гневе был жесток,
Обрушил меч на грифа, крыло ему отсек
И, по ноге ударив, нанес такую рану,
Что на песке противник остался лежать бездыханно.

[94]Одержана победа, врага на свете нет!
Как вдруг за первым грифом другой явился вслед,
Но всех прикончил Хаген и перевел их племя,
Знать силы малолетке господь приумножил в то время.

[95]Когда такое чудо ребенок совершил,
Он вызвать из пещеры красавиц поспешил:
«Идите веселиться на солнечном просторе,
Нас небо охранило, Спаситель отвел наше горе».

[95]Те кинулись навстречу, восславили Христа,
Сто раз расцеловали воителя в уста.
Их страж лежал убитый. Отныне девам юным
Ничто не возбраняло гулять на просторе по дюнам.

[97]Когда гроза над ними рассеялась опять,
Скиталец научился без промаха стрелять,
Он настигал в полете стрелой любую птицу,
И про себя решил он: «Умелый врага не боится».

[98]Он сердцем был неровен: и дерзок, и смирен.
Животным подражая, как резво прыгал он!
Быстрей пантеры лазал на горную вершину;
Так сам себя взрастил он и так превращался в мужчину.

[99]Он часто для забавы шел на берег морской,
Смотреть, как рыбья стая играет чешуей.
Он наловил бы рыбы для названных сестер,
Но как ее изжарить, коль нечем разжечь им костер?

[100]В дремучий лес из дома он уходил теперь,
Где обитали звери. Один свирепый зверь
Набросился однажды и съесть его собрался,
Но меч свой поднял Хаген, и хищник на месте остался.

[101]Всем обликом дракона тот зверь напоминал,
Добычу юный воин потом освежевал,
Ее горячей кровью он жажду утолил
И стал вдвойне разумен, могучих исполнился сил.

[102]А кожу этой твари он на себя надел.
Тут вышел лев из чащи и скрыться не успел,
Как мальчик ухитрился царя зверей схватить
Но льва мечом не тронул, оставил из милости жить.

[103]Убитого им в чаще диковинного зверя
Решил отважный Хаген снести к своей пещере, —
Он о подругах милых заботился вседневно.
Развеселились духом от новой еды королевны.

[104]Костер они сложили, но не было огня.
Тут Хаген высек искры из горного кремня,
Отныне в их пещере горело ярко пламя,
Вот только мясо жарить подруги должны были сами.

[105]Драконье мясо сразу прибавило им сил,
И бог их не оставил, их разум, укрепил,
Прекрасны были девы и телом, и лицом,
Как будто возрастали у матери милой с отцом.

[106] Стал сильным дикий Хаген, как дюжина мужей
Чем был потом прославлен до дальних рубежей.
Но пленники роптали, что годы их доныне
Проходят бесполезно в унылой, безлюдной пустыне.

[107]Идти решили к морю страдальцы наугад.
Стыдились дети, глядя на бедный свой наряд;
Их ветхая одежда и впрямь была плоха,
Ее девицы сами сплели из зеленого мха.

[108]Шли лесом много суток, по поредела сень.
И вот увидел Хаген на двадцать пятый день
Корабль из Гарадеи на глади синих вод.
Благословляли девы его вожделенный приход.

[109]Призывно королевич вскричал что было сил,

Но ветер мореходов волною окатил
И судно затрещало. Всех охватил испуг.
За трех морских русалок сочли пилигримы подруг.

[110]Вельможный граф сальмейский, владевший кораблем,
Жил по соседству с Эйре и знался с королем,
Но сына Зигебанда, их звавшего в печали.
Он и его дружина до этой поры не встречали.

[111]Граф крикнул рулевому: «Здесь якорь не бросать!»…
Но именем Христовым стал Хаген заклинать,
Чтоб взяли мореходы их с острова сегодня,
И те восприяли духом, услышавши имя господне.

[112]С мужами, сам двенадцать, граф пересел на челн,
Но, истины не зная, он был сомнений полн,
Не кобольды[22] ли это? Не водяного ль дети?
Граф не встречал созданий пленительней видом, чем эти.

[113]Вот почему на берег он выйти не спешил.
«Вы приняли крещенье?» – он прежде вопросил,
Рассматривая странниц в уборе их зеленом.
Взять их скорей с собою они попросили с поклоном.

III авентюра
Как Хаген явился на корабль

[114]Но прежде, чем забрать их с неласковой земли.
Паломничью одежду скитальцам принесли.[23]
Как ни стыдились девы, пришлось ее надеть им.
Но сетовать на это уж не было времени детям.

[115]Вдали остался берег, кругом волна морская,
Все рыцари собрались, приехавших встречая,
И приняли красавиц с почтением великим,
Хоть каждую считали до этого чудищем диким.

[116]Всю ночь они спокойно на море провели,
Но к странничьей одежде привыкнуть не могли.
Что это платье – почесть, как было детям ведать?[24]
Граф предложил им вскоре отборные яства отведать.

[117]Когда они поели для подкрепленья сил,
Граф, сидя вместе с ними, ответить попросил,
Кто их, таких красавиц, в пустынный край занес.
Их горе растревожил предложенный графом вопрос.

[118]Та, что была постарше, сказала, не таясь:
«Я в Индии далекой, в чертогах родилась,
Там мой отец и ныне еще сидит на троне,
Хоть мне и не придется блистать в королевской короне»,

[119]И средняя открыла свой жребий невезучий:
«Меня у португальцев похитил гриф могучий,
Там звал своею дочкой меня правитель славный.
Известный повсеместно богатством и силой державной».

[120]а третья, меньшая, что рядом с ним сидела,

Ответила Сальмейцу с достоинством и смело:
«Я в Изерланде, сударь, от короля родилась,
Но с теми, кто мне дорог, увы, навсегда разлучилась».

[121]Промолвил знатный рыцарь: «Господь великий благ,
Вам не оставив близких, он направлял ваш шаг
И от беды хранил вас, красавицы, доныне,
Предначертав, чтоб встретил я вас в этой дикой пустыне».

[122]Он спрашивал о многом, но уяснить не мог,
Как от жестокой смерти их жребий уберег,
Когда их злые грифы в гнездо к себе тащили.
Они страдали много, но мало о том говорили.

[123]Тут к юному герою оборотился граф:
«Друг и товарищ милый, от этих дев узнав
Их горестную повесть, я полон нетерпенья
Узнать, откуда родом и кто вы по праву рожденья».

[124]«Я это расскажу вам, – сказал герой вельможе, —
Из дома диким грифом я был похищен тоже,
Мне Зигебанд – родитель, а Эйре – край родимый.
С подругами скитался я долго в глуши нелюдимой».

[125]Тут все его спросили: «А как могло случиться,
Что вас не растерзали прожорливые птицы?»
Он молвил: «Божья воля была на то святая,
Отвел я в битве душу, теперь уничтожена стая».

[126]Правитель Гарадеи сказал: «Открой нам, милый,
Как одолеть их стаю ты мог». – «Своею силой.
Убил и старых грифов, и всех их злых детей,
Хоть рисковал при этом не мелочью – жизнью своей!»

[127]Вскричали мореходы: «Ты редкостно силен,
Что стоит восхищенья и рыцарей, и жен;

Пусть тысяча нас будет, у нас не хватит сил
Всех грифов уничтожить, а ты их один истребил».

[128]Граф и его дружина боялись: крепок гость!
Предвидели, что станет он им, как в горле кость,
И меч его хотели они лукаво выкрасть.
Но Хаген отогнал их. Пустой оказалась их хитрость.

[129]«Мне счастье привалило, – тут граф промолвил снова, —
А ведь судьба доселе была со мной сурова.
Коль ты в родстве с ирландским правителем надменным,
Заложником ты станешь, тебя объявляю я пленным.

[130]Знай, что ко мне явился ты в надлежащий час:
Твои друзья лихие вредили мне не раз,
Презрев добрососедство, набегом, как злодеи,
Разбили, разгромили моих храбрецов в Гарадее».

[131]«Я в этом неповинен, – сказал ему герой. —
Прошу вас, отвезите к родным меня домой,
И я уйму их злобу, улажу все раздоры,
Коль вы меня немедля отцу возвратите без спора».

[132]Граф мальчику ответил: «Ты будешь пленник мой.
А этих дев прекрасных я увезу с собой,
Они мой двор украсят для нашей славы вящей».
Почел все это Хаген за стыд и позор настоящий.

[133]Вскричал герой во гневе: «Я не пойду в неволю,
И каждый добрый рыцарь отвергнет эту долю!
Вы, моряки лихие, ведите судно к суше,
А я вам дам в награду, чего захотят ваши души.

[134]Дам обратить в служанок вы вздумали спесиво!
Граф, без твоей опеки девицы будут живы.[25]
Есть кто-нибудь на судне, способный внять приказу?

Так поверните парус, в Ирландию двинемся сразу».

[135]Схватить героя людям их господин велел,
Но лишь они напали – никто не уцелел:
За волосы – и в воду! Был гость непобедимым,
От рук его погибнуть пришлось тридцати пилигримам.

[136]И если бы не просьбы великодушных дев,
Убил бы Хаген графа – в такой вошел он гнев.
Слуга или хозяин – ему едино было.
Тут повернули к Эйре бойцы, переставив ветрила.

[137]Они поторопились, чтоб вовсе не пропасть,
Свирепость гостя видя, его признали власть,
Семнадцать дней прислуга усердно хлопотала,
Минувшее сраженье жестоко их всех испугало.

[138]Приблизившись к пределам родительской земли,
Увидел отрок замки, стоявшие вдали,
Узнал дворец[26] высокий на берегу залива
И триста крепких башен, его окружавших красиво.

[139]Там Зигебанд державный с супругой Утой жил.
Боялись пилигримы, чтоб он их не убил,
Когда король узнает в них недругов постылых,
Но Хаген благосклонно от гнева отца защитил их.

[140]Он молвил мореходам: «Хоть я и не могу
Распоряжаться властью на этом берегу,
Но я гонцов отправлю к отцу и порадею,
Чтоб кончить с древней распрей между ним я людьми Гарадеи.

[141]И тех, кто за награду нам рады послужить,
Кто важное известье возьмется доложить
Владельцу Балиана, тех одарю я златом,

А Зигебанд и Ута отпустят с подарком богатым».

[142]Двенадцать пилигримов собрались в тот же час.
«Спросите государя, – им Хаген дал наказ, —
Желает ли он видеть утраченного сына,
Что был похищен грифом и чью он оплакал кончину.

[143]Отец вам не поверит, тогда спросите мать,
Согласна ль она будет дитя свое признать,
Коль на груди скитальца, под этой рясой чистой,
Родимый знак увидит – ей ведомый крест золотистый[27]).

[144]Посланцы поскакали немедля во дворец.
С супругою в светлице сидел король-отец,
Он угадал в приезжих людей из Гарадины,
Его врагов заклятых, и гнев охватил властелина.

[145]Как те прийти посмели, спросил державный князь.
Один из них ответил владыке, не смутясь:
«Послал нас юный Хаген, твой сын, он недалече,
Не надо долго ехать тому, кто желает с ним
встречи».

[146]И Зигебанд ответил: «Напрасна ваша ложь,
Что он погиб, мой Хаген, – для сердца острый нож,
Такого не желаю врагу, не только другу».
«Раз верить не хотите, тогда расспросите супругу.

[147]Мать близко видит сына с младенческих пелен,
А на груди ребенка был крест запечатлен,
И если у скитальца вы тот же знак найдете,
То, истине доверясь, вы сыном его назовете».

[148]Весть эта королеве рассказана была,
Она грустить забыла и стала весела,
Сказала: «Надо ехать и правды допытаться».

Своим друзьям хозяин в дорогу велел собираться.

[149]Сказал прекрасной Уте какой-то пилигрим:
«Сударыня, к советам прислушайся моим,
Возьми с собою платья в подарок милым детям, —
Трех королевских дочек мы вместе с наследником встретим».

[150]Взяла она одежды, исполнивши совет,
И рыцари, и жены скакали ей вослед,
А на песке прибрежном, уже рукой подать,
Стоял отважный Хаген, а с ним гарадейская рать.

IV авентюра
Как Хагена приняли отец и мать

[151]Господ и знатных всадниц увидел юный князь,
К ним броситься навстречу душа его рвалась:
Кто едет, угадать бы! Тут шумною толпою,
Друг друга обгоняя, друзья подскакали к герою.

[152]С прибытием поздравил его король-отец.
«О вас ли, добрый воин, нам сказывал гонец?
Ребенком королевы себя вы объявили.
Желал бы я сердечно, чтоб вы и взаправду им были».

[153]Жена благопристойно ему сказала туг:
«Пускай сначала люди в сторонку отойдут.
Достоин ли он трона, намерена узнать я».
Заветный крест узрела – и сыну открыла объятья.

[154]В уста его целуя, заплакала она:
«Все годы я хворала, теперь исцелена,
Мой сын единородный, желанен твой приход,
Утешится тобою и весь наш ирландский народ).

[155]Приблизился к ним Зигебанд, и слезы из очей
На грудь его от счастья катились, как ручей,
Потерянного сына нежданно обретя,
Еще сильней любил он свое дорогое дитя.

[156]И спутниц сына Ута приветствовала всех,
Она дала им пестрый и серебристый мех,
И шелковые ткани, что их красе пристали,
Скиталиц обласкала, забыли они о печали.

[157]Как это подобало одели знатных дев,

Красавицы сначала стыдились, оробев,
Но после вышли к людям в парчовых новых платьях.
Король со всей дружиной изволил достойно
принять их.

158Тем временем наследник настойчиво просил,
Чтоб Зигебанд соседям на радостях простил
Все прежние обиды и чтоб не помнил зла.
В честь сына пилигримам дарована милость была.

159Правитель целованием желанный мир скрепил
И щедро гарадейцам убытки возместил,
Что было им на пользу, а Хагену во славу.
С тех пор связала дружба одну и другую державу.

160Как водится, заботой гостей не обошли,
Им пищу и одежду на берег принесли,
Хозяин пригласил их к себе на две недели,
И те благодарили за ласку его, как умели.

161С веселым нетерпеньем все двинулись вперед,
А к замку в Балиане уже спешил народ.
Что жив наследник трона узнали люди сразу,
Хоть мало кто решался чудесному верить рассказу.

162Промчались две недели, и подошла пора
Скитальцам-мореходам уехать со двора.
Дал золота хозяин в подарок пилигримам,
Желая ради сына, чтоб был их союз нерушимым.

163Подругами своими герой но пренебрег,
Велел, чтоб к их услугам топилась баня впрок
И было много платьев у них зимой и летом.
Служил он девам скромно и разум имел не по летам.

164Наследник трона вырос и сильно возмужал,

В воинственных забавах он всех опережал, —
Оружный, безоружный – он бой кончал со славой,
А после так же твердо он правил отцовской державой.

[165]Всему, что подобает, был выучен герой,
Ни страха, ни упрека не зная за собой.
За это восхищались им знатные девицы.
Он был настолько щедрым, что все не могли надивиться.

[166]И так он был отважен, как нам твердит молва,
Что мстил врагам и близких отстаивал права,
Не выгоды, а чести искал он в каждом деле,
О нем слагали сказки и песни на родине пели.

[167]Ведь некогда в пустыне рос юный государь
Среди зверей свирепых и мог любую тварь,
Лишь только пожелает, настигнуть быстроного.
Чудес в те дни у моря с подругами видел он много.

[168] Хотя он имя Хаген с крещения носил,
«Сам дьявол над князьями» он кличку получил,
Под ней во многих странах стяжал себе признанье
И силой непомерной поддерживал это прозванье.

[169]Друзья его твердили, чтоб Хаген взял жену.
Чего искать далеко! Он в доме знал одну
Красавицу, что прочих на свете затмевала
И в годы тяжких бедствий его самого опекала.

[170]Звалась девица Хильдой. Из Индии она
На остров дикой птицей была унесена.
Ее он встретил первой – их свел в пещере случай, —
И Хаген в целом мире жены не искал себе лучшей,

[171]Решил король, что сына и сто его друзей
Мечом перепоясать им надо поскорей,[28]

И лошадей, и платье он всем им дал в подарок,
На четверых героев истратив по тысяче марок.[29]

172Наследник не перечил. Он дал вассалам знать,
Что будет день назначен, он известит всю знать
И наградит их щедро. Обычай непреложен.
На год и трое суток был день посвященья отложен.[30]

173Съезжаться гости стали к Ирландцу на порог.
Щиты из светлой стали им выковали в срок.
На седлах украшенья – все в золотой насечке,
И золотом сверкали поперсья[31] коней и уздечки,

174Узорными шатрами покрылся чистый дол,
Здесь Хагеновы гости нашли и кров, и стол,
И все, чего желали. Был стан разбит широко.
По всем дорогам люди спешили сюда издалека,

175Гостей, что дожидались с ним посвященья вместе,[32]
Нарядами украсить велел герой по чести,
И тысяче пришельцам из стран далеких, чуждых
Он дал коней и платье; об их позаботившись нуждах.

176Друзьям отважный Хаген открылся наконец:
«Советуете все вы, чтоб я надел венец,
Мне заодно с любимой короноваться надо,
Чтоб за ее служенье воздать драгоценной наградой».[33]

177«Но кто ж она? – спросили вассалы как один, —
Кому корону прочит их юный господин?»
«Дочь Индии, – сказал он, – звать Хильдой эту деву.
Нам с вами не придется краснеть за свою королеву».

178Возрадовались сердцем тут мать его с отцом,
И любо было Хильде украситься венцом.
Она потом примером была для приближенных.

Мечом почтен был Хаген, а с ним и шестьсот посвященных.

[179]Как учит христианский обычай и закон,
Чету короновали и возвели на трон.
Оттуда молодые отправились в чертоги.
Потешное сраженье вели их друзья по дороге.

[180]Сам Зигебанд в доспехах явился горд и смел,
Он деньги щедро тратил, сокровищ не жалел.
За ним скакали следом его родня и други,
А при дворе усердно готовили пиршество слуги.

[181]Они столы и кресла несли в обширный зал.
Уже умолк в соборе торжественный хорал,
Пришла с обедни Ута, вернулись ее девы.
Герои любовались на свиту своей королевы.

[182]Когда же вместе с Утой сел Зигебанд к столу,
А Хаген рядом с Хильдой, все люди в похвалу
Сказали: «Что за счастье иметь такого сына!»
Переломила копья в их честь удалая дружина.

[183]Двенадцать на двенадцать мужей открыли бой,
Они единоборство вели между собой.
На них смотрели дамы и знатные девицы, —
Ведь пропустить ристанье в торжественный день не годится.

[184]Когда, напировавшпсь, король с сиденья встал,
Окрестный дол от кликов и скачки задрожал,
С самой землею вровень легли цветы и травы,
Все, кто здоровы были, сраженье вели для забавы.

[185]Сын Зигебанда мчался с оружьем на коне,
На радость и утеху разумнице жене.
Она ему служила когда-то на чужбине,
За это он платил ей отвагой и доблестью ныне.

[186]А рядом с ним скакали в клубящейся пыли
Двенадцать их вассалов, все тоже короли.
Язычники здесь были и были христиане,
Все Зигебанду с сыном служить поклялись в Балиане.

[187]Так продолжался праздник, весельем напоен,
Под гиканье и клики, и оружейный звон,
Но положил хозяин конец забаве ратной.
В кругу прекрасных женщин ждал рыцарей
отдых приятный

*[18s]*Сказал король бывалых соратникам в бою:
«Отныне королевство я сыну отдаю,
Всех подданных и земли вручаю заедино,
И пусть мои герои в нем чтут своего господина».

[189]Он о своем решенье оповестил всю знать,
И в ленное владенье стал Хаген раздавать
Наследственные земли[34] с такою добротою,
Что все князья охотно служить обязались герою.

[190]И, как уставом ленным предписывалось встарь,
В свои ладони принял их руки государь.[35]
Он дал чужим и близким сокровища и платья,
Всех бедных осчастливил на свадьбе своей без изъятья.

[191]Одну из дев, нашедших в Ирландии приют,
Король и королева позвать велели тут.
Собой на загляденье, пригожа и мила.
Из Изерланда родом красавица эта была.

[192]Какой-то князь увидел ее у королевы,
И стал просить у Хильды руки прекрасной девы,
Сулил венцом украсить супругу по закону.
Она за дружбу с Хильдой, за верность стяжала корону.

[193]С хозяевами гости простились. Праздник стих.
Достойную девицу князь увозил от них
В далекие владенья, на родину в Норвегу.
Ей небо после бедствий послало довольство и негу.

[194]И начал править Хаген в Ирландии своей.
Случалось, что встречал он неправедных людей,
Карать таких сурово он в долг себе поставил,
Их восемьдесят с лишним он только за год обезглавил.

[195]Ходил король в походы, врагам давал урок,
Но, бедным сострадая, од города не жег.
Когда сосед спесивый кого-нибудь тиранил,
Он рушил его замки и насмерть обидчика ранил.

[196]В бою – отважный рыцарь, он свой прославил меч,
Сильнейшие герои с ним опасались встреч,
На суше и на море гремело его имя.
«Сам дьявол над князьями» брал верх над врагами своими.

[197]Так жил король «на славу и счастлив был сполна.
Родила ему дочку любимая жена.
Ее в купели Хильдой в честь матери назвали,
Старинные преданья нам много о ней рассказали.

[198]Ревниво дикий Хаген дитя свое берег,
Чтоб солнце не палило, чтоб даже ветерок
Наследницы не тронул. Уход за ней он вверил
Друзьям и знатным дамам, в чью верность и преданность верил.

[199]Когда *же* ей сравнялось двенадцать полных лет,
О красоте девицы прослышал белый свет,
Князья о ней мечтали и думали вседневно
О том, как им добиться любви молодой королевны.

[200]Один из них датчанин, – он в Валейсе сидел,
Узнав о чарах Хильды, искать ее посмел,
Он был весьма настойчив и к ней послов отправил,
По Хаген, разъярившись, убил его и обесславил.

[201]Сколь пи являлось сватов челом Ирландцу бить,
Их всех надменный Хаген приказывал убить.
Хотел он выбрать зятя, чтоб был не ниже тестя,
И люди разносили об этом тревожные вести.

[202]Послов велел повесить он больше двадцати,
Смертельную обиду князьям пришлось снести,
И многие, кто прежде невесты домогались,
От помыслов о Хильде теперь навсегда отказались.

[203]Но истинно влюбленных угрозы не страшат.
Их тоже было много. Недаром говорят:
На каждого спесивца гордец найдется равный.[36]
Надзор за милой Хильдой удвоил отец своенравный.

V авентюра
Как Вате ездил в Ирландию

[204]Доподлинно известно, что этой же порой
Жил в Датском королевстве властительный герой,[37]
На землях марки Штурмен[38] родня его сидела,
Нортландией[39] он правил, и сила его не скудела.

[205]Его наставник Вате, сородич и. вассал,
Своим обширным леном умело управлял.
Как родственник он с детства воспитывал героя,
Учил добру и чести, все лучшее взял для привоя.

[206]Племянник Вате Хорант – тот Данией[40] владел,
Неустрашимый рыцарь, он много преуспел:
Король могучий Хетель за верное служенье
Достойного вассала короной почтил в награжденье.

*[207]*Скажу еще, что Хетель был славен и велик,
Свой стол у хегелингов[41] близ Дании воздвиг,
Там восемьдесят замков и укреплений мощных
Герои охраняли, служа ему денно и нощно.

[208]Он был владыкой фризов на суше и морях,[42]
И Дитмерс,[43] как и Валейс,[44] удерживал в руках,
Роднёю не обижен, имел он близких много,
Свиреп и крут с врагами, их часто наказывал строго.

[209]Был Хетель сиротою. Родителей лишась,
В заботливой супруге нуждался юный князь.
Он взял страну в наследство, друзей имел немало,
Но раннее сиротство правителю жизнь омрачало.

[210]Друзья ему сказали: «Вам надобно влюбиться»,

Ответил юный рыцарь: «На свете нет девицы,
Корону хегелингов носить достойной с честью
И в дом ко мне хозяйкой войти, как пристало невесте»,

211Тут молвил слово Морунг, нифландец молодой:[45]
«Я об одной наслышан. Разнесено молвой,
Девицы этой знатной нет в целом мире краше,
Нам надо постараться устроить супружество ваше».

212«И кто ж она такая, как звать?» – король пытал.
«Зовется дева Хильдой, – нифландец отвечал, —
Потомок Гере, Хаген, – ее родитель властный,
Ты век свой будешь счастлив, когда завладеешь прекрасной».

213Сказал король: «Я слышал, что благородный пыл
Искателей влюбленных отцу ее постыл,
Из-за нее погибло уж множество людей,
Я подвергать не стану опасности наших друзей».

214Но Морунг неотступно твердил: «Пошли гонца
За Хорантом, он знает свирепого отца,
Постиг его обычай и норов безрассудный,
Нам без его подмоги добыть будет девушку трудно».

215«Согласен, – молвил Хетель, – коль Хильда всех милей.
Но ты поедешь тоже в Ирландию за ней,
Посланцем почитаю тебя я наилучшим,
Тебе воздастся славой, коль мы королеву получим».

216Гонцов к датчанам Хетель немедленно послал,
Где родич его Хорант страною управлял,
Сказать, чтоб тот явился к нему через неделю,
Коль оказать услугу готов государю на деле.

217Когда гонцы домчались и передали весть,
Приказ исполнить Хорант почел себе за честь,

Как требовала служба и верности обет'.
А ждало его много и подвигов ратных, и бед.

218Он ко двору собрался, взяв шестьдесят людей,
С домашними простившись, поехал поскорей,
Чтоб разузнать, что значит поспешный этот вызов
И чем служить он может владыке могучему фризов,

219А на седьмое утро весь путь покрыл отряд,
На каждом из героев был праздничный наряд.
Король их встретить вышел, не медля ни минуты,
И в их толпе заметил датчанина смелого Фруте.

220Развеселился Хетель, увидевши вокруг
Своих друзей любимых, как будто кто-то вдруг
Снял часть его заботы, гнетущей, словно путы,
И он воскликнул: «Здравствуй, любезнейший братец мой, Фруте!»

221И Хоранта, и Фруте спросил правитель тут.
Как в Датском королевстве дела у них идут.
Герои отвечали: «Недавно в жаркой схватке
Мы кровью обагрили мечи наши по рукоятки».

222Спросил король, далеко ль датчане воевали.
«На землях португальских,[46] – друзья ему сказали, —
Их грозный повелитель теперь грозится местью,
Вседневно нападает с дружиной на наши поместья».

223Промолвил юный Хетель: «И пусть его грозит!
Я знаю, старый Вате набеги отразит.
На землях марки Штурмен сидит он крепко ныне,
Славнейший не отнимет у родича этой твердыни».

224Они пошли к застолью в чертог, покинув двор,
Здесь шутками, как солью, был сдобрен разговор.

Герои рассуждали о чарах женщин милых,
Король охотно слушал и щедро потом наградил их.

[225]Стал Хоранта хозяин настойчиво просить:
«Ты верно Хильду знаешь, изволь и мне открыть
Всю истину об этой прекрасной королевне,
Хочу послов отправить в столицу страны ее древней».

[226]Сказал отважный рыцарь: «Мне ведома она.
Из девушек не может красою ни одна
Сравниться с милой Хильдой, от Хагена рожденной.
По праву ей пристало венчать свои кудри короной».

[227]Спросил король с надеждой: «А можно ль ожидать,
Что Хаген не откажет мне дочь свою отдать?
Коль так, я буду сватать прекрасную девицу
И дам тому награду, кто мне помогать согласится».

[228]«Пустое попеченье! – ему ответил друг, —
К ирландцу не поедет никто из ваших слуг.
Я сам не брошусь в пекло, – я не хочу
лукавить, – Там вешают посланцев, а нет, так велят обезглавить».

[229]Воскликнул Хетель: «Девой я должен обладать!
Посла повесит Хаген, – ему несдобровать,
Король ирландский жизнью заплатит мне своею,
И собственная ярость во зло обратится злодею».

[230] Тут подал голос Фруте: «А я стою на том,
Что если старый Вате окажется послом,
То мы тебе добудем красавицу иль сами
Телами путь устелем, пронзенные насмерть мечами».

[231]«Тогда, – ответил Сетель, – я отдаю приказ
Нарочным ехать в Штурмен за Вате сей же час,

Он для меня, я знаю, пойдет в огонь и в воду.
Да пусть фрисландец Ирольт[47] ведет к нам побольше народу».

232Гонцы стремглав домчались до штурменской земли,
В кругу дружины храброй воителя нашли.
Король, они сказали, велел-де вам явиться.
Зачем он нужен другу, стал Вате гадать и дивиться.

233Спросил он, надевать ли ему броню и шлем
И верным его людям являться надо ль всем.
«Король молчал об этом, – сказал один гонец, —
Одно лишь мы слыхали, что вас он зовет во дворец».

234Собрался ехать Вате, страну и дом родной
Оставив под охраной дружины удалой,
Его сопровождало всего двенадцать душ.
В столицу хегелингов отправился доблестный муж.

235Без отдыха скакали они во весь опор
И вскоре в Кампатиллу[48] приехали, на двор.
Обрадовался Хетель, он сам их вышел встретить,
Чтоб как нельзя сердечней старинного друга приветить.

236С прибытием поздравил он рыцаря тепло.
«Как много, сударь Вате, водицы утекло
С тех пор, как мы видались, как вместе мы когда-то
Походы замышляли, чтоб нам разгромить супостата».

237«Друзьям, – ответил Вате, – держаться вместе нужно,
Тогда они могучи, тогда не безоружны,
Какой бы враг их дому бедой ни угрожал».
И с искренней приязнью король ему руку пожал.

238Беседа с глазу на глаз пошла потом у них.
Был славен юный Хетель, был старый Вате лих,

В поступках своенравен он был в такой же мере.
Не знал король, как молвить, чтоб Вате отправился в Эйре.

[239]Он тронул в сердце друга заветную струну:
«Мне надобен посланец в ирландскую страну,
Я никого не знаю, кто был бы здесь пригодней,
Чем вы, любезный Вате, чем вы, милый друг, благородней».

[240]Ответил старый Вате: «Все, чем могу служить,
Вам к чести и в угоду я счастлив предложить.
Мне порученье ваше бестрепетно доверьте.
Меня не остановит ничто на пути, кроме смерти»,

[241]«Мои друзья и слуги, – король ему сказал, —
Твердят единодушно, чтоб я в супруги взял
Дочь гордого Ирландца и сделал королевой.
Одной я мыслью занят, как мне завладеть этой девой».

[242]Сказал старик во гневе: «Кто все тебе напел,
Погибни я сегодня, не больно бы жалел.
Никто другой, как Фруте, – с него такое станет, —
Внушил тебе, что Вате красавицу Хильду достанет.

[243]Девицу эту стражи усердно стерегут.
А как она прекрасна, вам насказали тут
Болтливый Хорант с Фруте. Я не найду покоя,
Пока в поход опасный со мною не пойдут эти двое».

[244]Велел король немедля тех рыцарей позвать.
Нашлись друзья, что мигом героям дали знать,
Король-де неотложно желает с ними встречи.
Об этом Хорант с Фруте вели сокровенные речи.

[245]Едва явился Хорант и Фруте, их свояк,
В запальчивости Вате сказал обоим так:
«Воздай вам боже, други, за ваше попеченье,

За то, что испросили почетное мне порученье.

[246]Уж раз вы не жалели для этого хлопот,
И вам со мной придется отправиться в поход,
За милости и ласку мы королю послужим,
А злом за зло плачу я своим доброхотам досужим».

[247]Неустрашимый Хорант сказал ему: «Изволь!
Я с радостью поеду, когда велит король.
Сражаться ради женщин готов, как и доселе,
Чтоб мне досталась слава, а другу любовь и веселье».

[248]Отважный рыцарь Фруте добавил в свой черед:
«Семьсот мужей надежных нам надо взять в поход,
Ведь никого на свете Ирландец чтить не хочет,
Но если нас обидит, вся спесь с него живо соскочит.

[249]Чтоб нам со всей дружиной в Ирландию отплыть,
Корабль из кипариса велите снарядить
Вместительный и прочный. Велите ладить снасти,
Стальными обручами могучие мачты украсьте.

[250]Вы также позаботьтесь о пище про запас,
Да чтоб ковали шлемы и панцири для нас:
В ирландском королевстве нам это пригодится,
Руки прекрасной Хильды с оружием легче добиться.

[251]И пусть мой родич Хорант, он разумом остер,
Раскинет для торговли приманчивый шатер,
Разложит на продажу шелка и самоцветы,
Изделья золотые: красавицам нравится это.

[252]Пускай товары эти он отдает за грош.
Но голыми руками невесту не возьмешь,
Нам Хагенову дочку не высватать без боя.
Пусть Вате сам назначит, кого поведет за собою».

[253]«Я не купец, а рыцарь, – сказал на это Вате, —
И не копил сокровищ, что в битвах были взяты,
А раздавал дружине. Таков уж мой обычай,
И я не знаю толка в шелках для забавы девичьей.

[254]Хоть мне племянник Хорант пошел наперекор,
Он знает, что рассказы про Хагена не вздор.
Необычайной силой тот рыцарь обладает,
Наш умысел поймет он, тогда нас беда ожидает.

[255]Не думаю, чтоб Хаген обидчиков простил.
Так вот, на нашем судне пусть выстроят настил,[49]
Под ним дружину спрячут с оружием на случай,
Коль не отпустит с миром из Эйре нас витязь могучий.

[256]Во всем вооружении бойцов не меньше ста
Везти придется скрытно в те дальние места,
Да с Хорантом две сотни пускай торгуют вместе
В угоду знатным дамам и девушкам, близким к невесте,

[257]Еще три добрых барки пусть, отрядят в поход,[50]
Туда коней погрузят, еду на целый год.
А Хагену мы скажем, что после многих бедствий,
Покинув марку Штурмен, искали спасения в бегстве.

[258]Что господин наш Хетель к нам был неумолим;
И в королевский замок с дарами зачастим,
И к Хагену, и к Хильде проложим колею,
Тогда король охотно окажет нам милость свою.

[259]Твердить мы станем дружно, как нами он ценим,
Как чтим его, и вскоре поладим, верно, с ним.
Правитель благосклонный скитальцам кров предложит,
Накормит и напоит, и наше богатство умножит».

[260]Спросил героев Хетель: «Раз так, тому и быть,
Когда же вы решитесь в Ирландию отплыть?»
Те молвили: «Как только повеет ветром вешним
И холода минуют, мы в замке появимся здешнем.

[261]Тем временем готовьте заботливо для нас
Вы паруса и снасти, и весь морской припас.
Пусть барки и галеры[51] построят корабелы,
Чтоб, волны рассекая, суда оставались целы».

[262]«Ну, с богом восвояси! – сказал король в ответ, —
На лошадей и платье вам тратиться не след,
Мы всех, кто едет с вами, так снарядим завидно.
Что в общество красавиц явиться им будет не стыдно».

[263]тут Вате попрощался и в Штурмен поскакал,
И Хорант, вместе с Фруте. откланиваться стал,
Домой в свои владенья они вернулись оба
И честно порешили служить господину до гроба.

[264]В столице же настала горячая пора,
Суда изготовляя, трудились мастера,
В защиту от напора морских валов недобрых
Борта их возводили они на серебряных ребрах.

[265]Под силу было мачтам снести любой удар,
Концы червленых весел сияли, словно жар,
Оправленные златом. Хозяин их богатый
Для плаванья такого велел не скупиться на траты.

[266]А якорным канатам там не было цены,
Из дальней, аравийской возили их страны,[52]
На свете не бывало прочнее этой снасти,
С ней в море хегелинги могли не бояться ненастья.

[267]Хозяин торопил их. От самого утра

До вечера тачали ветрила мастера,
Шелк абалийский, лучший для этого достали,[53]
Полотнища сшивая, подручные сильно устали.

268Кто может нам поверить? Ведь, правду говоря,
Из серебра ковали там даже якоря.
Одной высокой страстью охвачен Хетель был
И сам не знал покоя, и всех остальных торопил.

269 И вот уже на славу суда укреплены
И против нападений, и ярости волны,
Друзей позвал хозяин, чтоб ехать за девицей,
На каждого из храбрых он мог целиком положиться.

270Явился старый Вате из Штурмена на зов,
Сгибались его кони под тяжестью вьюков
С серебряной монетой, с одеждой дорогой.
Бойцов четыре сотни привел к хегелингам герой.

271[54] Приехал смелый Хорант из Дании своей,
С ним получил правитель до тысячи людей,
Отправиться согласных в Ирландию со сватом.
Не преуспел бы Хетель, не будь он настолько богатым.

272Привел фрисландец Морунг сынов своей земли,
Их двести собиралось взойти на корабли,
Все были в крепких шлемах, защищены броней.
Вослед им прибыл Ирольт. Все Хетелю были родней,

273В Нортландии, где Ирольт трубил походный сбор.
Он каждому герою военный дал убор,
И если б Хетель ныне и отказал им в платье,
Никто б и не подумал просить о награде и плате.

274Приветствовал их Хетель и милостью взыскал,
Он Ирольта сердечно за обе руки взял,

Сел вместе с Вате рядом, чтоб другу угодить.
И так как очень скоро бойцам предстояло отплыть,

[275]Велел король дозором причалы обойти
И всё ли есть проверить, что надобно в пути.
Герои убедились, как корабли красивы,
В поход за милой Хильдой король снарядил их на диво.

[276]Две новые галеры на прочных якорях,
Да две добротных барки качались на волнах,
И был корабль построен могучий, превосходный.
Каких никто доселе на глади не видывал водной.

[277]Ну, в путь! На барки взяли и лошадей, и кладь.
И молвил другу Вате: «Хочу вам пожелать:
Храните бодрость духа, покуда мы вернемся,
А мы служить вам верно в далеком походе беремся».

[278]«Оберегайте, Вате, – король сказал в ответ, —
Бойцов, годами юных, от им грозящих бед,
Их, вовсе не привычных к опасным приключениям,
Для вас достойно будет своим наставлять поучением».

[279]Старик сказал: «Какой бы нас жребий ни постиг,
Пусть-будет дух ваш, Хетель, по-прежнему велик,
А щедрость беспредельна. Храните вашу землю.
Учить в дороге юных как рыцарский долг я приемлю».

[280]Сто витязей избрали, чтоб их на судне скрыть.
Коль хитростью удастся невесту заманить,
Им бой вести придется решительный и жаркий.
Перед отъездом Хетель дал всем дорогие подарки.

[281]Меж тем датчанин Фруте уже наполнил ларь
Каменьями и златом, что дал им государь,
А жаловал сокровищ он сколько ни попросят,

Захочет что-то Фруте – так в тридцать раз больше приносят.

[282]Народ разнообразный отправился в поход,
И рыцари, и слуги – их было тридцать сот.
Весь берег обезлюдел, как будто перед битвой.
«Храни вас боже правый», – король проводил их молитвой.

[253]Промолвил верный Хорант: «Откиньте всякий страх.
Когда мы к вам вернемся на полных парусах,
Прекрасная невеста предстанет вашим взорам».
Король охотно слушал, но путь их назад был нескорым.

[284]Он многих на прощанье в уста поцеловал.
Вослед им грустно глядя, король воображал
Возможные несчастья и всей душой жалел их,
Утешиться не мог он от страха за рыцарей смелых.

[255]Благоприятный ветер послали небеса,
Он, с севера дохнувши, наполнил паруса,
Суда бежали дружно к своей далекой цели.
Юнцов мужи учили, в морском наторевшие деле.

[286]Не знаю, где за время далекого пути
Могли герои место для отдыха найти,
Когда кругом синели одни морские дали.
Друг другу быть опорой все клятву торжественно дали.

[287]Хоть любо плыть им было по лону диких вод,
Всех утомил немало их тягостный поход,
В дороге отдыхали кому когда придется,
Ведь тот, кто волны пашет, с покоем и сном расстается.

[288]Всю тысячу по морю герои миль проплыли
До замка Балиана. Нам ложно говорили,
Что Хаген в это время сурово правил в Польше.[55]
Обманывают дерзко, и всё это басни, не больше!

289Лишь только хегелинги достигли этой цели,
Все жители в округе их с пристани узрели,
Дивились и гадали, чьи подданные это.
Приехавшие были в прекрасные платья одеты.

290Корабль остановился. Спустили якоря
И паруса убрали, не тратя время зря.
А в королевском замке уж доложили вскоре
О том, что чужеземцы в Ирландию прибыли с моря.

291Они сошли на берег, сложили на песок
Все, чем людей пленяет и Запад, и Восток.
Богаты были гости: не издержав и марки,
Лишь собственным товаром наполнили доверху барки.

292Их шестьдесят иль больше, честным купцам под стать,
В раскинутых палатках осталось торговать,
Начальником над ними был смелый Фруте сделан,
Датчанин был всех краше, и лучшее платье надел он.

293Владелец Балиана, поверивши вестям,
Решил к таким богатым наведаться гостям,
Он выехал на берег с дружинниками вместе,
А мнимые торговцы правителя встретили с честью.

294Спросил король у Фруте, откуда держат путь,
Зачем сюда явились и кто такие суть.
«Торговые мы люди, – ответил рыцарь ложью, —
А с нами издалека богатые едут вельможи».

295Просить велел им Вате о грамоте охранной;[56]
Гостям известно было, что повелитель чванный
Со всяким неугодным разделывался круто.
Но порученье Вате исполнил бестрепетно Фруте.

[296]Сказал король: «Я дам вам письмо и провожатых,
А если кто обидит тех рыцарей богатых,
Он мной повешен будет, пощады не увидит,
Никто в моих владеньях приезжих господ не обидит».

[297]Тут были государю дары поднесены,
Изделья золотые неслыханной цены,
Хотя король ирландский не требовал с них денег
И подати с торговли иметь не хотел ни на пфенниг.

[298]Король благодарил их и ласков был, и чуток,
Сказал: «Хотя бы жить мне осталось трое суток,
За щедрость награжу вас и ваше не убудет,
А станете нуждаться, так пусть меня люди осудят».

[299]Свои подарки отдал правитель приближенным.
Понравились девицам и благородным женам
И кольца и браслеты, из золота литые,
Чеканные застежки, венцы, пояса дорогие.

[300]Жена и дочь героя доселе не встречали
Купцов, чтоб им подарки роскошнее вручали,
Изделья показались им царственно богаты.
Но тут свои гостинцы прислали им Хорант и Вате.

[301]Здесь было много тканей тафтяных и парчи,
Сверканьем затмевавшей сияние свечи, —
Что перед нею пурпур, что даже шелк багдадский![57]
И лучше их полотен в земле не сыскалося датской.

[302]И вслед за этим слуги внесли в дворцовый зал
Все сорок или больше роскошных покрывал.
Когда похвал возможно щедротами добиться,
То мы для хегелингов должны на хвалу не скупиться.

[303]Под седлами двенадцать кастильских жеребцов[58]

Они на двор прислали и столько же щитов
С широкими краями, окованными златом,
А что кольчуг, что шлемов – им не было вовсе числа там.

[304]С подарками сам Хорант к ирландцу прискакал
И с ним могучий Ирольт. Король уже узнал,
Что все князьями были они до той поры,
Да в этом убеждали и их дорогие дары.

[305]Господ сопровождали дружинники к тому ж,
Их двадцать и четыре в отряде было душ.
Бойцы одеты были достойно восхищенья,
Как будто ожидало их в рыцарский сан посвященье.

[306]Стал Хагену вельможа какой-то говорить:
«Гостей за их щедроты вам надо наградить».
Богат был дикий Хаген, богаче, чем кто-либо,
Но от души сказал он гостям за подарки спасибо,

[307]«В долгу я не останусь, покуда буду жить»,
И приказал дворецким подарки разложить —
Все ценные уборы, все платья друг за другом.
Как слуги нагляделись, пошли у них головы кругом.

[308]Один из них воскликнул: «Здесь много есть добра,
Бокалы золотые, ковши из серебра,
Их щедро украшают прекрасные каменья!
Все двадцать тысяч марок, должно быть, цена подношения»;

[309]Король сказал на это: «Хвала таким гостям!
Я доблестной дружине сокровища раздам».
И разделил с бойцами дары по их желанью,
Храбрейших же особо дарил своей щедрою дланью.

[310]А Ирольта-нортландца и Хоранта король
Позвал в. свои палаты отведать хлеб, и соль,

Стал спрашивать, откуда они к нему приплыли:
«Таких даров прекрасных нам здесь никогда не дарили».

313Сказал отважный Хорант: «Я должен вам открыться.
На честь и милость вашу в несчастье положиться;
Наследственные земли покинули мы оба,
А то грозит нам смертью владыки могучего злоба».

212Спросил их дикий Хаген: «И кто же он таков.
Вас вынудивший кинуть свой край и отчий кров?
Вы рыцарственны духом, держись он мудрых правил.
Таких мужей отважных он, верно, у трона б оставил).

313Спросил он, как зовется преследователь их,
Обрекший на изгнанье вассалов удалых,
Кому одно осталось – бежать в чужие страны.
И молвил рыцарь Хорант: «Я все расскажу без обмана.

314Наш ненавистник – Хетель, он хегелингов вождь,
Славны его отвага, воинственность и мощь.
Он все у нас похитил не дрогнувшей рукой,
Тем тяжелей на сердце у нас от обиды такой).

315Король сказал: «Прекрасно, что вы сюда явились,
Я возмещу вам земли, которых вы лишились,
Из собственных владений воздам десятикратно.
Вам лен у Хегелинга просить не придется обратно.

316И если вы отныне согласны мне служить,
Свои владенья с вамп готов я разделить.
Оказывал ли Хетель вам этакую милость?
Я так вознагражу вас, как это вам даже не снилось».

317«Мы с радостью о остались, – последовал ответ, —
Да боязно, что Хетель погоню вышлет вслед,
Он, путь на Эйре зная, разведает и это

И мстить не перестанет, пока не сживет нас со света».

[318]Двум знатным чужестранцам правитель молвил тут:
«В Ирландии надежный вы сыщете приют,
Ваш недруг не посмеет войти в мои владенья,
Чтоб вам вредить, он этим и мне бы нанес оскорбление».

[319]Велел устроить Хаген скитальцев на постой,
Чтоб каждый горожанин – и знатный, и простой —
Свое гостеприимство немедля оказал им
И послужил, чем может, героям, от странствии усталым.

[320]Тут стали горожане с охотою и тщанием
Готовить им жилища согласно приказаниям,
Они освободили их сорок или боле,
Чтоб рыцари и слуги могли отдохнуть на приволье
.
[321]Перенесли на берег их дорогую кладь.
Лишь тем, кто был в засаде, постыло ожидать,
Пока посватать Хильду счастливый выйдет случай.
Бойцы предпочитали добыть ее в битве могучей.

[322]Велел сказать хозяин гостям, что им вольно
Кормиться его хлебом и пить его вино,
Пока на землях ленных они свой двор устроят.
Ответил храбрый Фруте: «Нас это позором покроет.

[323]Когда бы в честь попали мы к Хетелю опять
И если б в наших замках привыкли утолять
Мы золотом наш голод, а жажду серебром,
И то бы прокормились своим, не заемным добром».

[324]Велел раскинуть Фруте с товарами шатер,
Никто в стране ирландской не видел до сих пор,
Чтоб у купцов заезжих так бойко шла продажа:
Прилавки опустели и дня не промедливши даже.

[325]Ведь золото и камни там стоили пустяк,
А если появлялся на торжище бедняк,
Он получал покупки в подарок, без оплаты,
Сам Хаген восхищался, насколько купцы тороваты.

[326]Одно сужденье было у многих на устах
О Вате и о Фруте, обоих смельчаках:
Они щедры безмерно, а ищут только чести.
Уже двора достигли о доблестных рыцарях вести.

[327]Ведь много неимущих одели гости в шелк,
За них заимодавцам выплачивали долг.
Об этом и о многом, что так их украшало,
От молодых прислужниц дочь Хагена вскоре узнала.

[328]Красавица сказала: «Возлюбленный отец,
Вели, чтоб наши гости явились во дворец.
Есть, говорят, меж ними, коль можно верить слухам,
Воитель, несравненный своими делами и духом».

[329]«Ну, что ж, – ответил Хаген, – мы им прием устроим,
Дабы полюбоваться прославленным героем».
Он сам седого Вате не знал еще покуда,
А дамам не терпелось взглянуть на него, как на чудо.

[330]И вот король к застолью велел позвать гостей.
Коль нет в их доме вволю закусок и сластей,
Пускай прибудут в замок его откушать брашен.
«Поедем!» – молвил Фруте; он был и умен, и бесстрашен.

[331]Оделись так завидно датчане ко двору,
Что было им не стыдно всех прочих на пиру,
Герои марки Штурмен украсились не хуже,
А в старом Вате каждый признал бы великого мужа.

[332]Привел отважный Морунг дружинников своих
В плащах и в кампалийских кафтанах дорогих,[59]
И золото, и камни сверкали в их уборе.
За ними смелый Ирольт со свитой пожаловал вскоре.

[333]Но с Хорантом поспорить не мог никто другой
Изяществом наряда, отделкой дорогой.
В его отряде каждый датчанин был блестящ
И одевался в яркий, спадающий складками плащ.

[334]Сколь ни богах был Хаген, сколь ни был он спесив.
Он вышел им навстречу, привычкам изменив,
И королева встала, когда вошел в чертог
Суровый Вате – мнилось, что он улыбаться не мог.

[335]Она сказала чинно: «С приездом! Вы желанны.
Мы оба с государем вам рады несказанно.
Вы в битвах утомились, как мы имеем вести,
Король, о ваг заботясь, – о пашой заботится чести».

[336]За ласковые речи все поклонились ей.
Король, как подобает, за стол позвал гостей,
И слуги обнесли их прекраснейшим вином,
Какого не бывало нигде в королевстве ином.

[337]Пируя и толкуя, шутили кто как мог,
Л королевна вскоре покинула чертог,
Отца она просила, чтоб гости от обеда
К ней в комнаты явились, где их ожидает беседа.

[338]Исполнить эту просьбу правитель был не прочь,
И предстоящей встрече порадовалась дочь.
Наряды, украшенья все женщины надели,
Все знатных чужестранцев увидеть поближе хотели.

[330]И молодую Хильду, и Хильду – ее мать

Служанки так убрали, что все могли понять
По гордой их осанке, по пышным их нарядам,
Что видят королеву с прекрасной наследницей рядом.

340Тут пригласили Вате к красавице. Хотя
Он был седой рубака, она – почти дитя,
Ей сердце подсказало: его бояться нужно,
Но рыцарю навстречу она поспешила радушно.

341Был Вате принят первым. Ей стоило труда
Почтить его лобзанием. Седая борода
Была повита лентой и завивалась круто.[60]
Сесть пригласила Хильда его и датчанина Фруте.

342Тогда у кресел встали из вежества они.
Немало воевали мужи в былые дни,
В блестящие походы они вдвоем ходили
И оба громкой славой за это увенчаны были.

343Тут королева с дочкой, желая пошутить,
Спросили, что для Вате милее может быть:
Сидеть ли в этом зале, в кругу красавиц чинном
Иль в грозных сечах биться, как это привычно мужчинам.

344Ответил старый Вате: «Я в битвах поседел.
С каким бы наслажденьем я с вами ни сидел,
Мне больше подобает и больше сердцу мило
С друзьями в сечу мчаться, чего бы она ни сулила».

345Красавица на это лишь рассмеялась вслух.
Знать, старому герою противен женский дух!
И долго смех и шутки не молкли в их светлице,
С другими храбрецами потом толковала девица.

346Расспрашивала Хильда о рыцаре седом:
Как звать его? И есть ли у мужа лен и дом,

Супруга и ребенок? Его суровый вид
Внушает мысль, что редко он им свои ласки дарит.

[347]Один из датской свиты на это молвил ей:
«Оставил рыцарь дома супругу и детей,
Теперь во имя чести рискует он немалым —
Своим добром и жизнью. Был смолоду Вате удалым».

[348]Тут Ирольт рассказал им, как старый рыцарь смел.
Никто из государей доселе не имел
Вассала, чтоб отвагой мог с Вате поравняться.
Хоть он и кроток с виду, но все его гнева боятся.

[349]Сказала королева: «Вам, Вате, мой совет:
Раз вы ушли в изгнанье и натерпелись бед
До воле Хегелинга, так здесь и поселитесь,
Вас ни один отсюда изгнать не осмелится витязь»,

[350]Ответил старый Вате: «Я сам страной владел,
Одеждой и конями дарил, кого хотел.
Стать ленником мне тошно. Нет, через год и день я
Уже вернуть сумею свои родовые владенья».

[351]Датчане с милой Хильдой простились наконец.
Она сказала: «Чаще являйтесь во дворец.
Сидеть у дам – в том нету урона для приличий».
«Мы чтили, – молвил Фруте, – на родине этот обычай».

[352]Правитель предлагал им сокровища не раз,
Но слышал неизменно лишь вежливый отказ,
Герои не желали нимало одолжаться,
И видя их гордыню, король начинал огорчаться.

[353]В гостях у государя досужею порой
Датчане развлекались любимою игрой,
За шахматами сидя, в потешном ли сражении,

И Хагена спешили уверить в своем уважении.

[354]Таков уж был обычай ирландского двора:
Там, что ни день, потеха, забава да игра.
Пленял красавиц Хорант искусством разговора,
И дружбой государя мог Вате похвастаться скоро.

[335]Отважный рыцарь Фруте блистал меж ними там,
Немногим был моложе он Вате по годам,
Седые кудри златом увиты у обоих,
Обоим честь и место везде, где нужда есть в героях.

[356]Лишь только господами овладевал задор,
Несли мечи и тарчи на королевский двор,
Рубить да отбиваться хватало там заботы,
Когда в щиты врезались мечи и железные дроты.

[357]Спросил король у Вате и спутников его,
Знакомо ли датчанам такое мастерство,
С каким ирландец каждый умел обороняться.
С пренебреженьем Вате лишь мог про себя рассмеяться.

[358]Он молвил: «Я такого доселе не видал,
Но если б ту науку мне кто-то преподал,
Я здесь остался б на год, пошел к нему в ученье
И другу за услугу не стал бы жалеть награждения».

[359]Король ему в угоду ответил: «Так и быть,
Мой лучший фехтовальщик придет тебя учить.
Ты выучишься скоро трем боевым ударам
И тем себя прославишь – ведь слава дается не даром».

[360]Пришел его наставник, и начался урок,
Но тотчас защищаться был вынужден знаток,
Неуязвимый Вате был сам горазд сражаться,
II, зная это, Фруте от смеха не мог удержаться.

[361]Подобно тигру, мастер выделывал прыжки
И только тем спасался от рыцарской руки.
Меч ученик обрушил на щит его со звоном,
Ударом искры высек, и мастер ушел посрамленным.

[362]Тогда воскликнул Хаген: «Подайте мне мой меч,
Я честным поединком хочу себя развлечь,
Чтоб и моим ударам друг Вате обучился
И был за то обязан». На это старик согласился.

[363]«Но будь великодушен, – он молвил королю, —
Не нанеси мне раны, об этом я молю,
Чтоб мне не приходилось пред женами срамиться».
Хитрец! В искусстве ратном никто не умел с ним сравниться.

[364]Был Хаген в нападенье стремителен и скор,
Но чуял: гость опасен, как залитый костер.
Не ученик, а мастер, был Вате полон сил,
Хотя король удары без счета ему наносил.

[365]Их мощью восторгались все люди как один.
Искусство Вате вскоре изведал властелин
И сильно осердился. Король считал позором,
Что превосходство Вате всеобщим откроется взорам.

[365]Л старый рыцарь силу еще приберегал.
«Продолжим поединок, – он Хагену сказал, —
Я был тобой обучен, и ты получишь плату».
Как яростному саксу иль франку платил ему Вате.[61]

[367]Окончить миром встречу они не соглашались,
От грома их ударов чертоги содрогались,
Так сильно ударяли противники лихие,
Что наземь отлетели навершья мечей золотые.

*368*Но вот герои сели. Никто не победил.
«Вы вздумали учиться? – хозяин вопросил. —
Я не встречал, однако, еще такого доки,
Ни у кого охотней и сам я не брал бы уроки».

369Сказал Ирландцу Ирольт: «Прибегнув к поединку,
Вы мерялнея силой. Нам это не в новинку,
На родине мы чтили отцовское преданье,
Там юноши и мужи вели что ни день состязанья».

370И тут признался Хаген: «Когда б я это знал,
Щита или булата и в руки бы не взял.
Ученика смышленей, чем Вате, не бывало».
Всех в зале насмешил он своими словами немало.

371Развеселившись духом, велел король опять,
Кому и как угодно, забавы продолжать.
Портландцы удалые откладывать не стали,
Они бросали камни и длинные копья метали.

VI авентюра
Как сладко пел Хорант

[372]Случилось, что однажды, вечернею порой,
Запел воитель датский, прославленный герой,[62]
И пел он так прекрасно, что стихли разговоры,
И люди замолчали и птиц очарованных хоры.

[373]Заслушался и Хаген со свитою своей, —
Датчанин Хорант много обрел тогда друзей, —
Внимала ему чутко из башни королева,
К ней в окна долетали приятные звуки напева.

[374]Владычица сказала: «Ах, что за песня?
Мелодии не знаю па свете я чудесней.
Сам бог на небе сущий в своей красе и силе
Велит, чтоб эту песню и люди мои разучили».

[375]Тут Хильда приказала певца к себе позвать,
Чтоб Хоранту спасибо сердечное сказать
За то, что вечер скрасил он ей своим искусством
Все дамы восхищались, и рыцарь мог верить их чувствам.

[376]Сказала королева: «Пропойте еще раз
Напев, который нынче слыхала я от вас,
И каждый день дарите меня в часы заката
Своей прекрасной песней, а я награжу вас богато».

[377]«За ласковое слово, коль это не во гнев,
Я рад в любое время пропеть такой напев,
Что, кто его услышит, забудет боль и муки,
И все его заботы разгонят сладчайшие звуки».

[378]И, так ответив даме, простился с нею он,

И вскоре был за песни богато награжден.
Нигде не воздавали ему такою мерой,
Но Хетелю служил он по-прежнему правдой и верой.

379Лишь только тьму ночную рассеяла денница,
Запел датчанин сладко, и, слыша это, птицы
В шиповнике душистом свои прервали трели,
И люди пробудились, спешили покинуть постели.

380А голос заливался, все силу набирал,
В объятиях супруги король ему внимал,
Их выманил из дому тот сладкий звук напевный
И, прогоняя дрему, коснулся ушей королевны.

381Наследница престола и круг ее девиц
Заметили молчание звонкоголосых птиц,
Хоть во дворе на ветках сидело их немало.
Лишь Хорантовой песне дружина безмолвно внимала.

382Певцу за наслажденье был благодарен всяк,
Но Фруте молвил: «Лучше б умолкнул мой свояк,
Он так нескладно тянет, что только горло трудит,
Каких это влюбленных он утренней песнею будит?[63]»

383Тут воины вступились: «Зачем певца хулить?
Он песней и больного способен исцелить».
А сам король ирландский, что из покоев вышел,
Промолвил: «Слава богу, что я его пение слышал».

384Три долгих песни спел он, но были коротки,
По мнению внимавших, они, как взмах руки,
И если б ехал всадник сто миль под это пенье.
Ему бы показалось, что минуло только мгновенье.

385Когда певец умолкнул и удалился прочь,
Ирландского владыки единственная дочь,

Развеселившись духом, оделась спозаранку
И за отцом послала свою молодую служанку.

[386]Король пришел в светлицу, где дочь его ждала,
И, ластясь как ребенок, она его взяла
Рукой за подбородок: «Ах, батюшка мой милый,
Пусть при дворе поет он с таким же искусством и силой.

[387]Сказал король: «Коль рыцарь захочет петь для дам,
Я тысячу в награду за это фунтов дам,[64]
Но горделивы гости и рыцарь Хорант тоже,
Как шпильманам обычным им петь в нашем доме негоже».

[388]Он попрощался с девой, сказав: «Не прекословь»,
И тут лукавый Хорант залился песней вновь
Еще нежней, чем прелюде. Болящих и здоровых,
Он всех держал на месте в звучащих медвяных оковах.

[389]Остановились звери, в лесу свой лов прервав,
Оцепенели гады среди высоких трав,
И рыбы не мутили серебряные струи, —
Певец своим искусством их всех покорил, торжествуя.

[390]И как ни долго пел он, людей не утомил,
Им хор церковный стройный уж больше не был мил,
Не умилял, как прежде, и колокольный звон,
Кто Хоранта услышал, тот был только им и пленен.

[391]Тогда велела Хильда певца к себе позвать,
Но так, чтоб не узнали ее отец и мать,
И слугам наказала: «Вы не проговоритесь,
Что в девичьи покои тайком приходил ко мне витязь».

[392]За службу хитрый стольник[65] стяжал богатый дар,
Всю дюжину браслетов,[66] сверкающих как жар,
Из золота литого – ни много и ни мало —

За то, что королевна певца у себя принимала.

[39Я]Он к ней пришел украдкой и втайне ликовал,
Что Хагеновой дочки доверие снискал,
Он прибыл издалека, чтоб покорить девицу,
И песнями своими сумел этой цели добиться.

[394]Красавица велела слуге у двери стать,
Чтоб гостя ненароком никто не мог застать,
Покуда пропоет он все дивные напевы.
И только юный Морунг с певцом оставался У Девы.

[395]Отважного героя она просила сесть.
«Я жажду ваших песен, и это все не лесть,
Меня живит ваш голос, чьи звонкие рулады
Превыше всех сокровищ, желаннее всякой отрады».

[396]«Когда своею песней я вас могу развлечь
И голову не снимет мне дикий Хаген с плеч,
Я рыцарски и верно служить вам не премину,
Чтоб вас склонить поехать в страну к моему господину».

[397]Он затянул амильский напев арабских стран,
Доселе не известный в домах у христиан,
Им слышанный когда-то у дикого потока.[67]
Так послужил ей Хорант и деву растрогал глубоко.

[398]Когда прекрасной песни умолк последний звук,
Красавица сказала: «Спасибо тебе, друг».
Сняла кольцо златое, какого краше нету,
Сказав: «От всей души я дарю вам безделицу эту».

[399]милость ее клятвой была подкреплена,
Что если бы короны сподобилась она,
Певец бы не скитался и не терпел урона,
А с честью бы остался вблизи королевского трона.

*400*Дары давала Хильда, – он их не пожелал,
А попросил лишь пояс, что деву украшал:
«Пусть люди не осудят, что дар мне не по чину,
Я этот дар бесценный отдам моему господину».[68]

401Спросила дева: «Кто он? Как господина звать?
Владеет ли короной? Могу пообещать,
Раз ты герою предан, любить его тем паче».
Ответил Хорант: «В мире нет этого князя богаче.

402Коль нас никто не выдаст, владычица моя,
Скажу, зачем приплыли мы в дальние края:
Тебя единой ради послал нас повелитель
Сюда, в чужую землю, где правит твой грозный родитель».

403Она спросила: «Что же он хочет наконец?
Хочу ли я того же, скажу тебе, гонец,
При нашем расставанье». Веселие посланца
Тем временем угасло от страха пред гневом ирландца.

404Но верный господину, он деве молвил вновь:
«К тебе питает Хетель высокую любовь,
Твоей, девица, ласки, как милости, он просит,
Тобой одной плененный, он женщин других не выносит.»…

405Сказала дева: «Боже, героя награди!
Хочу, коль он мне ровня, прильнуть к его груди,
Лишь только б на рассвете ты песни пел мне сладко».
Ответил Хорант: «В этом не будет у вас недостатка.

406Певцы, а их двенадцать у князя моего,
Поют звонкоголосо, прекрасней моего
И двор своею песней чаруют ежедневно,
Но всех поет чудесней сам Хетель, моя королевна».

[407]«Ну, если так искусно умеет Хетель петь, —
Сказала королевна, – он будет мной владеть,
На зов любви пошла бы по морю и по суху,
Когда б отцу родному перечить хватило мне духу».

[408]И тут промолвил Морунг: «У нас семьсот бойцов,
На подвиг и на плаху любой из них готов.
Коль захотите ехать – вам нечего бояться,
Нам Хаген не помеха – мы можем и с ним потягаться.

[409]Мы вскоре соберемся на родину отплыть,
Тогда отца покорно должны вы попросить
Вам с матерью позволить к нам на корабль явиться
Затем, чтоб напоследок убранству его подивиться».

[410]«Все выполню охотно, готова я на ложь,
А вы отца просите и бдительных вельмож
Позволить мне со свитой такое посещенье
И за три дня скажите, коль Хаген мне даст разрешенье».

[411]А в доме стольник главный большую власть имел[69]
И к деве своенравной входил, когда хотел,
Он, что-то заподозрив, явился вдруг в светлицу.
За жизнь свою герои теперь не могли поручиться.

[412]Слуга спросил у девы: «Кто это здесь сидит?»
До крайности встревожась, он принял грозный вид.
«Кто вам двоим позволил войти сюда в покои?
Бессовестно он предал вас, рыцари, шуткой такою».

[413]Она сказала: «Полно, уймись, оставь гостей,
Иначе не избегнешь немилости моей,
Ты лучше на подворье их проводи украдкой
И помоги герою, что тешил нас песнею сладкой».

[414]В раздумье молвил стольник: «И я знавал певца,

У государя нету такого храбреца,
Он рыцарства зерцало! Родные брат с сестрою —
Мой собственный родитель и мать молодого героя».

[415]Спросила дева: «Как же зовется рыцарь твой?»
Слуга ответил: «Хорант, датчанин удалой.
Не носит он короны, но стоит этой чести.
Расстались мы, а прежде служили у Хетеля вместе».

[416]В слуге отважный Морунг вдруг рыцаря узнал,
Кого закон суровый из их страны изгнал.
Блеснула на реснице у Морунга слеза.
Участливо девица ему поглядела в глаза.

[417]И стольник видел: очи у Морунга влажны.
«Сударыня, – сказал он, – помочь вы нам должны,
Ведь эти два героя – мне родственники оба.
Я сам беречь их буду от всяческой мести и злобы».

[418]Сосала его сердце тревога за гостей.
«Коль госпожа позволит, – он обратился к ней, —
Я расцелую близких. Давно мы были вместе,
С тех пор я не имею о Хетеле верных известий».

[419]Та молвила: «Коль рыцарь – двоюродный твой брат,
Он станет мне милее еще во много крат.
Поведай эту новость отцу, и может статься,
Что он уговорит их в Ирландии дольше остаться».

[420]Тут Морунг, с верным другом уединясь, как встарь,
Сказал ему, что в Эйре послал их государь
На корабле по морю, навстречу бурям, грозам,
С одною тайной целью – добыть королевну увозом.

[421]Друг молвил: «Две заботы слились в душе моей —
О чести государя и как спасти друзей

От Хагенова гнева. Узнает грозный витязь.
Что вы пришли за девой, так оба вы жизни лишитесь».

[422]Сказал на это Хорант: «Так слушай же меня.
Мы свой отъезд объявим через четыре дня,
Как станем расставаться с хозяином богатым,
Дарить король нас станет конями, одеждой и златом.

[423]А мы свое заладим: Нам не нужны подарки,
Пусть только взглянет Хаген на корабли и барки,
Пускай придет на берег, окажет эту милость,
И пусть бы королева с их дочерью тоже явилась.

[424]Исполнится все это, тогда забота с плеч!
Считай, что мы у цели, и я могу предречь,
Что если к нам на берег отпросится девица,
То вскоре юный Хетель любовью ее насладится».

[425]Украдкой хитрый стольник их вывел из дворца,
И все осталось скрытым от грозного отца.
Ценить им надо было такого друга!
Вскоре Датчане оказались уже у себя на подворье.

[426]И только старый Вате, родная с ними кровь,
Услышал, что питает красавица любовь
К их другу Хегелингу. Они между собою
Тайком совет держали, как Хильду доставить к герою.

[427]Старик сказал: «Не просто нам выполнить зарок.
Вот если б дева раньше ступила за порог,
Когда еще с Ирландцем не мерялся я силой,
Ее бы увели мы из девичьей кельи постылой».

[428]Их общий сговор тайна скрепила, как печать,
И порешили – сборы к отплытию начать,
Бойцам о том сказали, что в тайнике сидели,

Тем рыцарям давно уж безделье да лень надоели.

[429]Собрали хегелинги дружинников своих,
И вскоре грозный шепот послышался меж них:
«Довольно от Ирландца несчастных потерпело!
Ужо ему! Датчане стоят за достойное дело».

[430]А через трое суток их при дворе узрели.
Богатые наряды все рыцари надели.
Они намеревались в обратный путь пуститься
И с Хагеном и свитой явились достойно проститься.

[431]Сказал король: «Ну чем же вам мой предел не мил?
Я все свое старанье на то употребил,
Чтоб сделать эти земли приятней вам и ближе,
А вы теперь покинуть меня захотели, я вижу».

[432]«Послал за нами Хетель, – ответил их главарь, —
Мириться с нами хочет могучий государь,
По нас горюют дети и наши домочадцы,
И плачут наши жены. Король, мы должны возвращаться».

[433]Промолвил дикий Хаген: «Мне жалко вас терять.
За все подарки ваши благоволите взять
Моих коней и платья, и злато, и каменья.
Чтоб от суда людского нам ждать не пришлось осужденья».

[434]Ответил старый Вате: «Я чересчур богат,
Чтоб увозить с собою отсюда новый клад,
Опять попали в милость мои друзья и братья.
Нет, не простит нам Хетель, коль дар ваш осмелюсь принять я.

[435]Однако же другое у нас желанье есть,
Изволите исполнить – окажете нам честь.
Вы только полюбуйтесь на все наши запасы:

С избытком на три года нам хватит и хлеба, и мяса.

436В пути на доброй пище не оскудеет плоть.
А вас и вашу славу пусть охранит господь.
Но время на исходе, пришла пора проститься,
Молю хозяев знатных за нами на берег спуститься.

437Пусть госпожи – супруга и дочерь короля —
Придут полюбоваться убранством корабля,
Такое посещенье – нам почесть и награда.
Оно нас осчастливит, нам лучших подарков не надо».

438«Ну, раз вы не хотите остаться при дворе, —
Сказал король учтиво, – я завтра на заре
Велю коней готовить в дорогу нашим дамам
И с ними сам поеду, чтоб вас успокоить тем самым.

*439*Простившись, хегелинги ушли на корабли.
Тем вечером па берег они перенесли
Вино и много снеди, чтоб на другое утро
Им налегке отчалить, как Фруте рассчитывал мудро.

VII авентюра
Как девы осматривали корабль и были увезены

[440]Лишь раннюю обедню прослушали с утра,
Отправились на пристань все женщины двора,
Нарядами красуясь одна перед другою,
И тысячной толпою им вслед поскакали герои.

[441]И гости в Балиане всю службу отстояли,
Не ведал дикий Хаген, что беды его ждали,
Что самой его чести датчане угрожают,
Что с доброй славой вместе он дочь навсегда
потеряет.

[442]Когда они достигли стоянки кораблей,
Спустились обе Хильды со свитою своей,
Сгорая любопытством, на берег мори гладкий.
Их ждал корабль, и настежь распахнуты были
палатки.

[443]Сам Хаген любовался на редкостный товар —
Изделья золотые, сверкавшие как жар,
Когда же нагляделись все рыцари на это,
То девушкам и женам купцы подарили браслеты.

[444]Король ушел на барку припасы посмотреть,
Но только кладовую успели отпереть,
Как якорные цепи и крепкие канаты
Со дна морского выбрать велел своим воинам Вате.

[445]Его не беспокоил объявший женщин страх
И что погибнуть могут все ценности в шатрах.

Тут Хильду оттеснили от старой королевы,
И те, кто был в засаде, обстали их справа и слева.

446Уж подняли ветрила на кораблях гостей.
Кого столкнули за борт, тот вымок до костей,
Носясь в волнах, как птицы, они спасали души.[70]
Хозяйка Мателаны о дочке рыдала на суше.

447Когда бойцов оружных сам Хаген увидал,
То яростно и гневно воитель закричал:
«Скорее принесите мне дрот и копья тоже,
Я собственной рукою фальшивых друзей уничтожу».

448Сказал с насмешкой Морунг: «Вам нечего спешить,
Мы всех утопим в море, кто хочет нас решить,
Хотя бы десять сотен с оружием приспели,
Для всех найдется место в холодной, соленой купели.

449А Хагеновым людям осталось лишь одно:
Так бросились на приступ, что обнажилось дно.
Их копья засвистели, мечи огнем сверкнули,
Но гости, сев на весла, от берега барки толкнули.

450Вскочить на барку Вате одним прыжком успел,
Так что тяжелый панцирь на Вате зазвенел,
Герои спешил за Хильдой, взяв рыцарей с собой.
А гордые ирландцы готовились ринуться в бой.

451Во всем вооруженье сам Хаген с ними шел,
Был меч его двуручный огромен и тяжел.
Промешкай еще Вате, бежать бы было поздно,
Свое копье вздымая, король их преследовал грозно.

452Он голосом громовым погоню торопил,
И в каждом из героев решительность будил.
Когда бы еще мог он обидчиков настигнуть,

В петле или на плахе пришлось бы датчанам погибнуть.

[453]Собрал правитель вскоре бесчисленную рать,
Но беглецов на море им было не догнать:
Все корабли рассохлись, их днища прохудились,
Для длительной погони, как видно, они не годились.

[454]Не знал король, что делать, как им идти в поход,
И порешил, что надо построить новый флот.
Он приказал явиться умелым корабелам,
И множество отважных пришли помогать ему делом.

[455]А на седьмое утро они пустились в путь.
Бойцов отправил Хетель, чтоб Хильду умыкнуть,
Лишь тысячу, не больше. Ирландские герои,
Вдогонку отправляясь, числом превышали их втрое.

[456]А к Хетелю датчане отправили гонца
Уведомить, что долг их исполнен до конца:
Красавицу достали и с ней прибудут вскоре.
Они еще не знали, что им уготовано горе.

[457]Развеселился Хетель, гонца услышав речь.
«Не снится ль мне все это? Теперь забота с плеч!
Я рад, что потрудились друзья мои успешно,
Живыми воротились, о ком я скорбел безутешно.

[458]Коль ты, гонец бесценный, мне правду говоришь
И в этот миг блаженный душою не кривишь,
Что видел в датских водах друзей с невестой вместе,
Я золотом осыплю тебя за прекрасные вести».

[459]«Скажу вам без обмана, что Хильду я видал,
Когда прекрасной девой испуг овладевал.
Мы много миль проплыли, а слышу – дева стонет,
Уста ее твердили: „Боюсь, что отец нас догонит"».

[460]Был вестнику подарок пожалован затем:
Ценою во сто марок булатный меч и шлем,
И вынесли герою щитов узорных много.
А двор навстречу Хильде уже собирался в дорогу.

[461]Тут всю свою дружину, всех рыцарей своих,
Как следует по чину, решил созвать жених
И пригласить в дорогу всю свиту ровным счетом,
Чтоб встретить королевну с еще небывалым почетом.

[462]Поспешны были сборы, но, несмотря на спех,
Собрал король нескоро с собой в дорогу тех,
Кому принять радушно дочь Хагена пристало.
Их тысяча иль больше на зов короля прискакало.

[463]Что бедный, что богатый – хорош у всех наряд,
На всех блестят доспехи от шеи и до пят,
В дорогу за невестой собрались целым роем,
Везти ее на место мечталось отважным героям.

[464]Был шумным и веселым их из дому отъезд,
И по горам и долам вел путь из этих мест,
Все люди выбегали на них полюбоваться,
Свиданья с милой Хильдой не мог повелитель дождаться.

[465]А старый воин Вате друзьям велел сойти
На берег марки Валейс, лежащей на пути,
Суда на якорь стали в тех дружественных водах:
И рыцари устали, и дамам был надобен отдых.

[466]У пристани велели разбить они шатры
И здесь в тиши хотели остаться до поры,
Тут люди рассказали им радостные вести:
Король из дальней дали к ним едет со свитою вместе.

[467]Он мчится к нареченной, душой повеселев,
Со всей дружиной конной. Толпа плененных дев
Ждала, что их отправят с почтением в столицу,
Никто из них не думал, что битва еще приключится.

[468]Совсем не опасались и рыцари врага,
Не верили, что в Валейс, на эти берега
За Хильдою нагрянет отец ее, конечно,
Бойцы расположились на длительный отдых беспечно.

[469]Хватало им в достатке и хлеба, и вина.
Им жители в палатки доставили сполна
Всего, чего бы гости у них ни попросили.
Чего душа желает, все было у них в. изобилии.

[470]А Хетель был уж близко. Он в Валейс поспешил,
В ту марку, что в наследство когда-то получил,
С ним рыцари скакали, им созванные прежде,
В броне из светлой стали, в блестящей кольчужной одежде.

[471]А в Валейсе в то время дружина всей гурьбой
Потешное сраженье вела между собой.
Стяжать награду юным предоставляя случай,
Отправились по дюнам и Фруте, и Вате могучий.

[472]К ним Хетель приближался. Любовью окрылен,
Коню давая шпоры, галопом мчался он
И заприметил лучших, двух воинов бывалых
В числе бойцов могучих, он в Эйре за Хильдой послал их.

[473]И им отрадно было на Хетеля смотреть.
Учиться веселиться им предстояло впредь,
Они познали горе в чужих краях немилых,
Но щедрый Хетель вскоре с лихвою за все наградил их.

[474]Приветствовал лобзанием седых бойцов король,

Свиданьем с ними счастлив, как никогда дотоль,
Сильнее наслажденье он испытал едва ли.
Но лучшие мгновенья герою еще предстояли.

[475]Душа его воспряла, прошла былая боль.
«Любезные посланцы, – сказал друзьям король, —
Без вас мы испытали жестокие мученья,
Я думал вы и шали в Ирландии все в заточенье».

[476]Ответил старый Ваге: «Бог миловал по счастью.
Но знайте: дикий Хаген всех превосходит властью,
В тех землях каждый житель мнит о себе высоко,
А гордый их правитель как рыцарь не знает упрека.

[477]Советник прозорливый придумал в добрый час
Вам дать совет счастливый. Исполнен ваш приказ.
Мы привезли вам деву, и я скажу не ложно,
Милей ее и краше на свете сыскать невозможно».

[478]«Враг дерзок, – молвил Хетель, – и явится как раз.
Как можно поспешите, здесь нужен глаз да глаз,
Не то свирепый Хаген врасплох нагрянет ныне
И нам хлопот доставит в своей непомерной гордыне».

[479]Пустились оба свата к стоянке корабля,
А вслед за Фруте с Вате – все люди короля,
Чтоб засветло поспеть им к высокородной даме,
Кто знал, что много шлемов порублено будет мечами!

[480]Шла Хильда с пышной свитой, и, приближаясь к ней,
Герои-хегелинги уже сошли с коней
И по траве зеленой пошли за рядом ряд.
Был рад король влюбленный, был каждый слуга его рад.

[481]Сопровождали деву – им выпал этот приз —
Нортландец Ирольт слева, а справа Морунг-фриз.

И Хетеля с дружиной завидели все трое.
Тогда решила Хильда почтительно встретить героя.

[482]За ней на расстоянии шли двадцать юных дев,
Льняные одеяния белейшие надев,
Поверх шелка сияли, не знающие равных,
И чудно украшали прекрасных девиц благонравных.

[483]Героя обласкала приветствием своим
Та, что потом корону носила вместе с ним,
Слова учтивой речи герою были любы,
Обняв, поцеловал он свою нареченную в губы.

[484]Подруг ее приветом не обошел жених.
Была одна при этом красавица меж них,
Она происходила от царственного древа.
В плену у злого грифа когда-то жила эта дева.

[485]На землях португальских, в чертогах рождена,
Девица Хильдебургой была наречена,
И в Эйре королева, любя ее, растила,
Но дева на чужбине о родине дальней грустила,

[486]Все пленницы сыскали у Хетеля почет
И думали с надеждой, что мирно потечет
Житье у них. Напрасно! Затем Что на рассвете
Заботы и тревоги надежды развеяли эти.

[487]Отменный Хильдебурге оказан был прием.
Дочь Хагена уселась с подругою вдвоем,
Над ними – легкий полог, кругом – цветы и травы,
Но Хаген был уж близко, и бой приближался кровавый.

VIII авентюра
Как Хаген поехал за своей дочерью

[488]Был день уж на исходе, когда, взглянув окрест,
Заметил Хорант парус – там был начертан крест,
Различные фигуры поверх креста сияли,
Те знаки ненавистных для Вате гостей предвещали.

[489]Отважный Морунг громко тут к Ирольту воззвал:
«Скажите государю, кого несет к нам вал.
Я вижу герб Ирландца на парусе косматом.[71]
Мы слишком долго спали, нам бой предстоит с супостатом».

[490]Дошла до государя нерадостная весть,
Что к ним привел из Эйре его суровый тесть
И корабли, и барки, и новые галеры.
Король решал с друзьями, какие тут надобны меры.

[491]И Хильда услыхала ту новость наконец,
Красавица сказала: «Коль явится отец,
Он свой приход означит таким ужасным делом,
Что много жен заплачут над домом своим опустелым».

[492]Ответил Ирольт деве: «Мы бой предотвратим,
Пусть он свиреп во гневе и местью одержим.
Я отдал бы любое, хотя б и гору злата,
Чтоб не увидеть боя меж Хагеном диким и Вате».

[493]Заплакали в печали все девушки тогда.
Валы дыбясь качали ирландские суда,
Вечерний ветер много бойцов доставил в Валейс,
Кровавые постели им в битве жестокой достались.

[491]На барку старый воин отправил дев, и тут

Надежный был устроен красавицам приют,
Со всех сторон ограда – щиты из крепкой стали,
Сто рыцарей иль больше прекрасных девиц защищали.

[495]Приготовлялись к битве отважные мужи,
Все, кто причастны были к увозу госпожи
Из вотчины ирландской, отцу ее на горе.
А сколько их цветущих погибнуть должны были вскоре!

[496]И Хетеля на поле раздался зычный глас:
«Друзья мои, сражайтесь! Я каждого из вас
Казною золотою вознагражу без меры.
Запомните: для боя ирландцы стянули галеры».

[497]С оружием бросались они на берег в бой,
И содрогался Валейс от жаркой сечи той,
Как будто захотели полечь на поле чести
В одной большой постели и други и недруги вместе.

[498]Явился дикий Хаген к черте береговой,
Метать он начал копья могучею рукой,
Стоявшие на дюнах мужи оборонялись
От натиска ирландцев, и раны у всех умножались.

[493]И кто захочет даром дитя свое отдать,
Когда одним ударом он может высекать
Из светлых шлемов искры, сверкающие грозно!
Раскаивалась Хильда в побеге из дома, да поздно.

[500]И вновь метали копья бойцы из стана в стан
И много наносили друг другу тяжких ран
Сквозь крепкие кольчуги, пронзая сталью тело,
И от горячей крови морская волна покраснела.

[501][72] Король вскричал – и с моря раздался грохот волн,
Ему как будто вторя. Был Хаген силы полн,

Он звал друзей на приступ: «Умножим вражьи раны!»
Вступить на эту землю всем рыцарям было желанно.

[502]Тут Хаген в воду прыгнул и поспешил вперед,
Героя гнев подвигнул перебираться вброд,
А стрелы хегелингов, как будто хлопья снега,
Воителю навстречу летели с высокого брега.

[503]Был Хаген близок к цели, он вышел на песок,
Кругом мечи звенели, бой делался жесток,
У самой кромки моря он Хетеля узрел,
Король сражался славно и много врагов одолел.

[504]Вкруг Хагена раздался мечей надсадный звон,
По тех. кто приближался, бежать заставил он.
Тогда сам Хотель вышел к разгневанному тестю.
Рыдала горько Хильда при этом печальном известия.

[505]С отвагой беспримерной и не жалея сил
Отряд ирландцев верных уж берег захватил.
Что шлемов раскололи в бою за королевну!
Бойцы на бранном ноле сражались свирепо и гневно.

[506]Но тут явился Фруте и Вате подошел,
Бойцов для битвы лютой он тысячу привел,
Рубились хегелингп и раны наносили,
Направо и налево гостей ненавистных косили.

[507]П вот что было чудом, как знаем мы из книг,[73]
Как ни силен был Хаген, но перед ним не сник
Владыка хегелингов. Они сходиться стали.
Тут шлемы зазвенели, стальные мечи забряцали.

[508]Изведал дикий Хаген, как юный воин рьян,
Датчане, хегелинги, страдавшие от ран.
Не покидали сечи, стояли брат за брата,

А Хетелю на помощь послали за доблестным Вате.

509Нескоро укротили два короля свой пыл.
Отважный Хетель ранен рукою тестя был,
По тут явились Ирольт и Морунг с Вате смелым,
Бойцы, свою отвагу не раз доказавшие делом.

510Мечом могучий Хаген дорогу проторил
В толпе датчан. Он мстил им и раны наносил
За прежние услуги и похищенье девы,
И вспарывал кольчуги, пылая от боли и гнева.

511Булатом не насытил он мщение свое,
Иных бойцов добило тяжелое копье,
Кому уже в отчизну вовек не воротиться,
Победами своими уже никогда не хвалиться.

512Но тут пришел на помощь к ним Вате, верный друг.
Он видел: кровь струится с разрубленных кольчуг
Героев соплеменных. Ни много и ни мало —
Всего на бранном поле пятьсот их недвижно лежало.

513Друзья, враги смешались в одной толпе. Кругом
Звенела сталь. Над войском стоял и шум, и гром.
А дикий Хаген с Вате уже сошлись грудь к груди,
Их в страхе сторонились в бою уцелевшие люди.

514Обрушил Хаген дикий на Вате сталь меча,
Он воин был великий и тяжко бил сплеча,
От светлых шлемов искры, как в кузнице, летели.
Здесь оба были быстры и славно рубиться умели.

513Ударил Вате с маху, и дрогнула земля,
Всех дев трясло от страха. Датчане короля
Мелс тем перевязали, и, притерпевшись к боли,
Спросил отважный Хетель, где Вате найти ему в поле.

[516]Лицом к лицу с Ирландцем он родича нашел,
«Сам дьявол над князьями» с копьем на Вате шел,
По старый воин встретил удары бестревожно.
Как оба смело бились, тут много рассказывать можно.

[517]На щит героя Хаген направил острие,
Но добрый щит был крепок, и треснуло копье.
Никто на свете с Вате в бою не мог сравниться,
И от руки Ирландца старик не хотел уклониться.

[518]Ударил его в темя свирепый Хаген так,
Что кровь через прокладку окрасила шишак,[74]
Обдуло ветром Вате и остудило рану.
Был близок час заката, но битву кончать было рано.

[519]Вернул удар свирепый разгневанный смельчак,
Кровавыми слезами умылся его враг,
На шлеме от удара застежка отлетела,
Сверкнули искры яро. В глазах короля потемнело.

[520]Был ранен также Ирольт, нортландец удалой,
Хоть много уложил он врагов своей рукой,
Но бой Ирландца с Вате был упредить не в силах.
Рыдали горько девы, оружия звон утомил их.

[521]А королевна Хильда, печалясь без конца,
Просила, чтобы Хетель ей вызволил отца
Из поединка с Вате. Тогда король геройски
Велел знаменоносцу на приступ вести свое войско.

[522]Отважно бился Хетель. Он к Вате подступил,
Хоть был бойцу седому приход его не мил,
И к Хагену воззвал он: «Для вашей вящей славы
Кончайте бой, избавьте бойцов от кровавой расправы».

[523]Спросил Ирландец громко, – он яростью пылал:
«Кто это просит мира?» И Хетель отвечал;
«Правитель хегелингов взывает к вам, тот самый,
Что родичей отправил за Хильдой, прекрасною дамой».

[524]Он подошел поближе, как сделал бы любой,
Считая, что окончен кровопролитный бой.
Сложил оружье Вате, хотя был полон пыла,
И также сделал Хаген. Дружина его отступила.

[525]Тогда отважный Хетель снял с головы свой шлем.
Везде кричали: «Мира!» – его хотелось всем.
И возгласил Ирландец конец войне и мести.
Вовеки не слыхали девицы приятнее вести.

[526]Уже вложили в ножны все рыцари мечи.
У многих были раны свежи и горячи,
А те, кто ранен не был и не страдал от боли,
Благословляли небо, о битве не думая боле.

[527]Тут обратился Хетель к Ирландцу и сказал:
«Я вашу дочь своею владычицей избрал,
Позвольте же корону носить прекрасной деве.
Мои герои будут служить молодой королеве».

[528]Сказал король кичливый: «Мне было б это лестно,
Когда бы предпочли вы ее посватать честно,
А не стяжали славу в глазах своих героев,
Коварную ловушку для дочери нашей устроив».

[529]Тогда отправил Хетель гонцов за старым Вате.
У женщины из леса тот перенял когда-то
Искусство врачеванья,[75] и с той поры немало
Его благое знание недужных лечить помогало.

[530]Он собственные раны сперва перевязал,

Потом травы, пригодной для врачеванья, взял
И драгоценный пластырь, что был при нем в дороге.
А королевна Хильда упала воителю в ноги.

[531]«Отца спаси мне, Вате, и исцели от мук.
Я все, что ты прикажешь, исполню, милый друг.
Лежат его герои, ты приведи их в чувство,
Сподвижникам отцовым твое да поможет искусство.

[532]Уважь и хегелингов: береговой песок
От их горячей крови, как от дождя, намок,
Ты не забудь их, Вате, и возврати им силы.
Одно скажу: чревато бедою их странствие было».

[533]Старик сказал: «Не стану я исцелять гостей
И врачевать их раны, не получив вестей,
Что мой король и Хаген поладили друг с другом,
Пускай хоть все ирландцы дотоле томятся недугом».

[534]У знатной девы слезы катились по лицу.
«Ах, если бы я смела отправиться к отцу!
Ослушница, не смею его приветом встретить.
Он может мне на ласку презрением только ответить.

[535]Тогда отца спросили: «Прославленный воитель,
Вы дочь свою увидеть прекрасную хотите ль?
У пей одно желанье – сказать слова привета
И вам смягчить страданья, коль вы ей позволите это».

[536]*«Я* дочь хочу увидеть, – сказал король в ответ, —
И буду рад услышать из уст ее привет.
В чужом краю с ней встречи мне избегать ужели?
Пусть Хетель скрасит горе, что с дочерью мы претерпели».

[537]Тогда датчанин Хорант к отцу ее повел,
И благородный Морунг с ней неотступно шел,

И дева Хильдебурга, что верно ей служила.
Был дорог Хильде Хетель, но сердце о близких тужило.

538Лишь Хильду со служанкой вблизи узрел король,
Как он вскочил с сиденья, превозмогая боль,
И молвил: «Здравствуй, дочка, младая королевна,
Не стану притворяться, я рад тебя видеть душевно».

539Гак произнес он с лаской. Чтоб девам не скорбеть,
Он раны под повязкой им не дал осмотреть
И отослал в сторонку. А Вате взялся рьяно,
Дабы утешить Хильду, лечить его тяжкие раны.

540 Он пластыри и мази на раны наложил,
И этим раны князя он сразу заживил,
От мук его избавил, прибегнув к разным травам,
И Хильда, воротившись, узрела родителя здравым.

541А мудрый врачеватель без дела не сидел.
Когда бы злато брать он за лекарство хотел,
То увезти не мог бы его и на верблюде.
Такого чудодея не знали до этого люди.

542Он Хетелю сначала все раны залечил,
И рыцарям немало их участь облегчил,
Кого уже. казалось, ничто спасти не в силах,
У смерти на пороге он к жизни опять возвратил их.

543Решили все, что девам здесь дольше быть не след.
«Идите, переждите, – им Хаген дал совет, —
Пока тела погибших не уберут на поле.
Они, сражаясь славно, своей не предвидели долги)

544Тут Хагена радушно стал Хетель в гости звать.
Отнекивался Хаген, но. услыхав, что зять
Большой страной владеет, отбросил все сомненья

И с дочерью поехал, охотно приняв приглашение.

[545]Все юноши запели, отправившись домой,
Они-то уцелели и пережили бон,
Но много там осталось, где поразил булат их,
Живым внушая жалость, – и бедных бойцов, и богатых,

[546]Усталые от сечи, приехали домой
Мужи, и радость встречи владела всей страной,
Лишь родичи убитых смеяться не могли,
Скорбя о них, зарытых вдали от родимой земли.

[547]Свою невесту Хетель домой к себе привез.
Хоть девы на чужбине и лили много слез,
Но Хильда не роптала, ее король влюбленный
На радость хегелинцам венчал королевской короной.

[548]Венец своих желаний теперь король обрел.
Седых бойцов и юных он в рыцари возвел,
Облечься этим сапом там каждый гость был волен.
Столь пышной свадьбой Хильды остался и Хаген доволен.

[549]Как в этот день удачный она была мила!
И кресло новобрачной с почетом заняла.
До пятисот героев там рыцарями стало,
И стольник – им был Фруте – в тот день потрудился немало.

[550]Сколь этот край обилен, тут Хаген увидал,
И как король всесилен. Он при дворе узнал,
Что семь богатых княжеств его подвластны зятю,
И кров, и стол даруют там всем беднякам без изъятья.

[551]Воителям ирландским дал Хетель щедрый дар:
Коней, одежду, злато, сверкавшее как жар,
Не увезти им было всего добра с собою.
К великой славе Хильды все стали друзьями герою.

[552]С двенадцатой зарею они собрались в путь.
Породы датской кони выпячивали грудь,[76]
Их шелковые гривы спадали на копыта.
Доволен был и Хаген, и вся его верная свита.

[553]Им стольник и дворецкий прислуживали там,
И чашник, и конюший скакали по пятам, —
Радивее придворных и в Эйре не бывало.
Был рад король, что Хильда над ними владычицей стала.

[554]Ночлег и угощенье гостей в дороге ждали,
И Хагену с друзьями все люди угождали.
Могли сказать ирландцы, не покривив душой,
Что все их принимали у Хетеля с честью большой.

[555]Вот Хаген Хильдебургу в объятья заключил.
«Радей о королеве, – он деве говорил, —
Средь челяди дворцовой легко с дороги сбиться.
Так пусть же благородство, пусть верность твоя сохранится».

[556]«Я это обещаю. Вы знали, государь,
Как мать прекрасной Хильды была близка мне встарь,
Я с ней делила горе, как самый лучший друг,
На суше и на море, пока ей нашелся супруг».

[557]Тут всех, кто оставался, он в гости пригласил,
И сдерживать рыданья у дев не стало сил.
Он поручил их зятю, его благой опеке,
Сказав: «Будь с ними ласков, здесь девы совсем одиноки».

[558] И дочери велел он: «Носите же корону,
Чтоб не было для чести нам с матерью урону,
Чтоб мы не услыхали, что кто-то вас не любит,
Пусть вашей доброй славы худая молва не загубит».

[559]Для дочки – целование, для Хетеля – поклон,
Их после расставанья уж не увидел он:
Далеко друг от друга их отстояли страны.
И отбыл дикий Хаген дорогой морской к Балиану.

[560]Потом, когда с женою он дома восседал,
Он старой королеве с улыбкою сказал,
Что всем завидна доля их дочери пригожей,
Имей других детей он, послал бы к датчанам их тоже.

[561]Господне провиденье восславила она.
«Высоко наша дочка теперь вознесена,
Душа моя ликует, что так могло случиться.
Здорова ль Хильдебурга и как поживают девицы?»

[562]Ответил дикий Хаген: «Утешатся они.
Таких богатых платьев у нас в былые дни
Не нашивали девы. Еще их ждут утехи.
За них мужи сражались, мечи разрубали доспехи».

IX авентюра
Как Вате, Морунг и Хорант поехали домой

[563]Окончим эту повесть, чтоб новую начать,
Как Хетелю на совесть служила его знать,
Друзья ему платили оброк по долгу лена
И ко двору являлись по зову его неизменно.

[564]Отважный Вате, Морунг уехали домой,
Один вернулся в Штурмен, в Нифландию другой.
Взял Хорант путь на Гиверс с героями своими,
Там правил он, прославив свое благородное имя.

[565]Меж тем могучий Ирольт в Нортландии сидел.
Страною управляя, он Хетелю умел
Везде, во всяком деле оказывать услуги.
Достойней государя не знали отважные слуги.

[566]Когда красавиц знатных король в стране встречал,
Он в свите королевы им место назначал.
Прекрасные служанки в их доме не тужили,
Они по доброй воле владычице юной служили.

[567]Так счастлив был при этом король женой своей,
Что даже целым светом пожертвовал бы ей.
И подданные знали: нигде со время она
Прекрасней королева еще не носила короны.

[568]Три вражеских похода отбил он за семь лет
И в памяти народа свой отпечатал след,
А недругов, кто ковы и дни, и ночи строил,
Он покарал сурово и их навсегда успокоил.

[569]Он крепости воздвигнул, границы укрепил
И доблестных деяний немало совершил.
О нем и в дальних странах рассказывали с жаром,
Что он не знает страха и носит свой титул недаром.

[570]И стал он жить богато, не ведая невзгод.
Наведывался Вате к нему три раза в год,
Он преданно и верно радел о господине,
Служил ему примерно на родине и на чужбине.

[571]Датчанин Хорант часто у Хетеля гостил,
Шелка и самоцветы он дамам привозил.
И золото, и платье, и жемчуг в крупных зернах
Для всех, кто пожелает из доблестных слуг и придворных.

[572]Служенье государю всех рыцарей его,
Готовность их с врагами сражаться за него
Властителей соседних немало восхищало.
А королева Хильда ту славу еще умножала.

[573]Дождались хегелинги счастливых новостей:
Дочь Хагена родила супругу двух детей,
Их древо родовое возносит выше крону,
И есть кому оставить в наследство страну и корону.

[574]Их сына звали Ортвин. Король препоручил
Дитя заботам Вате, и рыцарь научил
Питомца с малолетства высоким устремленьям,
Он стал бойцом отважным и мудрым внимал поученьям.

[575]Прекрасною Кудруной звалась их дочь. Она
Была на воспитанье из дома отдана
Сородичам ближайшим и в королевстве датском
Росла и процветала под их попечением братским.

[576]И выросла их дочка так хороша собой,
Что похвалу и почесть ей воздавал любой.
О прелестях девицы во многих странах знали.
Она звалась Кудруной, датчане ее воспитали.

[577]Родись она мужчиной, уже носила б меч
В свои года Кудруна. Уже смогла привлечь
Сердца князей влюбленных, ей преданных душевно.
Но им не удавалось добиться руки королевны.

[578]Хоть королева Хильда красавицей слыла,
Но дочь ее намного прекраснее была
Л много краше Хильды, своей ирландской бабки.
Перед такою красою снимали почтительно Шапки.

[579]Был огорчен отказом властительный король,
Владелец Альцабеи. Он мнил себя дотоль
Назначенным судьбою для самой высшей доли
И думал, что сильней он, чем все, кто сидел на престоле.

[580]А звали его Зигфрид. Он был горяч и смел,
Страною мавританской[77] обширною владел,
Семь королей богатых ему подвластны были.
Рассказы о Кудруне могучего мавра пленили.[78]

[581]С толпою икарийцев, товарищей своих,[79]
Не раз стяжал награды настойчивый жених
В присутствии красавиц, прославленных и знатных,
Пред замком Хегелинга на рыцарских игрищах ратных.

[582]Когда Кудруна с Хильдой шли в пиршественный зал,
То звон мечей и копий до замка долетал:
Вслед деве мавры мчались, узреть ее надеясь,
И в честь ее сражались у дома, где жил Виголейс.[80]

[583]Никто и вполовину, как Зигфрид, не был смел,

Он благосклонность девы снискать уже сумел,
Хотя лицом и телом был черен рыцарь юный,
Но Хетель не позволил ему обручиться с Кудруной.

[584]Досада, боль и ярость теснили мавру грудь.
Напрасно он пустился в такой далекий путь!
Поклялся Зигфрид с жаром, что Хетелю в отмщенье
Испепелит пожаром его родовые владенья.

[585]В своей гордыне Хетель не отдал мавру дочь,
Пришел конец их дружбе. Уехал Зигфрид прочь,
Промолвил на прощанье: Пусть гром небесный грянет,
Отныне Хегелингу в беде помогать он не станет!

[586]Домой вернулся Зигфрид, но через много лет
Для рыцаря другого он стал причиной бед.
Ведь мавры не забыли обиду и бесчестие,
И королевич Хервиг стал жертвой их злобы и мести.

X авентюра
Как Хартмут сватался к Кудруне

[587]В Нормандии слыхали о том, что девы нет
Прекраснее Кудруны, хоть обойди весь свет,
И королевич Хартмут пленился этой вестью
И с этих пор всем сердцем стремился к желанной невесте.

[538]Той страсти потакала Герлинда, его мать,
И Хартмут не замедлил ее советам внять.
Они, договорившись, за Людвигом послали, —
Так короля норманнов, родителя Хартмута звали.

[589]Приехал старый Людвиг, ему открылся сын,
Рассказ его встревожил отца не без причин,
Он понял, что затея наследника опасна,
Но Хартмут без боязни твердил, что Кудруна прекрасна.

[590]«Откуда слухи эти? – сказал король в ответ, —
Пускай и впрямь на свете прекрасней девы нет, —
К ней свататься не близко. И не старайся втуне,
Ведь слишком много риска для сватов являться к Кудруне».

[591]«Живет не за горами Кудруна, – молвил сын, —
Когда к прекрасной даме стремится властелин,
То это дело чести. Тревожиться оставьте,
Вам мой совет: к невесте скорее посольство отправьте».

[592]«А вы о том слыхали, – промолвил государь, —
Как мать Кудруны – Хильду жених похитил встарь
И что с бойцами сталось? Мечты твои бесплодны:
Спесивы хегелинги, для них мы с тобой худородны».

[593]Но сын не сдался в споре: «Коль надо двинуть рать

За горы и за море, чтоб девой обладать,
Пойду в поход охотно, и меч мой не устанет,
Покуда королевна моею женою не станет».

[594]Тут старая Герлинда сказала в свой черед:
«Писать велите письма. А тех, кто отвезет
К датчанам эти строчки, я награжу богато.
Пусть к Хетелевой дочке проложат дорогу нам сваты».

[595]И Людвиг, старый вопи, прислушавшись к советам,
Промолвил: «Будь спокоен, я помогу вам в этом.
Двенадцать крепких мулов дарами мы навьючим,
А после, может статься, мы добрые вести получим».

[596]Забрал в посольство Хартмут свой собственный отряд
Дружинников бесстрашных – их было шестьдесят.
Одеждой их снабдили и платьем. Ранним утром
В дорогу проводили. Был Людвиг и смелым, и мудрым.

[597]Подаренные платья пришлись им в самый раз.
И письма за печатью вручили в тот же час
Посланцам благородным Герлинда вместе с сыном.
И повела дорога их вдаль по горам и долинам.

[598]И днем, и темной ночью скакали непрестанно,
Насколько хватит мочи, отважные норманны,
Пока не оказались у вожделенной цели.
А Хартмутом в то время любовь и тревога владели.

[599]На столько миль от дома ушла дорога их,[81]
Что за сто переходов не вымахать дневных.
Их кони притомились, пока послы узнали,
Где благородный Хетель и люди его обитали.

[600]Владений датских с моря достигнули гонцы,
Хоть и хлебнули горя в дороге храбрецы,

Пока отца Кудруны они не увидали.
Надежных провожатых датчане им к Хетелю дали.

[601]И Хоранту сказали об их приезде сразу.
Норманны убедились, что правильны рассказы
О Хетеле могучем и о его супруге,
Их люди горделивы и носят мечи и кольчуги.

[602]Своим датчанам Хорант, не тратя долгих слов,
Велел через границу сопроводить послов
И ко двору доставить надежно и сохранно.
Таким гостеприимством довольны остались норманны.

[603]И вскоре хегелинги увидели гостей,
Они пленяли видом и удалью своей,
Все жители признали в них рыцарей богатых,
И Хетелю сказали о том в королевских палатах.

[604]Им дать и кров, и пищу хозяин приказал,
Чего хотят норманны, король еще не знал
И выказал приезжим большое хлебосольство,
Через двенадцать суток он ласково принял посольство.

[605]Был знатный граф меж ними – как вежествен он был!
А их наряд богатый придворных восхитил.
Красивейшие кони под ними гарцевали.
Так гости в полном блеске пред Хетеля очи предстали.

[606]Приветствовал их Хетель со свитою своей,
Но, на беду, не долго он жаловал гостей,
Узнав, что те явились, чтоб сватать королевну,
Он отклонил их просьбу и Хартмута высмеял гневно.

[607]Когда один посланец – он грамоте умел —
Прочел герою письма, тот яростью вскипел,
Добро еще, что Хорант увел подальше гостя,

Не то бы грозный Хетель его изувечил со злости.

608Сказал король гневливый: «Вам не видать добра
За то, что мне прочли вы в присутствии двора.
За Хартмутову дерзость поплатитесь вы, други,
Она мне не по нраву и нашей державной супруге».

609Один посол ответил: «Пусть это нас погубит,
Но Хартмут приказал нам сказать, что деву любит.
Угодно ей венчаться норманнскою короной —
Так службой безупречной отплатит ей рыцарь влюбленный».

610«Она ему не пара, – был Хильды приговор, —
Ведь Хагена вассалом был Людвиг с давних пор,
Сто замков Гарадеи он принял в лен смиренно,
Тогда как наши люди не взяли б от Людвига лена.

611Когда же он корону в Шотландии стяжал,
Брат короля Оттона с ним сильно враждовал.[82]
Он тоже принял земли от Хагена когда-то.
Король разбил норманна, взяв сторону младшего брата.

612Вы так и передайте, пусть знает Хартмут ваш:
Не про него Кудруна. И как такая блажь,
Что он ее достоин, пришла на ум герою?
Быть может, юный воин найдет свое счастье с другою».

613Посланцам было горько и тягостно, когда
Домой они вернулись, сгорая от стыда,
Проделав путь далекий по суше и по морю.
А Людвиг вместе с сыном не взвидели света от горя.

614Спросил посланцев Хартмут: «Вы девушку видали?
Тогда скажите, правду ль мне люди рассказали,
Что Хагенова внучка собою так пригожа.
А что презрел нас Хетель, за то накажи его, боже!»

[615]Богатый граф ответил: «Я сам тому свидетель.
Все люди превозносят ее за добродетель,
И кто Кудруну видел, тот очарован ею».
«Тогда, – промолвил Хартмут, – красавица будет моею!»

[616]Сказала, громко плача, его седая мать:
«За что же неудача постигла нас опять?
Мой милый сын, нам сватов не надо посылать бы.
А как хочу дожить я до вашей с Кудруною свадьбы!»

XI авентюра
Как Хервиг и Хартмут ездили к хегелингам ради Кудруны

[617]С посольством брачным дело и кончилось на том,
А нам пора приспела поведать о другом.
О юном государе я вам скажу правдиво,
Героя звали Хервиг, и был он отважен на диво.

[618]Свое прославив имя, он счастье стал пытать,
Кудруны верным другом намереваясь стать,
Ей посылал подарки и в честь ее сражался,
И покорил бы деву, да только им Хетель гнушался.

[619]Послов своих вначале к нему послал жених,
Но там, к его печали, под стражу взяли их.
Напрасно юный Хервиг искал к любимой дверцы,
И горе угнетало его горделивое сердце.

[620]Меж тем не ведал Хетель, не ждал, что так случится,
Но Хартмут к хегелингам осмелился явиться,
Решимость и отвага в душе его созрели,
И рыцари, и дамы его на турнире узрели.

[621]На этот праздник ратный, надев броню и шлем,
Явился рыцарь знатный, не узнанный никем.
Ему с его друзьями прислуживали слуги.
Герой питал надежду взять милую деву в супруги.

[622]Все дамы загляделись, когда приезжий князь
Стоял пред королевой, почтительно склонясь,
И гордость, что сквозила в осанке, в каждом слове,
Им ясно говорила, что стоит он женской любови.

623Он был высок и статен, пригож и щедр, и смел,
Не знаю, как обиду он выместить хотел
На родичах Кудруны, его отвергших гордо,
Но Хартмут-твердый духом отмстить им надеялся твердо.[83]

624Та, что его пленила, меж прочих дам сидела
И на него украдкой глядела то и дело,[84]
Он ей открылся тайно, что Хартмут его имя
И из страны норманнов он прибыл с друзьями своими.

625Кудруна оробела, услышав эту речь.
Она его хотела от смерти уберечь
И строго наказала бежать отсюда дале,
Покуда гостя Хетель и люди его не узнали.

626Его краса задела в ней добрую струну.
Послы его с позором покинули страну,
Но к князю не осталась Кудруна безучастной,
Хотя не собиралась мирволить любви его страстной.

627Послушал Хартмут деву, и вскоре скрылся он,
Но тяжкою задачей был ум его смущен,
Как с Хетелем сквитаться за оскорбленье чести,
Не ставши ненавистным тем самым прекрасной невесте.

628Ведь и бежав оттуда, он брака с ней желал,
И сам добра и худа от будущего ждал.
Потом на бранном поле из-за его любови
Что шлемов раскололи, что пролили рыцари крови!

629В Нормандию родную, к домашним воротясь,
К военному походу приготовлялся князь.
Душа его отмщенья, свирепая, алкала,
А старая чертовка Герлинда его подстрекала,

XII авентюра
Как Хервиг пошел походом на Хетеля и ему отдали Кудруну

630Оставим же норманна обдумывать поход.
Терпел не меньше Хервиг страданий и невзгод
Из-за любви к Кудруне, чем Хартмут оскорбленный;
Он деву добивался у Хетеля выпросить в жены.

631В соседстве самом близком лежали земли их,
Но сколько б раз ни сватал красавицу жених,
Он был бы вновь отвергнут с насмешкою. Однако
Пришла пора, и Хервиг добился желанного брака.

632Велел король, чтоб Хервиг дитя его забыл.
Герой не согласился и грозно посулил
Прийти со всею ратью в их королевство вскоре,
На горе государю, жене его Хильде на горе.

633Не знаю, кто герою совет подобный дал,
Трехтысячное войско он вскорости собрал
И прибыл к хегелингам, чтоб сеять страх и беды,
А был бы рад служить им, жить в мире и дружбе с соседом.

634Никто не знал об этом из доблестных датчан,
А в Штурмене все слухи считали за обман.
Один нортландец Ирольт уверился, да поздно,
Что Хервиг наступает на смелого Хетеля грозно.

635Когда король услышал, что Хервиг оскорблен
И что идет без страха на них походом он,
Он молвил без унынья своей жене венчанной:
«Что скажете вы ныне? К нам гость поспешает незванный".

636«Что мне сказать на это? Я рыцаря хвалю.
По мне, он поступает, как должно королю.
Добром иль поневоле, а будет он уважен
И верх возьмет над нами – ведь Хервиг умен и отважен».

637Так Хильда заключила рассудливую речь:
«От гибели дружину нам надо уберечь,
Я слышала, что Хервиг затем грозит нам силой,
Что хочет он добиться руки нашей дочери милой».

638Но слишком долго медлил с дружиною своей
Хозяин и дождался непрошенных гостей,
Они явились к замку холодным ранним утром.
На поле брани Хервиг был самым отважным и мудрым.

639А хегелинги спали, не размыкая глаз,
У господина в зале, когда раздался глас:
«К оружью! – крикнул стражник, – не то пропали все мы!
К нам гости подоспели, я вижу, как блещут их шлемы».

640Мужи вскочили с ложа – куда девался сои! —
Слуга или вельможа, был каждый принужден
Спасать и жизнь, и славу, вступая в бой опасный.
Так добивался Хервиг своей королевны прекрасной.

641Король и королева стояли, в окна глядя,
На рыцарей, что Хервиг привел в своем отряде.
С предгорий марки Галейс герои были родом.
В Валейской марке Морунг встречался с подобным народом.
[85]

642Уже в ворота замка упорно рвался враг.
Хоть был отец Кудруны прославленный смельчак,
И он бы не решился тот натиск встретить грудью.
На помощь государю, однако, пришли его люди.

643Их было больше сотни с оружием в руках;
И Хетель сам сражался противнику на страх,
Но отразить напавших им было не по силам,
Тяжелые удары герой молодой наносил им.

644Опустит меч свой Хервиг – и сыплются дождем
Из светлых шлемов искры. Воинственным вождем
Прекрасная Кудруна в окно залюбовалась,
Но радость в сердце девы с глубокой тоской сочеталась.

645За меч булатный взялся и Хетель, разъярясь,
И силон, и богатством мог похвалиться князь.
Он Хервига обидел и поплатился ныне:
Уж в замке каждый видел, как враг подступил к их твердыне.

646Хозяева хотели от натиска врагов
Свои ворота плотно захлопнуть на засов,
Но бой зашел в воротах[86] жестокий, рукопашный.
Пленить отвагой деву надеялся Хервиг бесстрашный.

647Уже отец Кудруны и Хервиг молодой,
Возглавив оба стана, вступили в жаркий бой.
Столбом летели искры, стонала вся округа.
Бойцы узнали быстро, что стоят в сраженье– друг друга.

648Когда увидел Хетель, как славен его враг,
Удары отбивая, он громко молвил так:
«Кто ссорил нас когда-то, тот Хервига не знает,
Ведь от его булата ни панцирь, ни щит не спасает.

649Шум битвы королевну вгонял в озноб и в жар.
Изменчива удача и вертится, как шар.[87]
За жизнь отца и гостя Кудруна опасалась,
И так как больше средства разнять храбрецов не осталось,

650Она в мольбу вложила тревогу и любовь,
Вскричав: «Отец мой Хетель, уже струится кровь
Из панцирей пробитых. Все стены в красных пятнах.
Опасен бой с соседом, испытанным в подвигах ратных.

651Остановите битву на время, ради бога,
Мечу и сердцу дайте остынуть хоть немного,
И если в малой просьбе мне Хервиг не откажет,
Пусть он о славных предках, о родичах знатных расскажет».

652Ответил рыцарь деве: «Но мир не заключен,
Вот если бы я в замок был вами приглашен,
Явившись безоружным, сказать имел бы смелость
О родичах и прочем, о чем вам узнать захотелось».

653В угоду королевне был спрятан в ножны меч,
И совлекли кольчуги бойцы с усталых плеч,
От ржавчины доспехов в источнике омылись.[88]
Отрадно было видеть, что жизни они не лишились.

654Сто рыцарей отважных с собою Хервиг взял,
Навстречу гостю дева сошла со свитой в зал,
Сама с собой в разладе. Приветом удостоен,
Хозяевам, однако, боялся довериться воин.

655Учтиво предложила Кудруна гостю сесть,
И мать, и дочь пленило в нем мужество и честь.
Друзья их убеждали не предаваться злобе,
Скорее с распрей кончить, и этого жаждали обе.

656Сказал воитель дамам: «Разносят люди слух —
И оскорблен тем самым мой рыцарственный дух, —
Что вы меня презрели, сочтя мой род не знатным.
По и богач бывает у бедных в долгу неоплатном!»

657Сказала дева: «Можно ль героем пренебречь,
Что верно служит даме и с честью носит меч?
Поверьте, вашей страстью я не пренебрегаю
И так люблю сердечно, как вас не полюбит другая.

658Когда бы разрешили мне батюшка и мать,
Навеки б согласилась я вам принадлежать».
В глаза ее глядел он, а сердце сладко билось:
Она его любила и перед людьми не таилась.

659У Хетеля и Хильды воитель стал просить
Его с их милой дочкой, Кудруной, обручить,
Свое согласье дали король и королева,
Но прежде знать желали, что думает юная дева.

660Решения любимой недолго Хервиг ждал,
Герой непобедимый, он перед ней предстал,
Своей высокой страстью как будто зачарован.
Казалось, был он кистью на белой стене нарисован.[89]

661«Коль вы меня любовью согласны одарить,
Клянусь без суесловья, я буду вам служить,
Приказам вашим внемля. И будут в вашей воле
И мой народ, и земли, пока я сижу на престоле».

662Она сказала: «Верьте, никто мне так не мил,
Ты многих спас от смерти, мне нынче послужил.[90]
Теперь отца осталось мне примирить с тобою,
И заживем мы дружно, одною счастливой семьею».

663За Хетелем послали, – тем кончился раздор.
Пришли за государем на королевский двор
Славнейшие герои его земли обширной,
И завершились беды победой веселой и мирной.

664[91] Родитель по совету и с ведома друзей

У дочери прекрасной спросил, угодно ль ей
Взять Хервига в супруги, и дева, отвечая,
Проговорила твердо: «Я лучшего мужа не чаю».

[665]Был Херриг крепкой клятвой с Кудруной обручен
И прочил ей корону. Но был он обречен
Из-за ее любови на радость, и на горе,
И много жаркой крови бойцы его пролили вскоре.

[666]Хотел уехать Херриг, жену с собою взять,
Но Хильда упросила, чтоб дал на сборы зять
Перед коронованьем ей год, не меньше, сроку.
За это смелый рыцарь потом поплатился жестоко.

[667]Советовала Хильда, пусть Херриг этот год
В кругу других красавиц без милой проведет.
Враги из Альцабеи прослышали об этом.
Увы, себе на горе внял Херриг недобрым советам.

[668]Мавр Зигфрид собирался на Хервига в поход,
Созвал своих героев, велел готовить флот
И вдоволь взять в дорогу оружия и снеди,
А эти сборы в тайне держать приказал от соседей.

[669]Еще велел построить он двадцать кораблей,
Хоть стало беспокоить вассалов и друзей
Внезапное решение воинственного мужа
Подняться на зеландцев, лишь кончится зимняя стужа.

[670]Он восемьдесят тысяч бойцов собрать успел,
И берег Альцабеи, казалось, опустел.
Князья из стана мавров с ним ехать обещались,
Лишь несколько их дома его дожидаться остались.

[671]Зеландцев известил он: «Иду на вас войною».
Стал Херриг сокрушаться. Он никакой виною

Не мог такую злобу в их душах возбудить
И приказал особо границу свою сторожить.

672В глубоком огорченье держал он к верным речь,
Что враг страну грозится опустошить и сжечь.
Тех, что ему служили, он платы удостоил,
И все довольны были, хоть подвиг их большего стоил.

673Был май, когда, ликуя, приплыли храбрецы,
Герои Альцабеи, Абакии бойцы,
Как будто края света достичь хотели гости,
Не ведая, что где-то зароют их мертвые кости.

674Они, вступив на берег, всё предали огню.
Позвал на помощь Хервиг вассалов и родню.
А мавры бушевали, насилием платили
За золото и перлы, что люди им в страхе носили.

675Зеландцу было горько терпеть такой урон.
Воитель достославный, как храбро бился он!
Седые молодели, сражаясь рядом с князем,
А головы врагов их катились, как яблоки, наземь.

676Был долог бой, в нем гибло героев без числа,
Но плохо обернулись для Хервига дела;
Он был прижат к границе, назад бежали слуги,
Страна его пылала. Он нарочных выслал к супруге.

677В страну, где правил Хетель, гонцы помчались вскачь
И слезы проливали, не сдерживая плач.
Когда они пред очи правителя предстали,
О всем, что приключилось, ему без утайки сказали.

678Посланцев горе видя, король утешил их,
Как следует утешить знакомцев дорогих,
Он их спросил сначала, как из дому добрались,

Когда страна пылала и крепости маврам сдавались.

679Мужи ему сказали: «Нам солоно пришлось.
Узнай: мы проскакали Зеландию насквозь,
Там мавров отражают герои дни и ночи,
От слез не просыхают прекрасные женские очи».

680«Идите, – молвил Хетель, – к наследнице моей,
А я берусь исполнить все, что угодно ей,
Отмстить прикажет маврам – пощады не видать им,
Мы службу вам сослужим, за ваши печали отплатим».

681Еще не заявились посланцы к ней в чертог,
А горе королевны увидеть каждый мог,
Послала за гонцами Кудруна в нетерпенье,
Скорбя, что честь и слава потеряны в этом сраженье.

682К ней рыцари явились, а верная жена
Сидела и рыдала, в печаль погружена.
О Хервиге отважном она у них спросила,
Как с ним они расстались и жив ли супруг ее милый.

683Один из них ответил: «Напутствуя послов,
Был Хервиг ликом светел и телом был здоров,
А что с ним дальше сталось, про то никто не знает,
Враги и жгут, и грабят, и наших людей убивают.

684Послушай, что король наш велел тебе сказать:
В большой беде и сам он, и доблестная рать,
Все дни мужи страшатся кончины и позора,
Твоя, Кудруна, верность – одна у героя опора».

685С богатых кресел вскоре Кудруна поднялась,
Отцу поведать горе душа ее рвалась,
Что войско ее смято и много замков пало.
Идти на супостата Кудруна отца умоляла.

[686]Слезами обливаясь, к нему прильнула дочь:
«Спаси, король могучий! Не захотят помочь
Друзьям твои герои, – меня тоска изгложет.
Никто другой на свете помочь в нашем горе не сможет».

[687]«Не сетуй, дочка! К зятю мы выйдем на подмогу.
Со всею нашей ратыо мы двинемся в дорогу,
Беду твою избудем, накажем супостата.
Но прежде надо людям за старым отправиться Вате,

XIII авентюра[92]

688Он всех, кто под рукою, на помощь приведет.
Когда же смелый Морунг узнает про поход,
Он тысячу героев сберет под наше знамя.
Тогда враги узнают, легко ли им справиться с нами.

689Придет датчанин Хорант с трехтысячным отрядом,
Со всей дружиной Ирольт свой стяг поднимет рядом,
И королевич Ортвин пойдет с врагами биться.
Такою ратью сможет Кудруна моя похвалиться».

690Поехали поспешно падежные гонцы
От девы безутешной к друзьям во все концы,
Почтительно просила она помочь ей в горе,
Всем это лестно было, и рыцари прибыли вскоре.

691А мать Кудруны Хильда пообещала ей:
«Мы всем, кто согласится спасти твоих друзей,
Дарами путь устелем, не пожалеем злата
И с ними всё разделим, чем только мы сами богаты».

692Тут распахнули скрыни[93] и вынесли во двор
Доспехи, что доныне хранились с давних пор,
Стальные их заклепки глаза слепили больно.
Кольчуг на всех хватало. Кудруна осталась довольна.

693Дал тысяче героев король коней лихих:
В поход собравшись, дома не оставляют их;
И Хетелем обычай был этот не нарушен,
Всех лошадей велел он с собой увести из конюшен.

694Хозяин стал прощаться с супругою своей,
И слезы покатились у женщин из очей,

Взирая на героев, с ним отъезжавших вместе,
Они твердили; «Бойсе, дай битву им выиграть с честью».

695И вот толпою тесной все двинулись вперед —
Кто помоложе с песней – из замковых ворот.
Захваченную в битве добычу предвкушая.
По до чужого стана дорога лежала большая.

696На третий день похода, чуть свет, явился Вате.
Вел тысячное войско старик на супостата.
С седьмой денницей Хорант пришел, отвагой полон,
И войско в сорок сотен по зову Кудруны привел он.

697Из марки Валейс Морунг воинственный явился,
Во имя дам прекрасных он к подвигам стремился.
Две тысячи скакало с ним всадников веселых,
Во всем вооруженье вассал благородный привел их.

698Герой нортландский Ортвин, Кудруны милый брат,
Сестре на помощь морем доставил свои отряд,
С ним целых сорок сотен воителей приплыли.
Узнай об этом мавры – они бы напуганы были.

699Все к Хервигу спешили на выручку, а он
С героями своими терпел большой урон,
Врагов от замка тщетно он отогнать старался,
К вратам его заметно противник уже приближался.

700Тревога охватила сердца его друзей,
В том, что разбито было так много крепостей,
Герои честолюбцев, изменников винили,
Нашелся бы предатель – его бы за это казнили.

701Гонцы уже вернулись – об этом Хервиг знал.
С утра до поздней ночи противник наступал,
Но вскоре подоспело к герою подкрепленье,

Защитники Зеландца открыто пошли в наступленье.

[702]Два князя мавританских при новости такой
Душою омрачились, утратили покой,
Им знать немедля дали о том, что Хетель к зятю
Пришел из дальней дали со всей своей славною ратью.

[703]Князья приготовлялись дать Хетелю отпор,
Затем что отличались отвагой с давних пор,
И войско их держалось заносчиво и гордо,
Ни перед кем, казалось, на шаг не отступят их орды.

[704]Явился старый Вате с бойцами без числа:
Большое ополченье Кудруна созвала,
Чтоб вызволить супруга. Но после их победы
Героев ожидала не радость, а новые беды.

[705]Хоть были басурмане два князя, видит бог,
Никто на поле брани их победить не мог,
Те мавры в целом мире отважнейшими слыли,
И рыцарей немало в могилу они уложили.

[706]Зеландец Хервиг рвался отмстить за свой урон,
И это умножало потери двух сторон,
Без счета ран досталось его единоверцам,
И Хетель сокрушался, жалея героев всем сердцем.

[707]Все прибывшие силы уже вступили в бой,
Где смерть людей косила и ждал ее любой.
Бессонной ночью, днем ли в тревоге и печаля
«До завтра доживем ли?» – так все храбрецы вопрошали.

[708]Щадили замок мавры по рыцарским законам,[94]
Пока зеландцы в поле с упорством непреклонным
Секли врагов мечами и копьями пронзали,
Все в ранах были сами, но мир заключить не желали.

709Хозяева и гости не прекращали схватки,
Бросались в бой со злостью, рубились без оглядки,
Цвет рыцарства, сраженный, полег, как сжатый колос.
Узнали это жены, от горя заплакали в голос.

710Отважно старый Вате сражался в том бою,
Он в ратном деле мудрость выказывал свою,
В уныние и трепет ввергая супостата.
Среди мужей славнейших всегда отличался и Вате.

711 Был смел датчанин Хорант, и от его руки
На части разлетались стальные шишаки,
Блестящие доспехи рубил герой умело,
И от такой потехи враждебное войско редело.

712И Морунг необорный искал с врагами встреч,
За край щита узорный он простирал свой меч.
Что прятаться от мавров! Без страха и упрека
Князьям их благородным за Хервига мстил он жестоко.

713И Хетеля недаром в поход послала дочь,
Чтоб Хервигу от мавров избавиться помочь.
Неверных побивал он могучею рукою:
Кто хочет жить, пусть земли зеландцев оставит в покое.

714Всех лучше бился Хервиг у замковых ворот
И на открытом поле. Смочил обильно пот
На богатырском теле кольчужную рубаху.
Те, что его теснили, с ума посходили со страху.

715Муж Виголейс круто с врагами поступал,
И старый воин Фруте их натиск отражал,
Достоин вящей славы датчанин был за это,
Никто не мог бы лучше сражаться в преклонные лета.

[716]И рыцарь Ортвин юный отважный был герой,
Он за друзей Кудруны в бою стоял горой,
Молва о нем повсюду твердила неустанно.
Что он на бранном поле наносит смертельные раны.

[717]Двенадцать дней сражались без отдыха и срока
Герои хегелинги, упорно и жестоко,
Немало изрубили щитов из светлой стали.
Уж доблестные мавры поход свой оплакивать стали.

[718]Тринадцатое утро ночной прогнало мрак.
Пред раннего обедней промолвил Зигфрид так:
«Мы здесь воюем втуне, теряем войско наше.
Из-за любви к Кудруне и Хервиг пьет горькую чашу».

[719]Велел он поскорее всех па совет созвать
Князей из Карадеи, из Альцабеи знать,
Они решили в крепость бежать, собрав все силы,
Пока врагов свирепость их жизни еще не лишила.

[720]Уйти от битвы страшной старались кто как мог.
Катился перед башней стремительный поток,
Бежавшие преграду осилить не успели,
Противника отряды на мавров стремглав налетели.

[721]Тогда отважный Зигфрид на Хетеля напал.
Вполсилы храбрый Хетель дотоле воевал,
Теперь судьба навстречу ему того послала,
Кто в сече искалечил друзей его милых немало.

[722]Тут оба не хотели лицом ударить в грязь,
Владыка хегелингов и мавританский князь,
Они щиты мечами пораскололи в щепы,
И обратиться в бегство был вынужден Зигфрид свирепый.

[723]Не мешкая разбили свой хегелингп стан,

Осадой обложили отважных басурман.
Хоть мавры завладели надежною твердыней,
Охотнее сидели они бы па родине ныне.

[724]Что ни скажи, а мавров суровый жребий ждал:
Противник так жестоко их крепость осаждал,
Что в бой вступить открытый герои не дерзали,
Для длительной защиты они свой приют укрепляли.

XIV авентюра
Как Хетель послал гонцов из страны Хервига

[725]Послал домашним Хетель отрадное известье,
Чтоб те не горевали, зане сражались с честью
И юноши, и старцы в победоносной сече.
Пусть Хильда и Кудруна готовятся к радостной встрече.

[726]Велел он передать им, что мавров окружил
Осадой вместе с зятем и всеми, кто служил
Прекрасной королевне и Хервигу в их войске.
Все сил не пощадили, с врагом расправляясь геройски.

[727]Им Хильда пожелала удачи и побед,
Чтоб Хервигу скорее избавиться от бед.
И дочка ее тоже, вестей наслышась новых,
Сказала: «Дай нам, боже, их встретить, живых и здоровых».

[728]Из башни осажденным нельзя было уйти,
Им к морю хегелинги отрезали пути,
И маврам приходилось в убежище томиться.
А Вате вместе с Фруте их там стерегли, как в темнице.

[729]Дал клятву смелый Хетель, не отступать от стен,
Покуда всех неверных не заберет он в плен.
Не ведал он последствий той клятвы безрассудной,
Началом многих бедствий стал вскоре поход многотрудный.

[730]Лазутчики Норманна – подосланный им сброд —
Следили неустанно, чем кончится поход,
Но доброго немного для Хартмута узнали
И Хетелю с друзьями погибели в битве желали.

731Они узнали твердо, что Зигфрид взят в тиски,
Что этот рыцарь гордый страдает от тоски:
Никто к нему на помощь не идет, призыву внемля,
Ведь далеко отсюда лежат мавританские земли.

732Лазутчики пустились домой во весь опор,
Откуда Людвиг с сыном послали их в дозор,
А дома доложили им важное известье:
Осадой занят Хетель с воинственным Хервигом вместе.

733Такому донесеныо король остался рад,
Спросил, как долго мавры в осаде просидят
Иль наконец когда же они, начав сраженье,
Отмстят свирепой страже в бою за свое пораженье.

734Сказал один лазутчик: «Язык мой не солжет,
Им там обороняться придется целый год.
Из башни хегелинги врагов не выпускают
И к морю все тропинки, все выходы им закрывают».

735Развеселился Хартмут и так промолвил вслух:
«Высокая надежда мой ободрила дух.
Покуда распря длится и держится осада,
Пока в отлучке Хетель, нам ехать в страну его надо».

736И так они решили, раскинувши умом:
«Когда мы десять тысяч норманнов соберем,
Так, верно, завоюем прекрасную девицу,
Пока отец Кудруны домой не успел воротиться».

737О мести помышляла Герлинда день и ночь
За то, что ее сыну не отдал Хетель дочь,
И жаждала в расплату – так гнев ее был бешен, —
Чтоб был повешен Вате и доблестный Фруте повешен.

738 Чертовка обещала: «Кто выступит в поход,
Пусть золота немало за эту службу ждет,
Я щедро заплачу им, мне ничего не значит,
Коль Хетель, вместе с Хильдой, от этого горько заплачет».

739Сказал державный Людвиг: «Чтоб дело завершить,
Понадобится войско в дорогу снарядить.
Надеюсь двадцать тысяч собрать в свои полки я,
Красавицу Кудруну добудут герои такие».

710А юный Хартмут молвил: «О если бы случилось,
Чтоб в нашем королевстве Кудруна очутилась,
И земли, и корону решился бы отдать я,
Чтоб только благосклонно она мне открыла объятья».

741Все дни не уставали они совет держать,
Как Людвигу надежных приверженцев собрать
И с ними к хегелингам отправиться по морю.
Как было Хильде ведать, что ей уготовано горе?

742Чем только ни старалась Герлинда им помочь!
На хитрости пускалась, чтоб Хетелева дочь
В Нормандии на ложе у Хартмута пригрелась.
В его объятьях деву старухе увидеть хотелось.

743И молвил Людвиг сыну: «Попомни, милый сын,
Для «жалоб у дружины найдется тьма причин,
Чтоб бед избегнуть лишних и жалоб нежеланных,
Осыпь дарами пришлых, а я попекусь о норманнах».

744Так много раздавали сокровищ короли,
Что с ними даже швабы сравняться не могли,[95]
Они коней, доспехи дарили, не жалея.
Своим норманнам Людвиг вовек не казался щедрее.

745Бойцы приготовлялись к далекому пути,

Надежных слуг в дорогу король сумел найти,
Им все пути морские давно знакомы были,
И за труды такие по-княжески им заплатили.

[746]Шли к завершенью сборы, был снаряжен и флот.
И о походе скоро заговорил народ,
Что с сыном именитым король идет в дорогу,
А что она сулит им – внушало норманнам тревогу.

[747]И вот явились к морю с дружиной короли.
Перетащить осталось на берег корабли,
За них своей казною Герлинда заплатила.
А Вате с верным Фруте не ведали, что им грозило.

[748]С дружиною несметной плыл молодой король,
От страсти безответной испытывая боль,
И вид его суровый не оставлял сомненья,
Что земли хегелингов жестокое ждет нападенье,

[749]Хоть и с трудом, но к цели их близился поход,
Готовил много бедствий датчанам их приход.
Уже нортландский берег норманны огибали,
А Хетель с храбрецами об этом пока и не знали.

[750]А Хартмуту осталось проплыть двенадцать миль,
Чтоб все, о чем мечталось, преобразилось в быль.
Уж землю хегелингов он озирал бесстрашно
И видел замок Хильды, чертог и высокие башни.

[751]Велел норманнам Людвиг здесь бросить якоря,
И всех сойти на берег поторопил не зря:
Он видел – замок близко и солнце ярко светит,
И очень опасался, что их хегелинги заметят.

[752]Воители, с собою забрав на берег кладь,
Щиты и копья к бою взялись приготовлять,

Но прежде к хегелингам гонцов своих послали,
Снискать друзей в их стане надежды они не теряли.

XV авентюра
Как Хартмут силой захватил Кудруну

753Гонцов отправил в замок непрошенный жених
К владелицам прекрасным, уведомляя их,
Что коль они поладят, так Хартмут обещает
Исполнить без отказа, чего их душа пожелает.

754Полюбит его дева, как он уже просил,
(А мысль о ней терзала героя свыше сил),
Тогда служить он будет красавице до гроба,
И Людвига владенья они унаследуют оба.

755Ее упорство может в нем ненависть родить.
Надеется Кудруну герой уговорить
В Нормандию поехать и стать его женою,
Затем что не желает того добиваться войною.

756А если дева снова упрямиться начнет,
Пусть знает: отступного воитель не возьмет.[96]
«Коль за меня, – сказал он, – красавица не выйдет,
Она моих героев под степами замка увидит.

757Отважные посланцы, еще скажите ей:
Я не вернусь на море с дружиною моей,
Пускай меня мечами здесь на куски изрубят,
Коль не пойдет Кудруна за мной и меня не полюбит.

758И если королевна меня отвергнет вновь,
Я поведу норманнов. И да прольется кровь!
Пусть даже двадцать тысяч, отдавши души богу,
Мне к замку хегелингов телами устелят дорогу.

759На Бате положился король в недобрый час.

Старик и Виголейс сюда не ждали нас,
И оттого, что Хетель их следовал советам,
Сирот здесь будет много – я сам позабочусь об этом».

760Посланцы, выполняя желание норманна,
Стрелой помчались в замок, он звался Мателана,[97]
Там Хильда обитала, и, близких ожидая,
С родительницей вместе жила ее дочь молодая.

761Двух графов родовитых послал с людьми герой,
Из вотчины далекой он их привез с собой,
Чтоб графы рассказали, как Хартмуту желанно
Служить покорно Хильде и ей угождать неустанно.

762Когда для высшей доли отпустит Хильда дочь
К отважному герою, – а он и день, и ночь
Любовью к ней сгорает, – счастливой Хильда станет:
За царственную милость ей Хартмут служить не устанет.

763А стражам Мателаны уж люди донесли,
Что знатные норманны от Хартмута пришли,
Чтоб сватать королевну. Охвачена испугом,
Прекрасная хозяйка молчать приказала всем слугам.

764Ворота отворили, открыли настежь вход,
Чтоб те, кто к ним спешили, не ждали у ворот.
Когда же появились отважные норманны,
То в королевский замок вступили они невозбранно.

765Послы хотели видеть супругу короля,
Их стражи обступили, повременить веля, —
Они оберегали владелиц Мателаны
И их не оставляли в чертогах одних, без охраны.

766Всех рыцарей прибывших в присутствии двора
Приветствовала Хильда, радушна и добра,

А госпожа Кудруна их встретила надменно:
Лишь к Хервигу душою стремилась она неизменно.

767Хоть ненависть питала к ним Хетеля жена,
Однако приказала им поднести вина,
И сесть их пригласила хозяйка благородно,
И лишь потом спросила, что рыцарям в замке угодно.

768И рыцари, учтиво с богатых кресел встав,
Как исстари посольству предписывал устав,
Сказали знатным дамам, что господин их хочет,
Какую королевне он долю высокую прочит.

769Прекрасная Кудруна им отвечала так:
«С отважным князем вашим я отвергаю брак
И с ним делить не стану норманнскую корону.
Мне дорог только Хервиг, я только к нему благосклонна.

770Мы связаны обетом, он взят в супруги мной
И перед целым светом избрал меня женой.
Любовь и честь большую он заслужил в награду.
Вовек, пока дышу я, мне друга иного не надо».

771«Дал Хартмут приказанье, – сказал один норманн, —
Открыть его желанье. И это не обман,
Что в случае отказа, вам ждать три дня осталось:
Он будет здесь с войсками». Кудруна в ответ рассмеялась.

772Два графа собирали«, в обратный путь отбыть.
Велела королева посланцев наградить,
Сколь ни противны сердцу ей гости показались.
Но те, с коварной целью, от щедрых даров отказались.[98]

773А люди королевы осмелились сказать:
«Ни злобой, ни угрозой вам нас не запугать.
Коль не захочет Хартмут испить у нас вина,

Так мы горячей кровью его напоим допьяна».[99]

774И с тем отряд отважный обратно поскакал,
Откуда с вестью важной их Хартмут посылал.
Спросил герой, с какою они явились вестью
И любо ль показалось его предложенье невесте.

7П Один ответил: «Дева отвергла эту честь,
Затем что друг сердечный у королевны есть,
Его дарят любовью, а вам и вашей свите
Испить придется крови, коль вы их вина не хотите».

776«Ах, я покрыт позором! Мне сердце жжет ответ, —
Сказал на это Хартмут. – Нам спрашивать не след,
Помогут ли мне други отмстить за стыд и горе».
PI доблестные слуги сошлись к нему с берега моря.

777Все стали под знамена, и, гневом распалясь,
Их повели на приступ король и юный князь,
Был стяг их гордый виден из окон Мателаны.
И молвила Кудруна: «Вернулся отец мой желанный».

778Но Хнльда разглядела, что это вражий стяг.
«Ах, много горя ныне нам уготовил враг,
Пришли лихие гости за госпожой Кудруной,
Пойдут рубить доспехи теперь они до ночи лунной».

779А слуги утешали владычицу свою:
«Мы с ними за бесчинство расплатимся в бою,
Пускай потом считают полученные рапы».
Закрыть велела Хильда героям врата Мателаны.

780Однако хегелинги ослушались ее
И знамя государя воздели на копье.[100]
Воители хотели наружу устремиться
И там, в открытом поле, с достойным противником биться.

781Решетки полагалось повсюду опустить,
Но их мужи велели из гордости открыть,
Врагом пренебрегая, и в замок без преграды
За первою дружиной вошли остальные отряды.

782С подъятыми мечами норманны шли вперед,
Их тысяча иль больше скопилось у ворот,
Да добрых десять сотен за Хартмутом скакали.
Все спешились и слугам коней увести приказали.

783Был каждый нападавший вооружен копьем
И наносил удары разящим острием,
Сквозные раны множа. Их натиск продолжался,
А грозный Людвиг тоже с дружиной сюда приближался.

784Глядели дамы в страхе на то, как ехал он,
И реяли но ветру полотнища знамен,
Бойцов за каждым стягом три тысячи скакали,
Воинственность и злоба на лицах у них проступали.

735Оставила охрана высокородных дам
И ратным предавалась без устали трудам.
Воителей отважней на свете не бывало,
И Хартмута дружина их мощь на себе испытала.

786уж чаяли герои победу одержать,
Когда внезапно Людвиг привел большую рать,
Нормандии владыка пришел на помощь сыну,
И многих хегелингов они обрекли на кончину.

787Король норманнов Людвиг разил своих врагов
Так, что летели искры от кованных щитов, —
Такую силу смелый в своей груди носил,
И у его героев хватало отваги и сил.

788А гордым хегелиигам уже пришлось не раз
Раскаяться, что ими не выполнен приказ
Прекрасной дамы Хильды, супруги короля:
Они виной, что многих уже поглотила земля.

789Войска отца и сына соединились вместе,
Но скоро господина слуга встревожил вестью:
«Запрет ворота Хильда!» Загородясь щитами,
Бойцы пошли на приступ, чтоб в замок внести свое знамя.

790Хотя со стен и башен их встретил град камней,
Он был бойцам не страшен, их натиск стал сильней,
А думать об убитых досуга не хватало.
Под стенами на плитах здесь множество воинов пало.

791Прошли через ворота король и юный князь,
Сразив врагов без счета, чья кровь рекой лилась.
И от сердечной боли Кудруна зарыдала.
В отцовском замке то ли ей видеть еще предстояло!

792Уже отважный Людвиг порадоваться мог,
Что гордый стяг норманнский они внесли в чертог
И над зубцами замка их знамя развевалось.
Печалиться и плакать Кудруне теперь оставалось.

793[101] Явился к деве Хартмут, как гром средь бела дня:
«Всегда вы презирали, сударыня, меня,
А нынче в Мателане мы брать не будем пленных,
Повесим и заколем защитников ваших презренных».

794Одно лишь королевна отважилась сказать:
«Увы, отец мой милый, коль мог бы ты узнать,
Что дочь твою увозят насильно в плен за морс,
Уж я бы не терпела такого позора и горя».

795 И впрямь лихие гости не унесли бы ног,

Когда бы грозный Вате увидеть только мог,
Что Хартхмутовы люди гуляют в залах замка,
А дочка государя Кудруна – его полонянка.

[796]И если б Вате, Хетель могли об этом знать,
Уж воины сумели б за деву постоять,
Круша мечами шлемы. Тогда бы не случилось,
Что юная Кудруна в норманнском плену очутилась.

[797]В поверженной твердыне тоска душила всех.
(Так было бы и ныне.) А гости без помех
Разбойничали вволю, тащили, что желали.
Вы можете мне верить: богатыми все они стали.

[798]Сокровища мешками норманны нагребли,
За обе руки Хильду из дома повели
И сжечь хотели замок во что бы то ни стало.
А что их ждет за это, гостей беспокоило мало.

[799]Но Хартмут Мателану им запретил спалить,
Затем что торопился на родину отплыть,
Покуда не вернулись бойцы из марки Валейс,
Где с Хетелем и Вате они до сих пор оставались.

[800]«Бросайте грабежи вы, нам трогаться пора!
Вам дома для поживы я много дам добра.
Без груза плавать легче». Меж тем не стало сил
Кудруне зреть бесчинства, которые Людвиг творил.

[801]Их замок был разрушен, а город был сожжен,
Норманны в плен забрали прекраснейших из жен
И много дев пригожих. А сердце королевы
На части разрывалось от лютого горя и гнева.

[802]Как тяжко было девам бросать ее одну!
Поспешно королева приблизилась к окну,[102]

Чтоб с башни наглядеться на них перед разлукой.
Здесь много жен осталось, такой же терзаемых мукой.

[803]И возносился к небу их громкий плач и крик,
Никто счастливым не был в прощальный этот миг.
С Кудруной отъезжала ее девичья свита.
Зато потом немало воителей было убито.

[804]На берег моря Хартмут всех пленников согнал.
В развалинах, сожженным он город оставлял.
Всё по его случилось веленью и желанью,
Кудруну с Хильдебургой он вез, обрекая страданью.

[805]Нормандец знал, что Хетель за тридевять земель
С неверными воюет, и поспешил отсель,
Пока его деянья не выплыли наружу.
Лишь он убрался, Хильда отправила нарочных к мужу.

[806]И, плачась, извещала супруга своего,
Что умерло немало воителей его,
В крови горячей Хартмут свирепо утопил их
И в плен увел Кудруну и множество девушек милых.

[807]«Отважные посланцы, скажите королю,
Что я одна осталась и бедствие терплю.
Ушел, ликуя, Людвиг, и тысяча убитых
У башен Мателаны лежат, коченея на плитах».

[808]На третье утро Хартмут, сын Людвига, вельможный
От берега отчалил. И все, что только можно
Взять в плаванье с собою, норманны захватили,
Разбоем и татьбою хозяев они разорили.

[809]Кто нам поведать может, что с ними дальше было?
От ветра раздуваясь, шумели их ветрила,
Шля корабли на остров, что Вюльпензандом звался,

Он, дикий и пустынный, на глади морской возвышался.

XVI авентюра
Как Хильда послала гонцов к Хетелю и Хервигу

[810]Высокородной Хильде средь неотвязных дум
Одно на сердце пало и занимало ум,
Как ей гонцов отправить с печальной вестью к мужу,
Что зло содеял Хартмут и нет у них недруга хуже.

[811]И Хетелю велела и Хервигу сказать:
«Кудруна в плен попала, погибла наша рать,
Одна теперь осталась я дома мыкать горе.
Все золото и перлы увез неприятель за море».

[812]Отправились поспешно отважные мужи
По слову безутешной, прекрасной госпожи
И на седьмое утро до места доскакали,
Где мавров хегелинги в жестокой осаде держали.

[813]Герои состязались в отваге всякий день,
В забавах разгоняя уныние и лень,
То тешились прыжками, то взапуски бежали,
То в цель бросали дроты и длинные копья метали.

[814]Увидел рыцарь Хорант, храбрейший из датчан,
Что нарочные Хильды торопятся в их стан,
И молвил: «С новостями к нам гости прискакали,
Спаси нас бог, герои, уж дома у нас не беда ли!»

[815]С приветливою речью отправился тогда
Сам Хетель к ним навстречу. «С приездом, господа, —
Сказал король учтиво, придерживаясь правил, —
Здорова ль королева и кто вас в наш лагерь отправил?»

[8,6]«То Хильды повеленье, – гласил ответ посла, —
Знай, что твои владенья враг разорил до тла,
Все крепости разбиты, Кудруну в плен забрали.
От бедствия такого оправится край наш едва ли.

[817]Пожалуюсь еще я: мы натерпелись мук,
До тысячи погибло твоих друзей и слуг,
Сокровища короны достались дерзким ворам,
Разграблены все клады, герои покрыты позором».

[818]Спросил отважный Хетель, кто им беду принес,
И рыцарь удрученный ответил на вопрос:
«Один обидчик – Людвиг, правитель Нормандипы,
Другому имя – Хартмут, свершили все зло их дружины».

[819]Король воскликнул: «Хартмут зато на нас напал,
Что я ему Кудруну отдать не пожелал,
Он был отвергнут мною и как жених презрен,
Затем что все владенья взял Людвиг у Хагена в лен.

[820]Мы наше пораженье от недругов сокроем,
Поведаем о горе лишь преданным героям.
Велите ж поскорее друзьям ко мне явиться.
Несчастья тяжелее у нас не могло приключиться».

[821]Тут Хервига-Зеландца в покои стали звать,
Друзей и слуг позвали, и остальную знать.
И, к Хетелю явившись, герои увидали,
Что вождь их пребывает в глубокой и тяжкой печали.

[822]Но тут король сказал им: «Друзья, свое несчастье
Я вам сейчас открою, надеясь на участье.
Мне вот что королева с гонцами довела:
Беда случилась. Плохи на родине нашей дела.

[823]Охвачена пожаром страна, все замки пали, —
Увы, как видно стражи их слабо охраняли.
Кудруна в плен попала, и головы сложили
Дружинники, что дома мне верой и правдой служили».

[824]Блеснула на реснице у Хервига слеза,
Слезами увлажнились и Хетеля глаза,
Их плачущими видя, все прослезились тоже,
В унынье погрузились сородичи их и вельможи.

[825]Тут молвил старый Вате: «Не растравляйте рай
Рассказом о злодействах, что совершил Норманн.
Еще на нашу долю деяний славных хватит,
За наше униженье весь род его кровью заплатит».

[826]Спросил король: «А как же нам это совершить?»
«Нам мир, – ответил Вате, – придется заключить
С владыкой мавританским. Мы соберемся с силой,
Отправимся походом в погоню за пленницей милой».

[827]И старый воин мудро совет закончил свой:
«Нам надобно наутро дать войску мавров бой
И так их встретить в поле, чтоб стало им понятно,
Что жизнь их в нашей воле, от нас не уйти им обратно».

[828]Сказал отважный Хервиг: «Нам добрый дан совет,
Готовьтесь, чтобы завтра нам выступить чуть свет.
Пусть наше превосходство враги увидят сами.
Моя душа безмерно скорбит о похищенной даме».

[829]И каждый приготовил для завтрашнего дня
Надежные доспехи и резвого коня.
Забрезжила денница, и рыцари напали
На храбрых абакийцев и славу в той битве
снискали.

[830]Людей в расцвете жизни здесь уносила смерть,
Флажки на древках копий мелькали вкруговерть,
Бойцы врагам кричали: «Идите к нам навстречу!»
И мавров настигали, бросаясь стремительно в сечу.

[831]Поверх щита взирая, возвысил Ирольт глас:
«Герои-мавры, гибель здесь ожидает вас,
Далеко ваши земли, так мира не хотите ль, —
Велел спросить вас Хетель, прославленный мой повелитель».

[832]Владыка мавров Зигфрид ответил в свой черед:
«Вам выгоду победа над нами принесет.
Пусть мир, но мир *почетный* согласен заключить я,
А силой вы добьетесь лишь нового кровопролитья».

[833]Тогда промолвил Фруте: «Клянитесь нам служить,
А мы вас восвояси согласны отпустить.
От вас в повиновенье мы требуем поруки».
И мавры, присягая, простерли торжественно руки.

[834]Все завершилось миром, как я уже сказал.
Бойцы пошли друг к другу, и каждый обещал
Взаимную поддержку и дружбу без обмана.
Их ненависть былая угасла на горе Норманну.

[835]Тут Хетель первым делом союзнику открыл,
Какою вестью злою он опечален был,
И обещал до гроба быть мавру благодарным,
Коль он ему поможет расправиться с князем коварным.

[836]Властитель Альцабеи ответил королю:
«Коль сыщутся злодеи, так я их погублю».
И молвил старый Вате: «Морской их путь мне ведом,
Мы их легко нагоним, как только отправимся следом».

[837]Сказал на это Хетель: «Но где же взять мне флот
При всем моем желании отправиться в поход?
Уж из дому давно бы я корабли отправил,
За наш урон и горе врагов расплатиться б заставил».

[838]Ответил старый Вате: «Ну, это не беда,
Все в божьей власти. Знаю, где нам найти суда.
Отсюда недалеко их семьдесят иль боле
С запасами съестного недвижно стоят на приколе,

[839]За море пилигримы на них свершают путь.
Суда забрать должны мы, а дальше будь что будь!
Пусть странники дождутся с терпеньем и молитвой,
Пока мы спор с врагами решим примиреньем иль битвой».

[840]Сто воинов взял Вате для этого с собой,
А следом остальные отправились гурьбой.
Паломникам сказал он; «Хотим купить мы хлеба».
За это вероломство потом наказало их небо.

[841]А было богомольцев на этом берегу
Три тысячи иль больше, поклясться вам могу,
Но только ополчаться их стан не вдруг собрался.
С могучею дружиной к ним Хетель уже приближался.

[842]И сколько ни молили паломники в тоске,
Их серебро и платье сложили на песке,[103]
А снедь забрать в дорогу распорядился Бате,
Сказав; «Когда вернемся, за все вы получите плату».

[843]Проклятия и вздохи беде не помогли,
Вернуть себе ни крохи скитальцы не могли,
Стремился к цели Вате и приказал сурово
Взять корабли и барки со всем, что там было съестного.

[844]И Хетель не подумал печалиться о том,

Что путь заказан в море скитальцам с их крестом,[104]
Пятьсот с собой забрал он бойцов христолюбивых,
Да мало их вернулось домой из краев несчастливых.

Должно быть, по заслугам воздал герою бог
За то, что на мученья он странников обрек:
Король с его мужами погибли на чужбине,
И слезы пилигримов ему отлились и дружине.

Поплыли хегелинги так скоро, как могли,
Благоприятный ветер понес их корабли.
Вперед, под парусами, по вражескому следу.
Они отмстить хотели норманнам за все свои беды.

XVII авентюра
Как Хетель пришел за своей дочерью на Вюльпензанд

[847]Король норманнов Людвиг и юный Хартмут-князь,
От странствия морского изрядно утомясь,
Сошли на дикий остров с дружиной для привала.
Большой была их свита, но радостей ждало их мало.

[848]Он звался Вюльпеизандом, широкий остров тот,
Отважные норманны, свершавшие поход,
Коням давали отдых и сами отдыхали.
Что близок час расплаты, об этом они и не знали.

[849] И пленниц благородных на берег привели.
Насколько полонянки отважиться могли,
Они перед врагами печали не скрывали,
Оплакивали близких и участь свою проклинали.
[850]Везде на побережье уже зажглись огни.
Бойцы разбили лагерь. Надеялись они
Здесь в обществе красавиц пробыть семь дней иль боле.
Случилось по-другому, им горькая выпала доля.

[851]На острове пустынном, в необозримых водах
Они остановились и предвкушали отдых,
Но рыцари надежду напрасную питали
В кругухпрекрасных женщин семь дней отдохнуть на привале.

[852]Их стан от Мателаны лежал в такой дали,
Что гордые норманны помыслить не могли
О том, что их стоянка для них бедой чревата
И в море спозаранку с друзьями появится Вате.

[853]Слуга вдали заметил корабль под парусами
И к Хартмуту явился с такими новостями,
Но рыцари, увидев кресты на парусине,
Сказали: «Пилигримы плывут поклониться святыне».

[854]А вскоре показались три корабля больших
И девять крепких барок, но те, кто плыл на них,
Креста во славу божью на платье не носили.
За свой позор и горе норманнам они отплатиля.

[855]Весь флот уже так близко к их стану подходил,
Что блеск щитов и копий норманнов ослепил.
«Гляди-ка, – крикнул Хартмут, – враги явились наши!»
Пришлось испить дружине и Людвигу горькую чашу.

[856]Ломались с треском весла в руках гребцов иных, —
Такое нетерпенье одолевало их.
И юным, и бывалым воителям на суше
Пришлось обороняться, чтоб только спасти свои души.

[857]Король и Хартмут взяли тяжелые щиты.
Они домой попали б еще до темноты,
Когда бы не прельстились привалом. Им казалось,
Что у отца Кудруны надежных друзей не осталось.

[858]«Доселе, – молвил Людвиг, – в игрушки я играл,
Врагов, меня достойных, впервые бог послал,
Они, я это чую, в сраженьях непреклонны.
Так всех озолочу я, кто станет под наши знамена».

[859]Стяг Хартмута норманны на берег понесли,
А к берегу так близко подплыли корабли,
Что их копьем коснуться оттоле было можно.
Я думаю, что Вате щитом прикрывался надежно.

860Такой жестокой брани еще не видел свет,
Уж на песке датчане свой проложили след.
Копье и меч булатный исход войны решали,
Сражались оба стана и мир заключать не желали.

861Везде борьба кипела на диких берегах,
Летели гуще стрелы, чем снег летит в горах,
Когда с альпийских склонов холодный ветер веет.
Все удалью блистали, но смерть никого не жалеет.

862Навстречу рою копий ответный рой летел.
Но побережьем Хетель не скоро овладел.
На полчища норманнов с мечом бросался Вате,
Был грозен старый воин, и он не щадил супостата.

863Король норманнов Людвиг на Вате наскочил
И рыцаря ударил копьем что было сил,
По воздуху обломки от древка полетели.
Был мужественен Людвиг. Тут к Вате друзья подоспели.

864На шлем врага обрушил свой острый меч старик,
Клинок его булатный до черепа проник.
Надел по счастью Людвиг рубашку под кирасу
Из абалийской ткани, а то бы не прожил и часу.[105]

865Отважный Людвиг Вате чуть жизни не лишил,
Но сам насилу спасся и скрыться поспешил;
Ведь были шутки плохи в бою с героем старым,
Он рыцарей немало прикончил смертельным ударом.

866Схватились вместе Ирольт и Хартмут. Их клинки
Секли ожесточенно стальные шишаки,
И звон мечей далеко на поле раздавался.
Был смел датчанин Ирольт, и Хартмут отважно сражался.

867Король зеландцев Хервиг не мог к земле пристать,

Тогда он в море прыгнул и брода стал искать.
В воде по горло стоя, явил в борьбе с волнами
Он мужество такое во имя служения даме.

[868]Враги его хотели в пучине утопить,
Но только и сумели, что копья расщепить
О крепкий панцирь. Хервиг на сушу устремился
И там в бою с врагам! за многих друзей расплатился.

[869]Покуда Хетель смело с дружиной наступал,
Вода побагровела от крови тех, кто пал.
И ток волны кровавой расплылся в море шире,
Чем мог копье забросить любой из воителей в мире.

[870]Героям тяжко было. Их столько шло ко дну,
Что, верно бы, хватило на целую страну.
Их миловали раны и не мечи сразили, —
Что нужды, не равно ли в какой оказаться могиле!

[871]Свое дитя родное отстаивал король,
Но в битве все терпели страдания и боль.
Друзья врагов разили и погибали сами.
Весь берег Вюльпензанда был мертвыми устлан телами.

[872]Но силы напрягали Нормандии сыны,
И были хегелинги неистовства полны.
Датчане показали, как надобно сражаться.
Кто жить хотел на свете, не должен был им попадаться.

[873]Там Ортвин, Морунг пашню костями засевали
И в схватке рукопашной соперников не знали,[106]
Покрыли оба славой себя на поле бранном,
Бесчисленные раны они наносили норманнам.

[871]Л доблестные мавры, как сказывали нам,
Явиться поспешили на выручку друзьям.

На их поддержку Хетель надеялся немало:
От их мечей сквозь шлемы горячая кровь выступала.

875Возможно ль быть храбрее, чем вождь их
Зигфрид был? Он кровью много светлых доспехов обагрил,
Воитель достославный, в тот день он бился люто.
И можно ль быть смелее, чем доблестный Вате и Фруте?

876Все изломали копья – и та и эта рать.
С друзьями вышел Ортвин Кудруну воевать.
В тот день они немало доспехов изрубили.
Сестра его рыдала и слезы все пленницы лили.

877Бойцы весь день сражались, однако рвенье их
Еще не истощалось и натиск не утих.
Тут злую неудачу датчане потерпели,
Когда они Кудруну отбить у норманнов хотели.

578Спускался вечер, солнце окутывала мгла,
Все хуже становились у Хетеля дела.
Норманны осмелели и удержу не знали,
Мечами рапы сея, Кудруну они защищали.

879Шел бой, пока героям не помешала ночь.
А на рассвете снова за Хетелеву дочь,
Себя не посрамляя, и стар и млад сражался,
И тут к вождю норманнов отец королевны прорвался.

XVIII авентюра
Как Людвиг убил Хетеля и ночью уехал оттуда

[880]Противники взметнули клинки над головой,
И каждый убедился, насколько смел другой.
Стяжал победу Людвиг, и Хетель пал на месте,
И разнеслись повсюду об этом печальные вести.

[881]Узнала королевна, что от руки норманна
Окончил жизнь плачевно владелец Мателаны,
В отчаянье рыдала, и девы слезы лили.
Не только что датчане – враги опечалены были.

[882]Узнал об этом Вате и вепрем закричал.
Он, требуя расплаты, удары расточал,
От них зари краснее стальные шлемы рдели,
И всей его дружиной отвага и злость овладели.

[883]Но как поможешь горю, когда король сражен?
Был Игаркой кровью вскоре весь остров обагрен.
О мире хегелинги нимало не радели,
Они вернуть Кудруну в свое королевство хотели.

[884]Герои марки Штурмен шли мстить за короля,
Все тяготы с бойцами из Валейса деля,
Датчане хегелингам, нортландцам помогали,
Все так упорно бились, что много мечей изломали.

[885]Отважный Ортвин рвался отмстить за смерть отца.
Датчанин Хорант, верность хранивший до конца,
Привел к нему на помощь своих людей немало.
День был уж на исходе, и темная ночь наступала.

[886]Герои наносили норманнам много ран.
Тут к Хоранту метнулся какой-то из датчан,
Звеня мечом. Тот воин был принят за норманна,
Нанес в потемках Хорант герою смертельную рану.

[887]Оплакал смелый Хорант собрата боевого, —
По голосу узнал он племянника родного,
И за своим штандартом[107] редеющему строю
Стяг павшего велел он нести из почтенья к герою.

[888]«Нас ждет не бой, а бойня, – возвысил Хервиг глас, —
День кончился, и солнца последний луч угас,
Мы перебьем друг друга, погибнет каждый третий
Из рыцарей, коль битву придется кончать на рассвете».

[889]Везде, где только Вате в сражение вступал,
Противник устрашенный с ним встречи избегал.
Выл гнев его неистов: непобедимый Вате
Туда отправил многих, откуда уж нету возврата.

[890]Пришлось прервать сраженье, пока не рассвело.
В обоих станах много героев полегло
От ран неисцелимых. Луну скрывали тучи.
И упустил победу той ночью воитель могучий.[108]

[891]Не вдруг утихла битва. Уже в глухой ночи
Натруженные руки оставили мечи.
Так близко друг от друга противники стояли,
Что блеск чужих доспехов при свете костров различали.

[892]В сторонку Людвиг с сыном пошли совет держать.
А после начал Людвиг с бойцами толковать:
«Зачем нам ждать рассвета с отважным Вате вместе,
Коль этот рыцарь грозный убить меня хочет из мести?

[893]Вы лучше под покровом наставшей темноты
Прилягте, положивши под головы щиты,
А после зашумите, чтоб враг не догадался.
Что я со всею ратью уйти с Вюльпензанда собрался».

[894]Дружинники покорно исполнили приказ,
И трубы и валторны зарокотали враз,
Как будто всей округой норманны завладели.
Свою большую хитрость король показал в этом деле.

[835]Тут стали девы плакать и громко причитать,
Но им под страхом смерти велели замолчать,
Мол, если кто не сдержит стенаний и рыданья,
Того в волнах утопят без жалости и состраданья.

[896]Сокровища забрали воители с собою,
Оставили убитых лежать на поле боя,
Скорбя о том, что много друзей не досчитались.
И корабли погибших стоять у причала остались.

[897]Так с помощью обмана уплыли ночью в море
Отважные норманны. А девы были в горе,
Что об отъезде тайном от близких умолчали.
А те, беды не чуя, до самой зари почивали.

[898]Ушли далеко в море задолго до денницы
Те, с кем друзья Кудруны надеялись сразиться.
Тут затрубил громово в походный рог свой Вате,
Хотел вести он снова войска и разбить супостата.

[899]Герои хегелинги, кто пеший, кто верхом,
На берег потянулись, чтоб встретиться с врагом
И Людвигу с дружиной отмстить в бою жестоко.
А их и след простыл уж, норманны плыли далеко.

[900]Узрели хегелинги пустые корабли,

Разбросанные платья, лежавшие в пыли,
И множество доспехов. Всё рыцари проспали
PI отомстить норманнам теперь навсегда опоздали,

[901]Узнал об этом Вате. Как был он огорчен,
Что, Людвигом убитый, король не отомщен,
Разбито много шлемов в сражении напрасном,
Еще придется плакать на родине женам прекрасным.

[902]С какой глубокой болью, разгневан и суров,
Отважный Ортвин павших оплакивал бойцов!
Он звал друзей: «В погоню! Мы чести не уроним,
Пока норманны близко, мы их, может статься, догоним».

903 Его призыву Вате был следовать готов,
Но вслушивался Фруте в протяжный шум ветров
И так сказал героям: «Что проку торопиться?
Сочтите: миль на тридцать норманны смогли удалиться.

904 Чтоб нанести урон им погонею своей,
У нас не наберется для этого людей,
Да их и не настигнем, – что толковать об этом!
Так не пренебрегайте, друзья мои, добрым советом,

[905]Вы раненых героев на барки отнесите,
Собрав тела убитых, их с честью погребите
На диком Вюльпензанде. Здесь головы сложили
Так много ваших близких. Нам надо укрыть их в могиле».

[906]Друзья, ломая руки, унынью предались,
Их, горше всякой муки, одна терзала мысль:
Потеряна Кудруна, враги ушли от мести,
С какой Яле к королеве теперь они явятся вестью?

[907]Рек Морунг: «Мы снесли бы и не такую боль,
Но как расскажешь Хильде о том, что пал король?
Плохого дара стоим мы – вестники позора.

Бежал бы я от Хильды, чтоб только не слышать укора».

908Искать повсюду стали они тела бойцов
И часто узнавали средь этих мертвецов
Своих единоверцев. Приказу Вате внемля,
Всех христиан убитых бок о бок сложили на землю.

909Советоваться стали, как дальше поступить.
«Их должно, – молвил Ортвин, – сперва похоронить,
Потом почтить их намять, здесь монастырь построив,
Куда польются вклады от родичей павших героев».

910Сказал на это Вате: «Ты добрый дал совет.
Их лошадей и платье еще продать нам след.
Добро, что здесь осталось от рыцарей убитых,
Пойдет на нужды бедных и горький удел облегчит их».

911Спросил отважный Ирольт: «Укрыть ли нам в могиле
Тела врагов, что столько нам горя причинили,
Иль воронам с волками оставить на съеденье?»
И мудрые сказали: «Их всех предадим погребенью».

912Страда прошла, и время нашлось для похорон.
Погибший смертью храбрых, был Хетель погребен,
И всех других убитых похоронили тоже,
Каким бы ни был род их и цвет их знамен или кожи.

913Особо положили всех мавров, что нашли.
И павших хегелингов отдельно погребли.
В особицу – норманнов. Всяк на своем погосте —
Прах рыцарей крещеных и храбрых язычников кости.

914 И целую неделю, закапывая прах,
Друзья о том радели за совесть, не за страх,
Как вымолить вернее у господа прощенье
Погибшим хегелингам за тяжкие их прегрешенья.

915Все дни по ним читали молитвы и псалмы,
И мертвых отпевали до наступленья тьмы.
Еще нигде на свете по окончанье битвы
Так дивно не служили в церквях, возглашая молитвы.

916Впоследствии монахи могилы опекали,
И триста гуф[109] за ними угодий записали
И монастырь воздвигли. Отцы госпитальеры[110]
На острове являли пример благочестья и веры.

917Те, у кого остались здесь близкие лежать,
Считали долгом лепту в обитель посылать
За упокой усопших. И процветало братство,
Три сотни гуф, не меньше, его составляло богатство.

918Да снидет милость божья на тех, кто там почили,
И тех, кто все заботы погибшим посвятили.
Герои хегелинги, что сохранили жизни,
Меж тем, покинув остров, к своей направлялись отчизне.

XIX авентюра
Как хегелинги вернулись в свою страну

[919]Похоронили столько воители друзей,
Что ни в один из прежних благословенных дней
Домой не приезжали в таком великом горе.
Заплакали в печали прекрасные женщины вскоре.

[920]Отважный рыцарь Ортвин остался жив и цел,
Но к матери любимой явиться не посмел,
Боясь в глаза ей глянуть. А мать его вседневно
Ждала, что хегелинги домой привезут королевну.

[921]С опаской старый Вате поехал в замок к пей;
Другие не решались. Он доблестью своей
Не смог спасти их войско от горя и позора
И чувствовал, что Хильда вернет ему милость
не скоро.

[922]В стране уже узнали, что прибыл старый Вате,
Но люди духом пали, припомнив, что когда-то
Походы завершались веселием и шумом,
Теперь же возвращались герои в молчанье угрюмом.

[923]Сказала Хильда: «Боже, что там произошло?
Вот едут люди Вате, вздыхая тяжело.
Щиты разбиты, кони едва бредут устало.
Где государь остался, я это узнать бы желала».

[924]Недолго ждать ответа пришлось несчастной ей.
Воителям навстречу сбежалась тьма людей,
Желающих услышать о родственниках вести,
И то, что молвил Вате, их так и сразило на месте.

925Сказал он: «Лгать не стану и не могу скрывать я:
Они убиты, ваши друзья, сыны и братья».
В несказанное горе поверг их старый Вате,
От мала до велика все ужасом были объяты.

926«О, горе мне, – сказала супруга короля, —
Укрыла государя могильная земля,
Лишилась я и мужа, и славы безвозвратно,
И дочь моя Кудруна уже не вернется обратно».

927Скорбели всей душою и девы, и мужи,
Внимая неустанным рыданьям госпожи.
От громких ее жалоб звенели своды зала.
«Увы, ликует Хартмут!» – сквозь слезы она простонала.

928«Сударыня, не плачьте, – ей молвил старый Вате, —
Нам слезы не помогут, умершим нет возврата,
Но день придет, и дети убитых возмужают,
Жестокие норманны их месть на себе испытают».

929«Ах, если б дожила я до гибели злодея!
Охотно б отдала я все то, чем я владею,
Лишь только бы дождаться осуществленья мести
И снова оказаться с любимою дочерью вместе».

930Ей молвил старый Вате: «Сударыня, не плачьте,
Всего двенадцать суток на сборы нам назначьте.
Мы снова в наступленье отправимся всем станом,
Врагу дадим сраженье, и плохо придется норманнам.

931Но знайте: так случилось, что, мщение лелея,
У мирных пилигримов взял девять кораблей я,
Теперь нуждой и горем паломники томимы,
Чтоб наш поход удался, суда возвратить им должны мы».

932Хозяйка отвечала, печалясь всей душой:

«Ограбить пилигримов – ведь это грех большой.[111]
Чтоб вымолить прощенье, пускай мои герои
Казною королевской оплатят их протори втрое».

933По слову королевы чужие корабли
Герои к пилигримам обратно отвели
И каждому убытки так щедро возместили,
Что все остались рады и Хагена дочь не хулили.

934А на другое утро приехал в замок к ней
Высокородный Хервиг из вотчины своей.
Вдова, ломая руки, по Хетелю рыдала,
Но юному герою сердечный прием оказала.

935На слезы Хильды глядя, и Хервиг слезы лил,
Хозяйку утешая, он так заговорил:
«Они не все погибли, те, кто помочь вам в силах,
И отомстить готовы норманнам за родичей милых.

936И я не успокоюсь, покуда Хартмут цел.
Князь дорого заплатит за то, что он посмел
Жену мою похитить, нанесть урон дружине,
И я за ним в погоню дойду до норманнской твердыни».

937В унынье пребывали все храбрые мужи,
Однако поспешили к престолу госпожи.
Их в замок призывая, она рекла без гнева:
Кто предан ей, не должен чуждаться своей королевы.

938Пришли отряды фризов и штурменских бойцов,
К датчанам отрядила владычица гонцов,
Приехал смелый Морунг с людьми из марки Валейс,
А следом хегелинги на двор королевы собрались.

939Сын Хильды, юный Ортвин, приехал наконец,
Оплакан был как должно король, его отец.

Вдова совет держала с вассалами своими,
Поход на супостата задуман был заново ими.

940[112]Но молвил слово Фруте: «Нельзя поход начать,
Пока мы грозным войском не будем обладать,
Тогда лишь без опаски мы выступить сумеем
И как бы враг ни…… завладеем».

941«Когда же это будет?» – спросила Хильда их, —
Ведь дочь моя томится у недругов своих,
От матери и близких далеко, на чужбине.
Мне бедной королеве, нет радости в жизни отныне;).

942 Сказал отважный Вате на сетованья эти:
«Пусть вырастут сначала сегодняшние дети,
Тогда сирот мы знатных мечами препояшем.
И за отцов убитых отмстят они недругам нашим».

943Дай бог, – сказала Хильда, – чтоб так оно и сталось,
По только слишком долго мне, горькой, ждать осталось.
Пусть те, кто сострадает мне и Кудруне бедной,
Приблизить помогают срок будущей битвы победной.

944Спасибо за участье. Настал прощанья час.
Я всем желаю счастья, кто думает о нас.
Вы, славные герои, опять ко мне являйтесь
И, времени не тратя, получше в поход снаряжайтесь».

945Км мудро молвил Вате: «Для флота позарез
Нам мачтовый, крепчайший понадобится лес,
А сверх того велите из всех вассальных марок
Доставить вам по сорок больших, много весельных барок».

946«Велю, – она сказала, – построить поскорей
Мне двадцать быстроходных, могучих кораблей,
В поход вооружить их велю, чем только можно.

Они моих героев к норманнам доставят надежно».

947Все начали прощаться, а мавританский князь
Промолвил, к королеве учтиво обратясь:
«Вы только знать мне дайте, когда поход начнется,
Я тотчас к вам прибуду, за мной посылать не придется».

948Хозяйка с храбрецами приветливо простилась,
Хотя глубокой скорбью душа ее томилась;
И гости королеву покинули, печалясь.
Норманны и не знали, о чем они здесь совещались.

949Уехали вассалы, а мудрая жена
На Вюльпензанд послала и хлеба, и вина,
Чтоб все, кто там молились о рыцарях убитых,
И Хильду поминали в своих ежедневных молитвах.

950Велела королева воздвигнуть монастырь
И госпиталь построить, где раньше был пустырь.
Все чтили ту обитель и тех, кто в битве пали,
«Приют на Вюльпензанде» – так все монастырь называли.

XX авентюра
Как Хартмут вернулся домой, в свое королевство

951Простимся с Вюльпензандом и всем, что сталось там,
Монахов предоставим их праведным делам,
Расскажем о норманнах, о Хартмуте надменном
И благородных девах, к несчастью попавшимся в плен им.

952Норманны вышли в море, как я успел сказать,
На поле боя многих оставив умирать.
Те рыцари скончались, от ран кровавых мучась.
Осиротелым детям пришлось их оплакивать участь.

953*с* трудом от Вюльпензанда мужи уплыли прочь,
Но горькая досада их грызла день и ночь:
Стыдился бегства каждый, седой боец и юный,
Хотя их вождь отважный домой возвращался с Кудруной.

954Но вот уж показалась родимая земля,
Чей берег мореходы узнали с корабля.
Один из них воскликнул: «Отчизну видит око,
До замков королевских теперь уже плыть недалеко».

955Им ветры помогали и мчали корабли.
Нарадоваться вдоволь герои не могли,
Что скоро будут вместе с домашними своими.
Ведь дома их родные уже не считали живыми.

956Высокородный Людвиг те замки увидал.
«Сударыня, утешьтесь, – он пленнице сказал, —
Вы видите ли замки? То наш удел исконный,
Здесь все богатства – ваши, коль будете к нам

благосклонны».

957Печально отвечала красавица врагу:
«К кому же благосклонной я ныне быть могу,
Сама лишившись блага, и, думаю, навеки?
Мне плакать надо, благо еще не закрылися веки».

958«Печаль свою уймите, – сказал король в ответ, —
И Хартмута любите, вот добрый вам совет.
Мы всем, что в нашей власти, вас с радостью одарим,
Сулит и честь, и счастье вам брак с молодым государем».

959Прекрасная девица сказала: «Знайте впредь:
Чем с Хартмутом слюбиться, мне лучше умереть.
Будь он по родословной мне ровней, – и тогда бы
С ним близости любовной я гибель свою предпочла бы».

960Король, исполнясь гнева, – недаром был он горд! —
Взял за волосы деву, швырнул ее за борт.
Но отвратил несчастье князь Хартмут благородный,
Он спас ее из пасти глубокой пучины холодной.

961Она уже тонула, и ей конец грозил,
Но за льняные косы князь деву ухватил
Обеими руками и вытащил. Поверьте,
Иначе он не смог бы спасти королевну от смерти.

962Он внес ее на барку. Отец его упрямый
Мог круто обходиться с любой прекрасной дамой.
Ах, как скребло на сердце у королевской дочки!
Она сидела в той же, в воде побывавшей, сорочке.

963Все девушки рыдали от состраданья к ней,
И не было печали у пленниц тяжелей,
Чем видеть, как жестоко карают королевну,
И думать: «Наша участь тем более будет плачевна».

[604]Князь молвил: «Для чего вам жену мою топить?
О, если б не отец мой так вздумал поступить,
А рыцарь посторонний, он жизнью б поплатился
И вместе с нею чести, достойной героя, лишился».

[965]На это молвил Людвиг: «Узнай же, милый сын,
Никем не посрамленный, я дожил до седин,
Хочу я жить со славой и с ней сойти в могилу.
Вели, чтоб мне Кудруна за эту обиду не мстила».

[966]А верные посланцы отправились уже
С поклоном и приветом к Герлинде-госпоже,
Сказать, чтоб та встречала почтительного сына,
Как будет у причала его боевая дружина.

[967]Велел сказать ей Хартмут, что дева едет с ним.
Еще ее не видя, он страстью был томим,
И сердце по невесте заране изнывало.
Приятнее известия Герлинда вовек не слыхала.

[968]Сказал посол достойный: «Сударыня, вам след
Спуститься вниз из замка, чтоб слышала привет
Из ваших уст Кудруна. Утешьте ее в горе,
И ваша дочь Ортруна пусть тоже отправится к морю.

[969]Пускай поедут с вами красавицу встречать
И дамы, и девицы, и рыцарская знать.
Когда на чуждый берег сойдет она с опаской,
Пусть все к ней обратятся с сердечным приветом и лаской».

[970]«Все выполню охотно, – сказала госпожа, —
Грядущим счастьем сына с Кудруной дорожа,
Я радоваться буду, коль к нам она прибудет
И Хартмут подле милой былую печаль позабудет».

971Велела королева готовить лошадей,
Взять седла побогаче, попоны попышней.
Ортруну веселило, что к ним Кудруна едет,
Чья прелесть всех пленила, кем брат ее издавна бредит.

972Красивейшие платья, уборы извлекли,
Что в кованых укладках доселе берегли,
Заботливо одели всех княжеских придворных,
Они пошли из замка в богатых нарядах узорных.

973На третьи сутки утром все жены и мужи
Из свиты королевы и юной госпожи
Уже готовы были к приему знатной дамы
И, в замке не промешкав, отправились к гавани прямо.

974А рыцари в то время к Нормандии приплыли
И в гавани добычу богатую сложили.
Они домой вернулись, и весело им было.
И лишь у знатных пленниц от горести сердце щемило.

975Вел на берег Кудруну отважный Хартмут-князь.
Она без этой чести охотно б обошлась,
Да только не посмела отталкивать норманна,
А он готов был милой во всем угождать непрестанно.

976Ступали следом девы – их было шестьдесят.
Им почести пристали. Как люди говорят,
Их славили доселе во многих странах дальних,
А ныне все веселье покинуло пленниц печальных.

977Меж двух вассалов знатных сестра героя шла.
Сердечно дочку Хильды Ортруна приняла,
Тогда Кудруна, плача, княжну поцеловала,
Взяв за руки Кудруну, Ортруна ее утешала.

978Хотела королева ее коснуться губ,

Но поцелуй Герлинды Кудруне был не люб,
Она сказала: «Полно! Не надо приближаться,
Вам, госпожа Герлинда, не вместно со мной целоваться.

979Ведь вашим наущеньем я ввергнута была
В пучину стольких бедствий, терпела столько зла
И жду еще немало себе обид и сраму».
Хотела королева задобрить прекрасную даму

980 И каждую из пленниц приветила сама.
А на песчаный берег людей сбежалась тьма.
Уже шатры разбили для Хартмута с бойцами,
И полсти укрепили крученого шелка шнурами.

981Прилежно разгружали норманны корабли,
Покуда всех сокровищ на берег не снесли.
В их стане находиться для девы было казнью,
Она одну Ортруну дарила своей приязнью.

982Всего дурного, злого чуждалася княжна
И с бедною Кудруной всегда была нежна,
В обиду не давала Ортруна королевну.
Но пленница о близких скорбела душою вседневно.

983Весь день им предстояло у пристани пробыть,
И не переставала Кудруна слезы лить,
Они с ресниц на щеки катились неустанно,
И были бесполезны ей все утешенья норманна.

984И рыцари, и слуги в отечестве своем
Встречали – и по праву – восторженный прием,
Домашние добычу их радостно считали.
Ведь так еще недавно их все за убитых считали!

955Расставшись с бурным морем, отважные бойцы
Спешили разлететься в различные концы

Владений королевских. И вот в часы разлуки
Иные веселились, а кто-то испытывал муки.

983Из гавани и Хартмут уехал вскоре прочь,
Увез в высокий замок он Хетелеву дочь.
Оставшись против воли надолго в заточенье,
И страху натерпелась, и вынесла дева мученья.

987Покуда оставалась Кудруна в замке жить,
Князь прочил ей корону и всем велел служить
Почтительно и верно своей прекрасной даме.
За это обещал он их всех осчастливить дарами.

988 И молвила Герлинда, его седая мать:
«Когда же королевне захочется обнять
Князь Хартмута любовно лилейными руками?
Он ей под стать, и вскоре покажется по сердцу даме».

989Услышав это, дева ей отвечала так:
«Вам, госпожа Герлинда, противен был бы брак
С тем, кто лишил вас близких, отправив их в могилу,
Как вас ни принуждали б, служить ему вам бы претило».

990На это проронила Герлинда: «Ну так что ж,
Что было, то и было, обратно не вернешь,
Предай его забвенью, смирись, люби героя,
Тебя вознагражу я, ручаюсь своей головой я.

991Коль чести тебе мало – возьми мою корону».
Несчастная сказала: «Нет, я ее не трону.
И вы богатством князя меня не соблазняйте,
Я рвусь уйти отсюда, душой не смирюсь, так и знайте».

992Когда хозяин юный об этом услыхал,
Разгневанный Кудруной, он матери сказал:
«Коль дама отвергает меня в своей гордыне,

Пускай не ожидает и милостей наших отныне».

993Тогда Герлинда злая нашлась ему сказать:
«Ребенка надо мудро на разум наставлять.
Отдайте, сударь Хартмут, мне дурочку в науку,
И спесь она умерит, почувствовав твердую руку».

994Он молвил: «Я согласен, вы деву наставляйте,
Ее и вашей чести ничем не унижайте.
Ведь дева сиротою осталась одинокой.
Учить ее – учите, но только не будьте жестокой».

995 И прежде чем уехать, Герлинде под начало
Князь отдал королевну, как та ни горевала.
Не шла ей впрок наука: Кудруна не смирилась,
Покладистой не стала, как злая Герлинда ни билась.

996Тут вздумала волчица красавице грозить:
«Не хочешь веселиться, так слезы будешь лить.
Ну, кто тебя избавит? Ты белыми руками
Топить мне будешь печку, сама в ней поддерживать пламя».

997Промолвила Кудруна в ответ на злое слово:
«Все ваши приказанья я выполнить готова,
Покуда не избавлюсь от бед господней силой,
Хоть печек не топило дитя моей матери милой».

998«Научишься, – сказала ей дьяволица гневно, —
Всему, чего не знают другие королевны.
В твое высокомерье я горя подмешаю,
Не далее как завтра тебя твоей свиты лишаю.

999Мнишь о себе высоко, я это не люблю,
Тебе работы черной по горло навалю.
За норов твой строптивый должна ты поплатиться,
Занятий благородных и радостей знати лишиться».

[1000] И гневная Герлинда ушла от девы прочь
И Хартмуту сказала: «Знать Хетелева дочь
Безмерно презирает тебя и в самом деле.
Мне тошно это слышать. Глаза б на нее не глядели!»

[1001]Сказал Герлинде Хартмут: «Хотя дитя строптиво,
Воспитывать должны вы Кудруну терпеливо,
Тогда я благодарен вам буду за науку.
Ведь я ее обидел, доставил ей тяжкую муку».

[1002]Сказала королева: «Ее по шерсти гладишь, —
Упрямится и только! Нет, лаской с ней не сладишь.
Тебе по доброй воле она женой не будет,
Строптивицу такую лишь плеть к послушанью принудит».

[1003]Сказал на это Хартмут, воитель достославный;
«Сударыня, не будьте суровы к своенравной,
В угоду мне должны вы с ней кротко обходиться,
Чтоб мне се приязни теперь навсегда не лишиться».

[1004]И дьяволица злая пошла от сына гневно
К прислужницам пригожим несчастной королевны,
Сказала: «Вы, девицы, возьмитесь за урок
И все, что прикажу я, исполните в заданный срок».

[1005]Герлинда рассадила всех девушек поврозь,
Надолго разлучиться красавицам пришлось.
Им, к почестям привыкшим, удел достался жалкий,
Былые герцогини все дни проводили за прялкой.

[1006]К забавам благородным привыкшие с пелен,
Сучили девы пряжу, расчесывали лен,
Не золотом по шелку, как прежде, вышивали,
А горько втихомолку за грубой работой рыдали.

1007Красавице, достойной собой украсить двор, —
Она звалась Хергардой – поручен был надзор
За теми, что носили в покой Ортруны воду.
Не шло на пользу девам, что вышли из знатного роду.

1008Одна из них отчизной Галисию звала, [113]
Но в детстве, но несчастью, похищена была
У храбрых португальцев; подругой Хильды стала,
А с Хагеновой дочкой в страну хегелингов попала.

1009 Владетельного князя родная дочь, она
Служить придворным дамам была принуждена,
Для них топила баню лилейными руками,
Но ласки не снискала, бедняжка, своими трудами.

1000Диковину об этом я должен рассказать:
Ничтожная норманнка могла ей приказать,
Л деве полагалось приказ исполнить строго.
Здесь от родни высокой ей прибыли было не много.

1010Постыдная работа, мученья и невзгоды —
Четыре с половиной все это длилось года.
Князь Хартмут три похода свершил за это время,
Домой пришел, а девы все так же несли свое бремя.

1012Велел ему невесту князь Хартмут показать.
По виду знатной дамы мог каждый угадать,
Как плохо ее кормят, как мучат. Бог свидетель.
Так мстили королевне за то, что блюла добродетель.

1013И молвил Хартмут юный, когда она пришла:
«Прекрасная Кудруна, скажи, как ты жила,
Пока я был в отлучке». Она заговорила:
«Вам грех, а мне бесчестье, – так я в вашем доме служила».

1014Тогда воскликнул Хартмут: «Возлюбленная мать,

Герлинда, как могли вы так с девой поступать!
Я вверил вам опеку над бедной сиротою,
Чтоб вы ее страданья смягчили своей добротою».

1015Ответила волчица: «Ну, как еще добрей
Быть к дочке хегелинга? Знай: мне не сладить с ней,
Ведь, как я ни просила, чем только не грозила,
Она тебя хулила, отца твоего поносила».

1016Па это молвил Хартмут: «В ней горе говорит.
Друзья Кудруны пали, цвет рыцарства убит;
Сразил отец мой в битве отца ее родного,
И деву тяжко ранит любое жестокое слово».

1017«Поистине, – Герлинда промолвила в ответ, —
Хотя бы угождали мы деве тридцать лет.
Ее не уломаешь возлечь с тобой на ложе;
Тут надобится плеткой упрямицу высечь построже.

1018Но я вперед согласна с ней мягче поступать», —
Закончила Герлинда. Не мог воитель знать,
Что станет еще жестче ее надзор обычный.
И не было на свете, кто мог бы помочь горемычной.

1019Пошла Герлинда снова и пленницу нашла,
И вот что, слово в слово, она произнесла:
«Не вздумаешь смириться, не станет сын мой весел,
Так косами своими мне пыль вытирать будешь с кресел.

1020Мои покои будешь мести на дню три раза
И печь топить». – «Охотно послушаюсь приказа.
Все выполнить готова, что делает прислуга,
Чем мне ласкать другого заместо сердечного друга».

1021И дева покорилась ее веленьям всем,
И с радостью трудилась, не брезгуя ничем.

Семь лет прошли в работе, тяжелой, целодневной.
В плену с ней обращались не так, как должны с королевной.

1022Девятый год неволи неспешно подходил.
Князь Хартмут – он был мудрым – в ту пору рассудил:
Позор, что он короной доселе не венчался,
Тогда как государем всего королевства он звался.[114]

1023 Князь в замок из похода с дружиной прискакал,
Где в битве честь и славу отвагою снискал,
И мнил, что он добьется теперь благоволенья
Красавицы, которой из всех отдавал предпочтенье.

1024Усевшись в кресла, Хартмут велел ее позвать.
Отрепья заставляла Кудруну надевать
Злодейка королева, и дева в них предстала.
Но, что ни делал Хартмут, она свою честь охраняла.

1025Друзья к нему явились и подали совет:
Понравится ли это Герлинде или нет,
Пусть девой овладеет их князь любой ценою.
Он счастьем насладится с такою прекрасной женою.

1026Пошел он к ней в каморку, совету близких вняв,
Взял за руку Кудруну, почтительно сказав:
«Владетельная дева, прошу меня любить.
Зовитесь королевой, вам рыцари будут служить».

1027Красавица сказала, достоинство храня:
«Жестокая Герлинда так мучила меня,
Что в рыцарской любови я счастья не предвижу,
А вас и ваших присных всем сердцем теперь ненавижу».

1028«Мне горько это слышать, – сказал герой в ответ, —
Хотел бы я исправить вам причиненный вред
Для нашей общей чести, служеньем без обману».

Кудруна отвечала: «Я вашей вовеки не стану».

[029]Повел он уговоры уже на новый лад:
«Вы знаете, Кудруна, что мне принадлежат
Здесь города и веси, и подданные тоже.
Ну кто меня повесит, коль я к вам возлягу на ложе?[115]»

[1030]Она в ответ: «Я это злодейством назову,
Какого не знавала, покуда я живу.
Ведь все князья другие сказали бы с издевкой,
Что Хагенова внучка в Нормандии сделалась девкой»,

[1031]Он молвил: «Что за дело мне до чужих речей,
Коль вы меня любили б за это горячей?
Когда я коронуюсь, вы – королевой будьте».
«Об этом, сударь Хартмут, – сказала Кудруна, – забудьте.

[1032]Ведь вам известно, сударь, как дело обстоит
И сколько причинили мне горя и обид,
Когда меня схватили, угнали на чужбину,
Вы насмерть уложили отца боевую дружину.

[1033]Вы знаете, доселе душа о том болит,
Что мой отец был вашим безжалостно убит.
Будь рыцарь я, меня бы он должен опасаться.
Зачем же спать мне с вами? Зачем вам меня домогаться?

[1034]Обычай достославный идет из рода в род,
Что рыцарь благородный жену себе берет
По склонности взаимной», – так дева отвечала.
Отца воспоминая, глубоко она горевала.

[1035]А Хартмут молвил гневно: «Теперь мне дела нету,
Пусть даже, королевна, вас тут сживут со свету,
Коль вы со мной венчаться короною не рады,
Что сеете, – пожнете, дождетесь желанной награды».

[1036]«Награду заслужу я, как делала уже,
Служа придворным дамам и грозной госпоже,
И княжеской дружине, печалуясь о многом
С тех пор, как на чужбине живу я, забытая богом».

[1037]Пригожую Ортруну, воителя сестру,
Задабривать Кудруну послали ко двору,
Чтоб ласковая дева и все ее подруги
Кудруну упросили взять юного князя в супруги.

[1038]Ей брат сказал открыто: «В награду вам, сестра,
Не пожалею злата и всякого добра,
А вы мне помогите, чтоб только королевна
Свою печаль забыла и так не скорбела душевно».

[1039]Ответила сестрица: «Ну так тому и быть,
Я и мои девицы согласны ей служить,
Все силы приложу я, Кудруне угождая,
Главу пред ней склоню я, как будто ее крепостная».

[1040]Благодарила дева княжну за доброту:
«За то, что вы хотите увидеть сироту
На троне вместе с князем, я отслужу вам верно,
Но только изнываю я здесь на чужбине безмерно».

XXI авентюра
Как Кудруна должна была стирать

[1041]Отвергла королевна корону, и ее
Стирать с утра до ночи заставили белье,
Но после поплатились все, кто ее терзал.
И с Хервигом сраженье норманнский король проиграл.

[1042]Сначала приказали прекрасной деве встать,
Отправиться к Ортруне и с нею отдыхать,
Весельем наслаждаться, пить доброе вино.
Но знатная девица все также твердила одно:

[1043]«Не надо мне короны. Ведь вам известно, князь,
Я быть женой законной другому поклялась,
Меня с ним обручили родные и вельможи.
И если он погибнет, ни с кем я не лягу на ложе».

[1044]А князь сказал: «Поверьте, вам не о чем тужить.
Никто нас, кроме смерти, не сможет разлучить,
Так мирно пребывайте с моей сестрою вместе,
Ортруна вас утешит, я вам обещаю по чести».

[1045]Он льстил себя надеждой, что нрав ее смягчится,
Ведь всем, чем только можно, поделится сестрица
С несчастной полонянкой. Брат и сестра мечтали,
Что дева перестанет теперь предаваться печали.

[1046]Княжна все дни сидела с Кудруной, и она
Лицом порозовела от доброго вина
И кушаний отборных. Но можете поверить,
Ни за какие блага она не могла лицемерить.

[1047]Когда герой учтиво склонялся перед ней,

Отраднее на сердце не становилось ей,
О тяжком плене дума красавицу терзала,
И боль свою угрюмо в упреках она вымещала.

[1048] Так это продолжалось, покуда, осердясь,
«Прекрасная Кудруна, – ей не промолвил князь, —
Я Хервига не ниже, с кем сблизиться вы мните
Себе великой честью, а вы меня тяжко казните.

[1049]Для нас обоих лучше вам так не поступать.
Когда вас обижают, мне больно это знать,
Я сам безмерно стражду, обидой уязвленный.
Хоть вы меня отвергли, я вас увенчал бы короной».

[1050]И князь пошел к дружине, окончив эту речь.
Велел героям земли и честь его беречь.
«Меня, – размыслил Хартмут, – так сильно ненавидят,
Что, видно, много горя от этого в будущем выйдет».

[1051]И стала королевной Герлинда помыкать,
Служить ее вседневно заставила опять.
Не с дамами в светлице, как это ей пристало,
С прислугой на задворках Кудруна теперь пребывала.

[1052]Куражилась волчица над знатной полонянкой:
«Хочу, чтоб дочка Хильды была моей служанкой,
Себя непобедимой гордячка возомнила,
Так пусть она послужит, как прежде еще не служила».

[1053]Сказала злой Герлинде прекрасной Хильды дочь:
«Я вам служить усердно готова день и ночь,
Все выполню охотно, что будет мне но силам,
Покуда разлучает нас злая судьба с моим милым».

[1054]А старая волчица сказала: «Ты мое
Носить на берег будешь и там стирать белье,

И будешь безотказно стирать всей свите платья,
Смотри, чтоб только праздной тебя не сумела застать я».

1055«Владычица, – Кудруна осмелилась сказать, —
Пускай меня научат, как надобно стирать,
Чтоб в вёдро и в ненастье могла стирать я платья.
Коль нет мне в жизни счастья, так горше хочу пострадать я.

1056Я вовсе не гордячка и выучусь стирать,
Велите вашей прачке мне это преподать,
И хлеб свой отслужу я, работая вседневно
Без всякого отказа». Разумна была королевна.

1057Герлинда приказала служанке платья взять,
Идти с Кудруной к морю, учить ее стирать,
И тяжко королевна с тех пор работать стала.
Никто не заступался, Герлинда ее истязала.

1058Учили близко замка Кудруну мыть белье,
И стала полонянка стирать белым-бело,
Всех лучше в Норман дине. Подругам было тяжко
Глядеть на то, как ныне у моря стирает
бедняжка.

1059В плену, служа Кудруне, красавица жила,
И тоже королевной та пленница была.
Ее судьба Кудруны всех больше удручала,
Когда глядели девы, как дочь государя' стирала.

1060 И верная подруга возвысила свой глас,
Сказала Хильдебурга: «Услышь, о боже, нас!
Всех, кто увез Кудруну, пусть небо покарает,
Владетельная дама сама их одежду стирает».

1061Герлинда, слыша это, распорядилась зло:
«Не хочешь, чтоб Кудруна трудилась тяжело,

Так за свою хозяйку сама ты поработай».
Сказала Хильдебурга: «Я сделаю это с охотой.

[1062]Прошу вас богом, деву одну не оставлять,
Ведь королевской крови ее отец и мать.
И мой отец был князем, но я стирать сумею.
Чтоб ни было, позвольте мне службу нести вместе с нею.

[1053]Мне жаль ее, хоть тяжко и мне свой крест нести.
Господнем изволеньем жила она в чести,
И предки ее были всех королей богаче.
Служить ей здесь негоже, и я помогу ей тем паче».

[1064]Рекла Герлинда злая: «Но будешь ты страдать
И по снегу босая зимой пойдешь стирать,
Когда бушует ветер, и будет так хотеться
В натопленной светлице у печки с подругами греться».

[1065]С трудом дождалась дева, пока закат настал,
Тот вечер утешенье Кудруне даровал.
Пришла к ней Хильдебурга, и обе королевны
Свою тоску и горе друг другу излили душевно.

[1066]Рыдая, Хильдебурга. промолвила тогда:
«Печалит несказанно меня твоя беда.
Я милость у чертовки сегодня испросила.
Она стирать одежду мне вместе с тобой разрешила».

[1067]Бедняжка отвечала: «Воздай тебе Христос
За то, что пролила ты со много столько слез.
Коль мы стирать на море вдвоем с тобою станем,
Так скрасим наше горе и, верно, душою воспрянем».

[1065] И было Хильдебурге стирать разрешено
С несчастной, чью отраду похитили давно
И радостей лишили. А стирки полонянкам

Давали много больше, чем всем королевским служанкам.

1069Когда у прочих пленниц, случалось, был досуг,
Кудруна с Хнльдебургой не покладали рук,
И плакали слезами подруги, их жалея,
Хоть и трудились сами, да так, что нельзя тяжелее.

1070И мука эта длилась – здесь измышленья нет! —
Стирать им приходилось шесть с половиной лет,
На море мыть одежды всей княжеской дружине.
Без проблеска надежды им тяжко жилось на чужбине.

XXII авентюра
Как Хильда отправила войско за дочерью

1071Оставим же Кудруну с прислужницей ее
Стирать мужам и женам в Нормандии белье.
Пора сказать, что Хильда, горюя непрестанно,
Одно в уме держала, как дочку спасти от норманна.

1072Велела королева, чтоб выстроили ей[116]
Семь самых быстроходных и прочных кораблей
И двадцать с лишним барок, так снарядив их к бою,
Чтоб все, что только нужно, у рыцарей было с собою.

1073Галеры дополняли сооруженный флот,
Их было сорок. Хильда, задумавши поход,
Ждала прихода войска и пищу запасала,
Своих героев щедро за службу она награждала.

1074Но вот настало время, ей сделалось невмочь
Нести разлуки бремя, покуда ее дочь
В чужой стране так много трудилась и страдала.
Владычица в дорогу гонцов отрядить приказала.

1075Тогда стояла стужа, был праздник Рождества,
День мщения за мужа назначила вдова,
И всех, кто был с ней связан родством, и правом лена,
Спасти она просила любимую дочку из плена.

1076Был самым первым Хервиг об этом извещен.
Владычица сказала: «Пускай припомнит он,
Как некогда с друзьями за тех отмстить поклялся,
Кто, здесь сирот оставив, в земле Вюльпензанда остался».

[1077]Поехали посланцы и Хервига нашли.
Знал рыцарь благородный, зачем они пришли,
Гонцов едва завидя, он вышел к ним навстречу,
Приветствовал сердечно. И вот что гласили их речи:

[1078]«Вам, государь, известно, как дело обстоит,
И ваша память клятву о мщении хранит.
На вашу помощь Хильда надежду возлагает,
Ведь участь королевны вас более всех удручает».

[1079]Король сказал: «Я знаю, как дело обстоит.
Похищена Кудруна, отец ее убит,
Взял Хартмут дерзновенно мою супругу в плен
За то, что я был избран, а Хартмут был ею
презрен.

[1080]Свидетельствуйте Хильде, что мы служить ей рады,
Что не дождется Хартмут прощенья и пощады,
За то что он Кудруну держал в плену столь долгом.
Я это почитаю не чьим-то, а собственным долгом.

[1081]Скажите королеве, что, с Рождества считая,
И месяца не минет, как приведу войска я,
Три тысячи героев, ее покорных воле».
На том гонцы простились, он их не задерживал боле.

[1082]И Хервиг к битве правой все мысли устремил,
А с ним и те, кто славой себя не раз покрыл.
Он снарядил их к бою и в путь велел собраться.
Суровою зимою им всем предстояло сражаться.

[1083]Прекрасной Хильде помощь друзей была нужна,
Своих гонцов к датчанам отправила она,
Чтоб все, кто ей служили, не выжидали боле,
А вызволить спешили Кудруну из тяжкой неволи.

1084Взывала Хильда: «Други, нельзя терять ни дня.
Пусть памятует Хорант: он Хетелю родня,
И пусть на помощь деве идет со всею ратью,
Скорей умрет Кудруна, чем Хартмута примет в объятья».

1085Рёк Хорант: «Передайте владычице с поклоном:
Недолго остается печаловаться женам,
Мои герои скоро на двор ее прискачут,
И сыновья норманнов от нас еще горько заплачут.

1086Еще, гонцы, скажите вы нашей королеве,
Что я приду охотно на помощь пленной деве,
Что нового похода теперь всем сердцем жду я,
И ровно десять тысяч отважных датчан приведу я».

1037Посланцы попрощались, коней не расседлав.
Их путь лежал на Валегс, и тамошний маркграф,[117]
Неустрашимый Морунг, вельможа именитый,
Гонцов сердечно принял со всей своей доблестной свитой.

1088«Я с радостью приеду, – герой промолвил им, —
Чтоб праздновать победу. Прошло тринадцать зим,
Как с Хартмутом сразиться мы клятвой обещали,
Когда его норманны Кудруну в неволю угнали»,

1089Распорядился Морунг гольштинцам[118] передать,
Что Хильда повелела приверженцев созвать
В поход на супостата. О новости столь важной
Был извещен гонцами и Фруте, датчанин отважный.

1090[119] Сказал посланцам Ирольт: «Войска свои отсель
Доставлю к хегелингам я через семь недель
И с радостью исполню владычицы веленье,
Что там бы нас ни ждало в пути и на поле сраженья».

[1091]Помочь прекрасной Хильде и Вате был готов,
Хотя не посылала она к нему гонцов,
Правитель марки Штурмен по своему почину
Спешил, как только можно, собрать боевую дружину.

[1092] И рыцари собрались, чтоб выступить в поход;
Его родня и слуги, а счетом – десять сот.
Во всем вооруженье их не было изъяна,
И Вате собирался преследовать с ними норманна.

[1093]Меж пленниц, изнывавших в неволе много лет,
Лишь госпожа Хергарда не знала горьких бед,
Стать властной герцогиней красавица стремилась,
И с королевским кравчим она из корысти слюбилась.

[1094]Дочь Хильды, зная это, немало слез лила.
Впоследствии Хергарда наказана была
За то, что с ней лишенья делить не пожелала.
Но что с Хергардой сталось, Кудруну заботило мало.

[1095]Все подданные Хильды готовились в поход,
А дела накопились у них невпроворот.
Тогда ее вельможи совет разумный дали,
Чтоб рыцарей надежных за братом Кудруны послали.

[1096]Посланцы поскакали, на север устремясь.
Охотой соколиной был занят юный князь
Со слугами в долине реки большой и плавной.
Там много птиц водилось, а Ортвин охотник был славный.

[1097]Заметил он посланцев и вымолвил тогда:
«Я вижу, верховые торопятся сюда,
Их наша королева сюда послала. Видно,
Ей мнится, что забыли мы здесь о походе постыдно».

[1098]Он соколов оставил под облаком летать

И всадников отважных отправился встречать.
А встретив их приветом, исполнился печали:
Что мать его льет слезы, посланцы ему рассказали.

1099Вначале гости стали герою говорить,
Что с радостью готовы во всем ему служить,[120]
Потом спросили, скоро ль он выступит с дружиной.
Пора идти к норманнам и долг уплатить им старинный.

1100«Ты истину глаголишь, – послу ответил князь, —
А я тебе одно лишь отвечу, не таясь:
Со мною двадцать тысяч пойдут на подвиг ратный,
Хотя бы из похода никто не вернулся обратно».

1100 И вот пора настала, сошлись со всех концов
Бойцы, за кем послала владычица гонцов,
Служить прекрасной Хильде они считали честью,
Их тысячи явились, чтоб ехать в Нормандию вместе.

1102Неустрашимый Морунг доставил свой отряд
Из Валейса на барках – их было шестьдесят —
Широких, крутобоких, людьми настолько полных,
Как только позволяло им странствие в пенистых волнах.

1103Нортландцы снарядили большие корабли.
И кони, и доспехи, что рыцари везли, —
Щиты, кольчуги, шлемы – внушали восхищенье.
Как рыцарям пристало, блистало их вооруженье.

1104Щиты пересчитали, чтоб ведать точный счет
Бойцов, что за Кудруной отважно шли в. поход,
Умеющих ударом из Шлемов искры высечь.
Всех наградила Хильда, а было их семьдесят тысяч.

1105И кто бы ни явился к хозяйке на порог,
Ее гостеприимством он пользоваться мог,

Навстречу выходила владычица учтиво
И рыцарей дарила одеждой богатой на диво.

У Хильды наготове стояли корабли.
Отплыть хотя бы завтра воители могли,
Но в море королева друзей не отпускала,
И все-то ей казалось: припасов у них не хватало.

Хоть было у героев оружие – и много, —
Им Хильда приказала забрать еще в дорогу
Пятьсот надежных шлемов, пятьсот мечей блестящих
И панцирей не меньше для подвигов им предстоящих,

Из шелка были свиты крученые канаты,
Широкие ветрила украшены богато
На всех судах, что в море к норманнам уходили
И рыцарей отважных в далекий поход увозили.

Отнюдь не из железа там были якоря,
Из колокольной смеси их сделали не зря,
А скрепы все из сплава испанского отлили,
Чтоб грозные магниты в пути кораблям не вредили.

Дала хозяйка Вате с его бойцами в дар
Чеканные браслеты, сверкавшие как жар.
И рыцари за это ей ревностно служили,
Немало их, сражаясь, в Нормандии жизнь положили.

К датчанам обратилась владычица умильно:
«За то, что проливали вы кровь свою обильно,
Я щедро награжу вас. А вы на бой идите
За нашим знаменосцем. С ним Хартмута вы победите».

Бойцы спросили: «Кто же со знаменем пойдет?»
Она сказала: «Хорант вас в битву поведет.
Мать Хоранта и Хетель – родные брат с сестрою,

Так вы его держитесь, во всем доверяйтесь герою.

1113Еще не забывайте вы сына моего,
Придет нужда, спасайте от недругов его.
Ему – он так отважен! – лишь двадцать лет сравнялось,
Так будьте же па страже, чтоб я за него не боялась».

1116Все дружно обещали присматривать за ним,
Чтоб он из дальней дали вернулся невредим,
Пусть только поступает согласно их совету.
И юноша отважный не стал обижаться на это.

1115А слуги груз на пристань тащили и возили,
Всего не перескажешь, что в барки погрузили.
Уж нетерпенье битвы воителей томило.
Сопутствовать героям Христа королева просила.

1116С войсками отъезжали те, чьих отцов убили,
Они свое сиротство норманнам не простили.
У многих женщин слезы катились по ланитам:
Кто ведает, как скоро господь их детей возвратит им!

1117И душу надрывали героям их рыданья.
Бойцы не пожелали затягивать прощанья,
Противясь грустным думам, на корабли все сели
С веселием и шумом и громкую песню запели.

1118Уже их флот отчалил, а много знатных жен
В тревоге и печали стояли у окон,
Глядели неустанно, увидеть милых силясь,
Когда от Мателаны воители в путь устремились.

1119Благоприятный ветер послали небеса,
Поскрипывали мачты, надулись паруса.
Все думали вернуться из плаванья со славой,
Она далась им в руки, но бой предстоял им

кровавый.

1120Ие знаю, что случилось с людьми в дороге длинной.
Известно лишь, что Зигфрид, владевший Караднной,
Спешил навстречу войску, чтоб с ним соединиться,
Сто сот бойцов отважных он вел от союзной границы.

1121Король был принят с честью. Две дюжины ладей
Под стягом мавританским везли его людей
И столько всякой снеди, что двадцать лет кормиться
Могли его герои, желавшие с Хартмутом биться.

1122Пристали к Вюльпензанду, где шел когда-то бои
Защитников Кудруны с противников ордой,
Где монастырь воздвигли живые в память павших,
Куда текли даянья от многих, его посещавших.

1123В ограду поспешили от пристани герои,
Отцовские могилы увидели с тоскою,
И если бы норманны теперь столкнулись с ними,
Враги бы уж не вышли из рук хегелингов живыми.

1124От острова отплыли так скоро, как могли,
Однако угодили в ловушку корабли,
Откуда уж, казалось, нет рыцарям возврата.
Что тут могли поделать их кормчие Фруте и Вате?

1125Поднялся ветер южный, их в море отнесло,
И лучших мореходов отчаянье взяло,
Все сетовали горько и слезы проливали.
Здесь тысячью канатов они бы до дна не достали.

1126Перед горою Гиверс[121] встал королевский флот.
В дугу согнулись мачты, и все пошло вразброд.
Как ни надежно были все якоря отлиты,
Их сразу в море Мрачном к себе потянули магниты.

[1127]Рыдали люди. Вате кренился, говоря:
«В бездонную пучину бросайте якоря.
Есть много мест, признаться, на всей земле господней.
Где мирно оставаться я сам предпочел бы сегодня.

[1128]От родины далеко мы с вами забрели,
В воде стоячей моря застряли корабли.
Но есть морская сказка, и я запомнил с детства,
Что здесь, в горе магнитной, большое лежит королевство.

[1123]Страна богата, много у жителей добра,
Там, в глубине подводной, песок из серебра,
Из слитков замки строят. Там бедности не знают
И злато в самородках простыми камнями считают.

[1130]Все чудеса от бога. Предание гласит.
Что тот, кого притянет к горе ее магнит,
Другого ветра должен у Гиверса дождаться:
Он столь обогатится, что век свой не будет нуждаться.

[1131]Так подкрепимся пищей, и если повезет,
То золото и лалы дружина повезет,
Наполним корабли мы каменьями до края,
И дома заживем мы, заботы и горя не зная».

[1132]На это молвил Фруте: «Пока не принесло
Безветрие морское нам пагубу и зло,
Сто раз готов проклясть я все золото и лалы,
Чтоб только добрым ветром от Гиверса нас отогнало».

[1133]И богу христиане молитву вознесли.
Четыре дня стояли недвижно корабли,
А может быть, и доле. Все начали бояться,
Что в этом гиблом море им так и придется остаться.

1134По божьему веленью рассеялся туман.
Пришли в движенье волны, край неба стал румян,
Сквозь тьму густую солнце герои увидали.
Тут с запада подуло: их беды теперь миновали.

1135В одно мгновенье ветер отнес их – это быль! —
От Гиверса на двадцать и шесть надежных миль.
В том божий перст был виден. Бог взял их под защиту,
Когда с друзьями Вате подплыл слишком близко к магниту.

1136Герои очутились среди текучих вод.
Знать им грехи простились, и от больших забот
Господь освободил их, над рыцарями сжалясь.
Они прямой дорогой к норманнской земле приближались.

1137Но все надежды хрупки: их вновь тревоги ждали,
Суда их, как скорлупки, качались и трещали
От сильных волн, и слыша, как ветер злобно воет
Сказал отважный Ортвин: «Нам честь наша дорого стоит».

1137Один моряк воскликнул: «Ах, горе, злое горе!
Зачем мы не погибли в стоячем Мрачном море
Перед горою Гиверс! Как от беды укрыться,
Коль мы забыты богом, а буря вот-вот разразится?»

1138Тогда датчанин Хорант воскликнул в свой черед:
«Я знаю, этот ветер нам зла не принесет:
Он мирный, он – восточный. Приободритесь, други».
Тут ожил духом Зигфрид и все его черные слуги,

1139Меж тем как смелый Хорант в дозорный короб сел,
Бунтующие волны он с мачты оглядел
И молвил, даль морскую окидывая взглядом:
«Мы можем плыть спокойно. Герои, Нормандия рядом».

1141Все люди ободрились, убрали паруса.

Когда же прояснились над ними небеса.
Стоящая над морем гора открылась взору
И бор перед нею. Вате советовал двинуться к бору.

XXIII авентюра
Как они пришли на стоянку и отправились в Нормандию

1142Они поплыли к бору, что рос у той горы.
Таиться приходилось героям до поры,
Суда на якорь встали от берега далеко,
И лагерь на привале ничье не заметило око.

1143До названного места им плыть еще пришлось.
А сколько среди леса чудесного нашлось!
Ручьи с горы стекали, теряясь в чаще елей.
Их свежесть и прохлада вернули усталым веселье.

1144Покуда для ночлега их стан располагался
Отважный рыцарь Ирольт на дерево взобрался,
Чтоб высмотреть заране, куда идти с отрядом,
Норманнские владенья заметил он пристальным взглядом.

1145«Ну, рыцари, воспряньте! – он радостно сказал, —
Чертог великолепный я сверху увидал
И семь высоких башен. Скажите нашим людям,
Что завтра до полудня мы в сердце Нормандии будем».

1146 Тут молвил мудрый Вате: «Вот добрый вам совет:
Мечи, щиты, кольчуги нести на берег след,
Служить велите слугам и сами не дремлите,
Коней заставьте бегать, ремни к шишакам прикрепите.[122]

1147А если в нашем стане найдется не у всех
Достойный их желанья и звания доспех,
Я помогу героям: пятьсот кольчуг дала нам
Владычица в дорогу, чтоб было в чем ехать к норманнам».

1118Свели коней ретивых на берег под уздцы,
Попонами накрыв их, отважные бойцы, —
Всяк выбрал по заслугам чепрак и покрывало,[123]
Как то оруженосцам иль рыцарям знатным пристало.

1143Коней скакать пустили вдоль дюн и поперек;
Не каждый конь, однако, скакать и прыгать мог:
Иные застоялись и резвости лишились.
Купать велел их Вате, чтоб кони в воде освежились.

1150Зажгли костры и сели скитальцы в тесный круг,
А старшие велели толпе проворных слуг
Им ужин приготовить из снеди самой лучшей.
Покоем насладиться когда еще выпадет случай!

1151Всю ночь герои спали, пока настал рассвет,
А ранним утром стали втроем держать совет —
Отважный рыцарь Ортвин, король и старый Вате, —
Как за свои обиды им здесь отомстить супостату.

1152«Нам надо, – молвил Ортвин, – лазутчиков послать,
Чтоб о судьбе Кудруны и дев ее узнать,
Погибли или живы красавицы в неволе.
Как вспомню их, несчастных, сжимается сердце от боли».)

1153Задумались, где взять им такого смельчака,
Чтоб вызнать у норманнов он смог наверняка,
В какой твердыне девы с Кудруной обретались,
И чтоб его расспросы для недругов тайной остались.

1154И молвил юный Ортвин, – он истый был герой:
«Кудруна мне родною приходится сестрой,
Я все берусь разведать, коль вы меня пошлете,
Верней меня и лучше лазутчика вы не найдете»,

1155Сказал король зеландский: «Тогда и я поеду,
Умру с тобою рядом иль вынесу все беды.
Тебе сестра Кудруна, а мне дана в супруги.
Все дни служить я буду моей несравненной подруге».

1156Сказал сердито Вате: «Так сделали бы дети.
Вам мой совет, герои, оставьте мысли эти.
Коль Хартмут вас узнает, он, глазом не моргнувши,
Прикажет вас повесить, пропали тогда ваши души».

1157Рек Хервиг: «Будь что будет. Что нужды унывать?
В несчастье друг за друга обязан постоять.
Ни я, ни друг мой Ортвин оружия не сложим,
Пока любой ценою вернуть королевну не
сможем».

1158Они хотели ехать и поиски начать,
Но прежде слуг велели и родичей созвать
И с речью обратились к собравшимся героям,
Прося хранить присягу, что дали бойцы им обоим.

1158«Взываю к вашей чести, – им Ортвин молвил так, —
Случись, что нас узнает и в плен захватит враг,
Продайте земли, замки, отдайте все, что ценно,
И не тужите, други, что дорог наш выкуп из плена.

1160Послушайте, герои, что мы вам дальше скажем:
Коль мы убиты будем, коль мертвыми мы ляжем,
Отмстить не позабудьте врагу в его владеньях
И беспощадны будьте к тому, кто погряз в преступленьях.

1161Вас, рыцарей отважных без страха и упрека,
Прошу: как ни пришлось бы сражаться вам жестоко,
Оружья не слагайте, пока в плену страдают
Невольницы норманнов. Ведь девы на вас уповают».

1162И это обещали воителям друзья,
В знак клятвы руку дали славнейшие князья
Что станут храбро биться, свои не узрят замки,
Покуда не вернутся на родину все полонянки.

1163Все плакали, кто верность хранил в своих сердцах,
Им Людвигова злоба внушала сильный страх:
«Зачем нельзя на подвиг других бойцов отправить?
А этих ждет погибель и дела ничем не поправить».

1164Смеркалось, в жарких спорах прошел весь этот день.
Уж солнце закатилось под облачную сень,
Туда, где простиралась далекая Густрата.[124]
Остались, на ночь глядя, с друзьями два смелых собрата.

XXIV авентюра
Как Кудруна получила весть об их прибытии

1165Довольно о героях. Теперь сказать пора нам
О благородных дамах, попавших в плен к норманнам.
Белье на море мыли и в вёдро и в ненастье
Кудруна с Хильдебургой, достойные большего счастья.

1166В один прекрасный полдень – то было в день поста —
По синю морю птица приплыла в те места.
«О, как ты, птица, плещешь, плывя через буруны,
Знать, ты меня жалеешь», – со вздохом сказала Кудруна.

1167И голосом, звучащим совсем как у людей,
Как будто был он мужем, ответил ангел ей:
«Я, дева, вестник божий, и я тебе открою,
Коль ты об этом спросишь, что сталось с твоею роднёю».

1168Кудруна слышит голос и сим поражена,
Ушам своим не верит, сомнения полна.
Ужели дикой птице под стать такие речи,
Как будто произносят их звуки уста человечьи?

1169Высокий саном ангел сказал: «Воспрянь душой.
Несчастная Кудруна, жди радости большой,
О родине и близких спроси и вести внемли.
Тебя в беде утешить я господом послан на землю».

1170Простерла дева руки и, на коленях стоя,
Креста собой являла подобие живое,
Как бы молясь, а после к подруге обратилась:
«Забудем все печали, нам бог даровал свою милость».

[1171]И ангелу сказала: «Коль послан ты Христом,
Чтоб нас утешить горьких, поведай нам о том,
Жива ли еще Хильда. Скажи, гонец прекрасный, —
Ведь это мать Кудруны, похищенной девы несчастной».

[1172]«На это я отвечу, – посланец молвил снова, —
Когда я видел Хильду, она была здорова
И войско снаряжала, чтоб дочь свою избавить.
Такой могучей рати никто не сумел бы отправить».

[1173]«Благой гонец, – Кудруна простерла руки ввысь, —
Еще одно спрошу я, а ты не рассердись:
Скажи мне, жив ли Ортвин, король нортландский ныне,
И Хервиг, мой любимый. Жду вести я как благостыни».

[1174]«Скажу тебе охотно, – ей ангел молвил вновь, —
Здоров отважный Ортвин и Хервиг жив-здоров,
Я видел: оба друга одно весло держали,
Они гребли согласно и вдаль по волнам уплывали».

[1175]Сказала королевна: «Коль ведаешь, открой,
Не явится ли Ирольт, прославленный герой,
А также смелый Морунг в Нормандию однажды?
В родстве был с ними Хетель. Я встречи с обоими жажду».

[1176]Сказал высокий вестник: «И это я открою.
Вам преданы безмерно отважные герои.
Я видел их обоих. Они придут с войсками
И много крепких шлемов разрубят своими клинками.

[1177]Теперь прощай, мне нужно другую службу несть, —
Да охранит всевышний и вас, и вашу честь, —
Нельзя мне больше молвить, не преступая правил).
И он исчез, а девы рыдали, что он их оставил.

1178Дочь Хильды восклицала, судьбу свою кляня:
«Что я узнать желала, сокрыто от меня.
Я именем Христовым молю и заклинаю,
Вернись, не удаляйся, пока я всего не узнаю».

1179И тут высокий ангел явился снова к ним:
«Раз ты Христом молила и заклинала им,
Хочу тебя утешить, чем только буду в силах,
И расскажу охотно о всех твоих родичах милых».

1180Сказала королевна: «Тогда порадуй вестью.
Не явится ли Хорант с воителями вместе?
Они меня забыли, оставив на чужбине.
Датчанин так отважен, он мог бы спасти меня ныне».

1181«Придет твой родич Хорант, и рать его придет,
В тяжелый хегелинги отправятся поход.
Со стягом королевским в недрогнувшей деснице
Датчанин поведет их до самой норманнской границы».

1182Вновь молвила Кудруна: «Когда бы я узнала,
В живых ли старый Вате, я духом бы воспряла, —
Кому-кому, ему-то обрадуются девы,
Коль встанет он и Фруте под доблестный стяг королевы».

1183 П снова молвил ангел: «Из Штурмена придет
К тебе на помощь Вате. Он по морю плывет
В одной галере с Фруте, гребя веслом правильным.
В бою не сыщешь равных двум этим соратникам сильным».

1184Опять господень ангел собрался улетать,
Но снова его стала Кудруна заклинать:
«Томит меня забота. Прости вопрос докучный,
Когда посланцы Хильды прибудут ко мне, злополучной?»

1185«Уж радость на пороге, – гласил его ответ, —

Два витязя в дороге и явятся чуть свет.
Доверьтесь им, их чести, – гонцы вам лгать не станут
И вас облыжной вестью они ни за что не обманут».

1186На этом ангел божий был должен улететь,
И ничего Кудруна не спрашивала впредь.
И было полонянкам и горестно, и сладко.
«Где те, кто их избавит?» – они задавались загадкой.

1187Не спорилась работа в тот день у них в руках,
Все время толковали они о смельчаках,
Которых к королевнам послала Хильда с вестью,
И с трепетом душевным о них ожидали известья.

1188День гас. Вернуться в замок им время подошло,
Там гневная Герлинда их выбранила зло,
Она всегда на пленниц набрасывалась с бранью
И в ярости грозилась подвергнуть подруг наказанью.

1189«Кто это вам позволил лениво мыть мое
Льняное, дорогое постельное белье?
И шелковые платья мои не белоснежны!
Я вас заставлю плакать, коль вы нерадивы, небрежны!»

1190Сказала Хильдебурга: «Старались, как умели.
Сударыня, вы прачек хотя бы пожалели:
Мы мерзнем то и дело, ведь ветер дует, воя.
Когда бы потеплело, могли бы мы выстирать вдвое».

1191А старая Герлинда ей злобно отвечала:
«Каким бы сильным ветром вас там ни обдувало,
Ваш долг с утра до ночи стирать и не лениться.
Идите завтра к морю, как только забрезжит денница.

1192Ведь скоро праздник вербный,[125] и по обыкновенью
К нам гости соберутся, чтоб встретить воскресенье.

Так если вы не чисто мне вымоете платья,
Не только что из дома, со света могу вас согнать я».

[1193]Пошли в каморку девы, чтоб спать скорее лечь,
Промокшую одежду стянули с белых плеч.
Не баловали пленниц в Нормандии: бедняжки
На тело надевали лишь по две суровых рубашки,

[1194]жажду утоляли колодезной водой,
А ужинали девы лепешкою ржаной.
Так были злой Герлиндой обласканы подружки,
Что спать они ложились на жесткой скамье без подушки.

[1195]Измаялась Кудруна: на досках сон неймет.
С трудом дождались девы, покамест рассветет.
Не спали, а гадали, когда должны явиться
Два рыцаря отважных, что им напророчила птица.

[1196]И дева Хильдебурга, как и Кудруна тоже,
До утра протомившись на неудобном ложе,
Едва заря настала, в окошко поглядела.
Там выпал снег. Несчастной печаль и тоска овладела.

[1197]Сказала Хильдебурга: «Нам надобно стирать.
Помилуй бог, погода испортилась опять,
Коль мы на берег выйдем сегодня босоноги,
До вечера погибнем, умрем на снегу по дороге».

[1198]И все же ободряло красавиц упованье,
Что сбудется сегодня благое предсказанье
И встречею с гонцами утешатся их души.
При этой сладкой мысли их боль становилась все глуше.

[1199]«Любимая подруга, – Кудруна попросила, —
Скажи, чтоб нам Герлинда обуться разрешила.
В такую непогоду никто босой не выйдет.

Мы до смерти замерзнем, она и сама это видит».

[1200]Они пошли в светлицу, а там Герлинда злая
Еще дремала сладко, супруга обнимая;
Они лежали оба в супружеской постели.
Вздохнули горько девы и их разбудить не посмели.

[1201]Но этот вздох Герлинда услышала сквозь сон,
На пленниц напустилась, идти велела вон.
«Почто стирать нейдете вы на берег кремнистый,
Пока, с белья стекая, вода не останется чистой?»

[1202]Сказала Хильдебурга: «Куда босым идти?
Снег выпал нынче ночью, все выстелил пути.
Спасите нас от смерти заботами своими,
Ведь мы погибнуть можем, коль на берег выйдем босыми».

[1203]Ответила волчица: «Вас холить? – Никогда!
Пусть худшее случится, умрете – не беда!
Усерднее стирайте, не то дам волю злобе,
Смотрите не пеняйте.»… Подруги заплакали обе.

[1204]Узлы с одеждой взяли и вышли из дверей.
«Пусть только бог поможет, я это вспомню ей!» —
Кудруна обещала. Шли по снегу они,
И скоро у несчастных озябли босые ступни.

[1205]На берег, как обычно, пришли они опять
И начали привычно стирать и полоскать
У моря одиноко Герлиндины одежды.
И мало было прока от их сокровенной надежды.

[1206]Но часто устремляли они в морской простор
Исполненный печали нетерпеливый взор,
Стараясь обнаружить в тумане необъятном

Гонцов, что королева отправила к пленницам знатным.

XXV авентюра
Как Ортвин и Хервиг прибыли туда

[1207]Они прождали долго, пока узрели челн,
Двоих мужей несущий по лону синих волн.
«Я вижу, двое едут. Не их ли накануне
Нам птица предвещала?» – сказала подруга Кудруне.

[1208]«Увы мне, – отвечала Кудруна, глядя вдаль, —
В душе моей смешались и радость, и печаль:
Посланцы королевы владетельную даму
За стиркою застанут! Куда мне деваться от сраму?

[1209]Чтл делаю, не знаю, и что мне делать след,
Любимая подруга, хоть ты мне дай совет;
Пристало ли нам скрыться иль рыцарей дождаться.
Уж лучше, чем срамиться, навеки служанкой остаться».

[1210]«Вы все предусмотрели, – подруга ей в ответ, —
И в этом важном деле не мне давать совет.
Как знаете решайте, а я вам пособлю
И с вами все невзгоды и радости все разделю»

[1211]От моря на дорогу свернули госпожи,
Но тут прекрасных прачек увидели мужи,
Подплывшие так близко, что вскоре разглядели,
Как девы, бросив стирку, от них удалиться хотели.

[1212] И спрыгнули на берег два рыцаря тогда.
«Зачем вы так спешите, красавицы? Куда?
Взгляните – убедитесь, мы люди здесь чужие,
Уйдете – не вернете свои покрывала льняные».

[1213]Подруги притворились, что слов не разобрали,

Хоть звуки их до слуха красавиц долетали
И эхо оглашало весь берег нелюдимый.
Не знал отважный Хервиг, как близко он был от любимой.

1214Вскричал король зеландский: «Вернитесь же назад
И только нам скажите, чьи платья здесь лежат,
Мы просим не лукаво, не расставляем сети,
Вернитесь ради славы всех дев непорочных на свете!)

1215И молвила Кудруна: «Мне совестно молчать,
Коль вы девичьей славой нас стали заклинать.
Пока зовусь я девой, должна исполнить просьбу,
Хотя бы даже плакать от этого после пришлось бы».

1216А шли они в одежде, промоченной насквозь, —
Двум знатным дамам прежде счастливее жилось, —
Служанки злой Герлинды от холода дрожали,
Их мартовские ветры до самых костей пробирали.

1217То было время года, когда зима кончалась,
Когда лесная птица запеть приготовлялась,
Лишь только март минует и прекратятся вьюги.
Еще по льду и снегу шли две горемычных подруги.

1218Брели простоволосы к тому, кто к ним взывал,
И ветер марта косы их буйно развевал, —
Хотя и отличались их волосы красой,
Дождем секло их летом и снегом белило зимой.

1219На море плыл повсюду, раскалываясь, лед
Томила дев тревога, что их за встреча ждет.
Сквозь обе их рубашки просвечивало тело,
Оно, как снег зимою, как выпавший иней, белело.

1220 Лишь Хервиг благородный их близко увидал,
Он тотчас «С добрым утром» приветливо сказал.

У их бесчеловечной хозяйки под началом
«День добрый», «Доброй ночи» никто никогда не сказал им.

1221Спросил у пленниц Ортвин, Кудруны милый брат:
«Чьи" это здесь одежды богатые лежат?
Кому их здесь стирают? Вы обе так пригожи,
Зачем же истязает он вас, накажи его боже!

1222 Такой красе, как ваша, пристала бы корона,
Вы быть могли бы с честью наследницами трона.
Так кто работой низкой вас тут неволить смеет?
Таких красавиц прачек он много ли в дворне имеет?»

1223В ответ услышал Ортвин печальный девы глас:
«Там много есть красавиц, куда прекрасней нас.
Не мешкайте, хозяйка нас держит под надзором,
Накажет, коль увидит с кем заняты мы разговором».

1224«Красавицы, утешьтесь от горестей своих,
Возьмите – вот четыре браслета золотых,
Даем вам их в награду, чтоб вы жалеть не стали
О том, что на расспросы бесхитростно нам отвечали,)

1225«Дай вам господь счастливо владеть своим добром,[126] —
Ответила Кудруна, – мы платы не возьмем.
Расспрашивайте вволю, но поспешите все же:
Коль нас увидят с вами, накажут как некуда строже».

1226«Чьи земли и угодья нас окружают тут?
Чьи высятся чертоги? И как его зовут?
Коль есть в нем капля чести, пусть знает: все осудят.
Что вас он стиркой мучит, у моря на холоде студит,»

1228Она сказала: «Хартмут – один из двух князей,
Владелец всех угодий, земель и крепостей,
Другой, – нормандец Людвиг. Отважная дружина

Ему покорно служит и чтит своего господина».

[1228]«Нам надо их увидеть, – промолвил Ортвин ей, —
Но где искать нам этих владетельных князей?
Коль это вам известно, тогда и нам скажите,
Мы едем к ним послами, нас числит король в своей свите».

[1129]«Сегодня утром в замке оставила их я,
Еще в своих постелях покоились князья.
В их доме сорок тысяч героев почивали,
Как знать, теперь, быть может, они со двора ускакали».

[1230]сказал король зеландский: «Зачем им это бремя.
Огромную дружину с собой держать все время?
Имей я столько войска в своем распоряженье,
Я целым королевством сумел овладеть бы в сраженье».

[1231]«Мы этого не знаем, – ответила она, —
Не ведаем, далеко ль простерлась их страна,
Но земли хегелингов норманнам страх внушают.
Князья все дни оттуда заклятых врагов ожидают».

[1232]Красавицы дрожали, так холод их терзал.
«Надеяться нельзя ли, – тут Хервиг им сказал, —
Что вы для вашей чести зазорным не сочтете
И наши меховые плащи благосклонно возьмете?»

[1233]Дочь Хильды отвечала: «Счастливо дай вам бог
Плащами укрываться. Как жребий мой ни плох.
Никто не должен видеть меня в мужском уборе.
(О, если б она знала, что ждет ее худшее горе!)

[1234]Не мог князь Хервиг взора от девы оторвать,
Казались столь прекрасны лицо ее и стать.
Что князь вздыхал глубоко и сердце его ныло:
На ту, кого любил он, так сильно она походила.

1235Тут королевич Ортвин стал спрашивать опять:
«Случалось ли вам, девы, о пленницах слыхать?
В Нормандию пригнала их княжеская рать,
Там много есть красавиц, Кудруной одну из них звать».

1236Дочь Хильды отвечала: «Слыхала это я.
Давно явились девы в норманнские края,
В сражении жестоком враги их в плен забрали,
О доме безутешно невольницы здесь горевали.

1237 И пленную Кудруну когда-то я видала,
Она от непосильной работы изнывала».
(Никто не знал об этом верней служанки юной,
Зане на самом деле она и была той Кудруной.)

1238«Взгляните, сударь Ортвин, – промолвил Хервиг-князь, —
Ведь если где-то в мире от гибели спаслась
Сестра ваша Кудруна, то вот она – живая,
Настолько с нею схожа не может быть дева другая».

1239«Пригожа эта дева, – сказал ему герой, —
Однако не сравнится с красавицей сестрой.
Уже тогда, как с нею мы оба были дети,
Я знал, что не найдется красе ее равной в свете».

1240[127] Лишь только «сударь Ортвин» окликнул его друг,
Как пристально взглянула одна из двух подруг;
Красавица искала с любимым братом сходства, —
Тогда бы миновала пора ее бед и сиротства.

1241Она сказала: «Доблесть сияет без прикрас.
Я рыцаря знавала, похожего на вас,
А звали его Хервиг, Зеландией он правил.
Будь он в живых поныне, он нас бы от плена избавил.

[1242]Ведь я одна из пленниц, что из родной земли
Жестокие норманны за море увезли.
Вы ищете Кудруну – напрасные заботы:
Погибла королевна, не вынесла тяжкой работы».

[1243]Тут слезы покатились у Ортвина из глаз,
И Хервиг не заплакать не мог на этот раз.
Когда они узнали, что дева умерла,
Кручина, словно камень, обоим на сердце легла.

[1244] И видя, что герои от горя слезы льют,
Похищенная дева им вымолвила тут:
«Вы так себя ведете и так душой скорбите,
Как будто бы с Кудруной в ближайшем родстве состоите».

[1245]«Она моя супруга, – ответил Хервиг-князь, —
И клятва нерушимо скрепила эту связь.
Оплакивать я буду любимую до гроба,
Навеки разлучила нас старого Людвига злоба».

[1246]Несчастная сказала: «Вы лгали мне сейчас,
О Хервиговой смерти я слышала не раз,
Мне все блаженство жизни досталось бы на долю,
Будь жив отважный Хервиг. Уж он возвратил бы мне волю».

[1247]Тут молвил знатный рыцарь: «Я вас взглянуть прошу,
И если вам знакомо кольцо, что я ношу,
Так верьте, что я Хервиг. Им обручен я с милой.
Коль вы моя супруга, из плена вас вызволю силой».

[1248]От перстня королевна не отводила глаз,
Блестел на пальце златом оправленный алмаз,
Тот камень абалийский являл любви поруку,
Он украшал когда-то Кудруны прекрасную руку.

[1249]Улыбка озарила красавицы лицо.
«Я с радостью узнала на вас мое кольцо.
Взгляните ж вы на перстень, что дал мне друг сердечный
В отцовском королевстве, во дни моей жизни беспечной».

[1250]Взглянул герой на перстень и глаз не отводил,
И молвил: «Тот, кто, дева, на свет тебя родил,
Был крови королевской. В тебе все совершенства.
Прошли мои невзгоды, достиг я земного блаженства».

[1251]И обнял королевну Зеландии король.
Тут все перемешалось – и радость их, и боль.
Прекрасную Кудруну он целовал несчетно
И верную подругу, что ей услужала охотно.

[1252]А брат Кудруны Ортвин спросил у ней тогда, —
И дева, это слыша, сгорала от стыда, —
Ужели службы нету другой для королевны,
Чем на море норманнам одежду стирать ежедневно.

[1253]«Сударыня-сестрица, куда, – сказал он ей, —
Девали вы прижитых от Хартмута детей?
Как вас они пускают одну стирать здесь платья?
Для княжеской супруги негоже такое занятье».

[1254]Она сказала плача: «Где я возьму детей?
Ведь все норманны знают о стойкости моей:
За то, что отказалась в мужья их князя взять я,
Все дни теперь у моря должно, я стирать эти платья».

[1255]Тут подал голос Хервиг: «Сказать мы можем смело,
Что славно завершилось задуманное дело,
Нам счастье привалило. Чего желать нам боле?
Так увезем Кудруну, избавим ее от неволи».

[1256]«Я это отвергаю, – вступил с ним Ортвин в спор. —

Хотя бы погибали в неволе сто сестер,
Все лучше, чем скрываться, с врагом идти на хитрость.
Что Хартмут отнял силой, тайком не годится нам выкрасть».

[1257]Сказал на это Хервиг: «Что ты задумал, друг?
Сперва спасем Кудруну, потом ее подруг».
Но снова юный Ортвин сказал в укор герою:
«Да лучше пусть мечами убьют меня вместе с сестрою».

[1258]И, слыша это, дева воскликнула, скорбя:
«Брат Ортвин милый, чем я обидела тебя?
Ничем не заслужила я горького упрека,
За что же, князь отважный, караешь меня так жестоко?»

[1259]«Любимая сестрица, ведь я тебе не враг.
Во имя блага пленниц я поступаю так.
Тебя спасти отсюда я должен только с честью,
Чтоб ты жила счастливо с возлюбленным Хервигом вместе».

[1260]Сказал король зеландский: «Одно меня страшит,
Что если нас узнают, то Хартмут поспешат
Прекрасных пленниц спрятать, их увезет далеко.
Вот почему нам надо скрываться от вражьего ока».

[1261]И снова молвил Ортвин: «Как мы оставить можем
В неволе дев? Ведь этим мы горе их умножим,
И так пришлось им долго в чужой земле томиться;
Нам надобно избавить от плена всю свиту сестрицы".

[1262]Пошли к челну герои, а королевна – в плач:
«О, горе мне несчастной, я жертва неудач,
Меня презрели оба, кем сердце утешалось,
Мне мучиться до гроба без помощи близких осталось».

[1263]Мольба прекрасной девы вслед Хервигу неслась:
«Из всех была я *лучшей*– я *худшей* стала, князь,

Кому ты оставляешь меня без сожаленья?
Где, сироте несчастной, искать мне теперь утешенья?»

[1264]«Нет, ты не стала худшей, ты – лучшая, как встарь.
Храни же нашу тайну, – промолвил государь, —
Я завтра до рассвета – и это слово чести! —
Приду под стены замка с моими героями вместе».

[1265]Отплыть гонцы спешили как можно поскорей,
И не было разлуки для близких тяжелей.
Покуда было видно мужей на расстоянье,
Им девы вслед глядели, надеясь продлить расставанье.

[1266]Белье и стирка вышли у пленниц из ума,
А злобная Герлинда приметила сама,
Что знатные служанки стоят внизу без дела.
Озлилась королева, она ведь о платьях радела.

[1267]Кудруне Хильдебурга промолвила, дрожа:
«Зачем вы лобросали одежду, госпожа?
Коль мы ее для свиты не выстираем к сроку,
Так нас Герлинда злая, пожалуй, накажет жестоко».

[1268]Дочь Хильды отвечала: «Я чересчур горда
И слишком благородна для низкого труда,
И более не стану стирать Герлинде платья.
Два короля сегодня меня заключили в объятья».

[1269]Сказала Хильдебурга: «Стирать нам платья след, —
Прошу вас не сердиться, что я даю совет, —
Нам в горницы нести их нечистыми негоже,
Не то исполосуют нам розгами нежную кожу».

[1270]А Хагенова внучка ответила на это:
«Грядет мое блаженство. Пусть даже до рассвета
Меня секут лозою, я не умру от боли,

А раньше те погибнут, кто нас так тиранит в неволе.

[1271]Не прачкой, – королевной должна отныне стать я.
Снесу к воде и брошу в пучину эти платья,
А им не помешает побыть в морской купели,
Пусть их волна качает и весело гонит отселе».

[1272]Благие уговоры не тронули ее.
Швырнула дева в воду хозяйское белье.
Поплыли покрывала, подхвачены волною,
Бог весть, что после стало с прекрасною тканью льняною

[1273]День гас, и Хильдебурга в слезах пошла домой,
Взяв остальные платья и семь простынь с собой.
Кудруна не жалела о том, что совершила,
И в королевский замок с пустыми руками спешила.

[1274]А злобная Герлинда стояла у ворот
И там подстерегала злорадно их приход,
Когда они вернулись, уж было очень поздно,
На благородных прачек Герлинда набросилась грозно:

[1275] «Кто это вам позволил нарушить мой приказ
И с моря возвращаться домой в столь поздний час?
Я строго накажу вас, чтоб стали вы покорней,
Не вместно находиться вам в горницах с нашею дворней.

[1276]Скажите, для чего вам так низко поступать,
В ответ на речи князя презрительно молчать
И тешиться беседой с каким-то жалким кметем?[128]
Вы ищете почета? Его не заслужите этим».

[1277]Сказала королевна: «Зачем меня чернить?
Я в мыслях не имела с чужими говорить,[129]
Достойных этой чести я и людей не знаю,
За вычетом немногих, кого я родней называю».

[1278]«Молчи, гадюка злая! Ты говоришь, я лгу?
Я так с тобой за это расправиться могу,
Что ты уже не будешь так дерзко горячиться.
Сегодня от побоев заноет твоя поясница».

[1279]«А я, – сказала дева, – даю совет благой,
Чтоб вы меня не смели наказывать лозой.
Я много благородней и вас, и ваших близких.
Вам каяться придется во всех ваших действиях
низких».

[1280]Тут молвила волчица: «Где простыни мои?
Что руки под передник ты спрятала свои?
Пока еще жива я, ты рано их сложила.
Возьмусь учить иначе, чтоб ты мне прилежно
служила».

[1281]«Белье, – сказала дева, – волною унесло,
Нести его с собою мне было тяжело,
Вот я его в пучину взяла и побросала,
От вашего убытка, по чести, мне горести мало».

[1282]Ответила Герлинда: «Я это не прощу,
Не лягу спать, покуда тебя не проучу».
Она терновик острый в пучки вязать велела, —
Чертовке не терпелось начать свое черное дело.

[1283]Всех прочих приказала в покои не пускать,
А пленницу к изножью кровати привязать.
Спустить ей кожу с бедер готовилась волчица.
Все девушки рыдали, узнав, что такое творится.

[1284]И, к хитрости прибегнув, сказала королевна:
«Стегать меня сегодня вы выдумали гневно.
Когда меня увидят с высоким князем вместе

В короне, на престоле, то он не простит вам бесчестья.

[1285]Велите, чтобы розгой меня не смели бить,
Того, кого отвергла, готова я любить,
Владычицей хочу я в Нормандии явиться,
Л власть употреблю я, как вам, почитай, и но
снится».

[1286] «Тогда я все прощаю, и ты душой остынь,
Хотя бы потеряла ты даже сто простынь,
Жалеть о них не стану. И ты не прогадаешь,
Что Хартмуту-норманну супругою стать обещаешь».

[1287]Красавица сказала: «Мне надо отдохнуть,
Испытанные муки мне истерзали грудь.
Пускай король норманнский придет ко мне сюда,
Отныне его воле я буду покорна всегда».

[1288]И те, кто это слышал, не стали больше ждать,
А бросились в покои, герою рассказать.
Сидел отважный Хартмут с отцовскими бойцами,
Когда ему сказали, чтоб он поспешил к своей даме.

[1289]«Я жду за весть награды, – сказал один гонец, —
Сменила гнев па милость Кудруна наконец,
И вас покорно просит к ней в комнату явиться.
Когда вы к ней придете, она вас не будет дичиться».

[1290]Ответил знатный рыцарь: «Гонец, ты мне солгал.
Была бы это правда, так я бы тебе дал
Три замка и угодья, богатые на диво,
И множество браслетов. И сам бы я зажил счастливо».

XXV авентюра
Как Ортвин и Хервиг прибыли туда

[1291]Тогда второй свидетель пред очи князя вышел:
«Чур, пополам награду! Я тоже это слышал,
Стать вашею супругой Кудруна обещает
И, с вашего согласья, Нормандией править желает».

[1292]«Спасибо тебе, вестник», – король ему сказал.
Он мнил, что это счастье господь ему послал.
Возрадовавшись духом, вскочил влюбленный с кресел
И в горницу Кудруиы явился без памяти весел.

[1293]В своей рубашке влажной от холода дрожа,
Приветствовала князя сквозь слезы госпожа
И так стояла близко, шагнув к нему навстречу,
Что Хартмут собирался обнять ее белые плечи.

[1294]«Нет, нет, оставьте, Хартмут! – она сказала тут, —
Коль люди нас увидят, они вас упрекнут:
Ведь вы – король, я – прачка и вам стираюплатья,
Вас могут лишь унизить ничтожной служанки объятья.

[1295]Но с радостью позволю я вам себя обнять,
Когда меня в короне увидит ваша знать;
Тогда я королевой по праву буду зваться,
Тогда и вам не будет зазорно со мной обниматься».

[1296]Блюдя благопристойность, он отступил на шаг.
«Прекрасная Кудруна, – ей рыцарь молвил так, —
Коль ты меня полюбишь, – я твой слуга отныне,
Приказывай что хочешь и мне, и норманнской дружине».

[1297]«Я счастлива безмерно, – ответила она, —

И если вам отныне приказывать должна,
То вот приказ мой первый: по нашему желанью,
Пусть перед сном сегодня еще приготовят мне баню».

[1298]Кудруна продолжала: «А вот второй приказ:
Пусть всех красавиц пленных пришлют ко мне сейчас.
Не в горницах Герлинды, среди ее прислуги,
Со мною находиться должны дорогие подруги».

[1299]Герой повиновался приказу знатной девы,
И пленниц отыскали в покоях королевы.
Они пришли в отрепьях, их волосы свалялись —
С подругами Кудруны позорно в плену обращались.

[1300]Все шестьдесят три девы явились к ней, как старь.
И молвила Кудруна: «Взгляните, государь,
К лицу ли вам, что пленниц держали в черном теле?»
«Я сделаю, – сказал он, – чтоб больше их мучить е смели».

[1301]«Так мне в угоду, Хартмут, извольте приказать,
Еще до сна сегодня несчастных искупать.
Насущного лишали в плену красавиц этих,
Вы позаботьтесь сами в роскошные платья одеть их».

[1302]Да рыцарь безупречный ответил госпоже:
«Владычица, быть может, утрачены уже
Те платья, что из дома везли служанки ваши,
Так мы найдем другие, намного богаче и краше.

[1303]Я рад им дать наряды, каких не видел глаз».
Готовить стали баню для пленниц в тот же час.
О том радели слуги и стольники-вельможи,
Кудруне угождая, чтоб милость снискать ее позже.

[1304]На славу искупаться красавицы могли;
Прекраснейшие платья им вскоре принесли,

И то из этих платьев, что было самым бедным,
Понравиться могло бы самим королевнам наследным.

1305А после знатной бани им подали вино —
Считалось самым лучшим в Нормандии оно —
И мед, такой отменный, что слов сказать не хватит.
Как мог предвидеть Хартмут, чем дева за это заплатит?

1306С подругами в светлице Кудруна восседала,
Когда Герлинда злая Ортруне приказала
Созвать прислужниц знатных и в гости одеваться,
Коль с пленной королевной желает она повидаться.

1307Ортруна нарядилась так скоро, как могла,
И радостно к Кудруне со свитою пошла.
Навстречу юной гостье с улыбкой устремилась
Та, что роднёю Вате, седому вождю приходилась.

1308И тут расцеловались красавицы тепло.
У каждой светлый обруч охватывал чело,
От золота сияли еще светлей их лица.
Была своя причина у топ и другой веселиться.

1309В то время как Ортруна была безмерно рада
Узреть Кудруну в блеске богатого наряда,
Дочь Хильды веселилась, забыв былое горе,
Затем, что уповала увидеться с близкими вскоре.

1310«Я счастлива, – Ортруна ей молвила тогда, —
Что с Хартмутом ты хочешь остаться навсегда;
Тебя вознагражу я за это, как умею,
Короною Герлинды – наследной короной моею».

1311Кудруна отвечала: «Воздай тебе Христос!
Мне, бедной, сострадая, лила ты много слез.
Приказывай, что хочешь: за ласку и за дружбу

Тебе я обещаю свою неизменную службу».

1312И с хитростью девичьей промолвила опять:
«Вам надо, сударь Хартмут,[130] посланцев разослать
К своим друзьям ближайшим, чтоб те поторопились
И в замок королевский по вашему зову явились.

1313И если судьбы наши войной не омрачатся,
Я буду вместе с вами короною венчаться.[131]
Мы сможем убедиться, кто мне служить желает.
Меня с моей роднёю вся знать ваша скоро узнает».

1314Задуманная хитрость Кудруне удалась;
Гонцов не меньше сотни послал в дорогу князь,
На сто бойцов дружина норманнов оскудела,
И этим королевна помочь хегелингам хотела.

1315Герлинда ей сказала: «Возлюбленная дочь,
Пора вам разлучиться,[132] уж наступает ночь,
Вы встретитесь по чести, заутра, вставши с ложа»,
И с девой попрощалась, промолвив: «Храни тебя боже».

1316Откланялся и Хартмут. К Кудруне для услуг
Приставили радивых и расторопных слуг.
Ее с девичьей свитой отужинать позвали.
И слуги им бесшумно еду и питье подавали.

1317Одна из знатных пленниц осмелилась сказать:
«Любимые подруги, как тяжко сознавать,
Что мы в плену норманнском навек должны остаться.
Мы этого не ждали, нам нечем теперь утешаться».

1318И слезы поневоле из глаз ее лились.
Сердца красавиц болью на них отозвались.
Им жизнь непоправимо загубленной казалась.
Все девы зарыдали, а их госпожа рассмеялась.

1319Она не только годы, но даже дня провесть
С норманном добровольно не собиралась здесь,
Как это мнилось девам. Пока они тужили,
О смехе королевны Герлинде уже доложили.

1320Та, что утех не знала тринадцать с лишним лет,
Нарушила внезапно приличия запрет
Неудержимым смехом. Герлинда все слыхала[133]
И Людвигу кивнула: чертовку тоска обуяла.

1321Она ушла поспешно и Хартмута нашла.
«Мой сын, не безмятежны в Нормандии дела,
Пускай обходит стража границу ежедневно:
Бог весть, чему смеялась сегодня твоя королевна.

1322Одно уже случилось, и это я узнала:
Родия Кудруны тайно к ней вестников послала.
Князь, бойся хегелингов, остерегись их мести.
Чтоб жизни не утратить со славою рыцарской вместе».

1323«Оставь свои заботы, – сказал Герлинде сын, —
Пускай ее смеется, для страха нет причин,
Далеко хегелинги от нашего предела,
Идти на нас войною для них недоступное дело».

1324А дева слуг спросила, постелена ль кровать, —
Ее ко сну клонило, настало время спать.
В ту ночь она впервые не ведала печали,
И стольники-вельможи до спальни ее провожали.

1325Свечами освещали дорогу ей пажи,
И это было ново для пленной госпожи.
Уже постлали ложа – их было три десятка.
Все спутницы Кудруны могли теперь выспаться сладко.[134]

1326Вид этой пышной спальни все взоры привлекал
Красою разноцветных арабских покрывал.
Зеленые, что клевер, там были одеяла
С каймой великолепной; вся ткань их огнем отливала,

1327Простеганная нитью червонно-золотой,
Из шкур морского зверя был меховой подбой.
Князь мнил, что овладеет своей любимой вскоре,
Не знал надменный Хартмут, какое грозит ему горе.

1328Кудруна слугам князя дала приказ такой:
«Идите спать, герои, нам надобен покой;
С тех пор, как мы из дома в Нормандию попали,
Я и мои подруги спокойного сна не вкушали»,

1329 И сразу все чужие, вельможи и пажи,
Покинули покои по слову госпожи,
Ушли все люди князя к нему на половину,
Оставив на ночь девам и мед, и душистые вина.[135]

1330Она сказала снова: «Запремся же теперь».
На два двойных засова закрыли девы дверь,
А стены отличались такою толщиною,
Что слышать речь Кудруны никто бы не смог за стеною.

1331Сперва все девы сели и выпили вина.
«Предайтесь же веселью, – сказала им она, —
До утра наберитесь отваги и терпенья,
И мы увидим нечто, что вас приведет в восхищенье.

1332А нынче я воспряла душою оттого,
Что мужа целовала и брата своего.
Пусть та, что пожелает богато жить на свете,
Рассвет подкараулит и нам возвестит о рассвете.

1333Мой дар желанным будет любой из знатных дам.

И замки, и угодья я ей в награду дам.
Их вволю получу я, лишь часа бы дождаться,
Когда уже не пленной, владычицей буду я зваться».

[1334]Развеселились духом прекрасные девицы,
Уверясь, что назавтра должны сюда явиться
Герои хегелинги, чтоб их спасти из плена.
Согретые надеждой, все сну предались постепенно.

XXVI авентюра
Как Хервиг и Ортвин вернулись к войску

1335 Теперь пойдет о новом мое повествованье.
Герои-хегелинги томились в ожиданьи
На острове пустынном, пока не возвратились
Князь Хервиг, юный Ортвин; и рыцари к ним устремились.

1336Лазутчиков встречали с почтением и честью
Расспрашивать их стали, с какой явились вестью,
А Ортвина просили ответить без обмана,
Жива ль еще Кудруна в жестоком плену у норманна.

1337Но рыцарь благородный потребовал отсрочки:
«Рассказывать нет мочи вам всем поодиночке.
Пусть близкие сойдутся и встанут тесным кругом,
Тогда я расскажу вам о том, что мы видели с другом».

1338И вот, пришло немало их близких и друзей,
Все рыцарство обстало вернувшихся князей;
И молвил юный Ортвин: «Я вам скажу такое,
Что лучше бы не слышать и вам не лишаться покоя.

1339Все это было дивом, что я теперь открою:
На берегу залива я встретился с сестрою
И с девой Хильдебургой, что в Эйре воспиталась».
Все это небылицей отважным бойцам показалось.

1340И многие сказали: «Оставьте эту ложь,
Иль тешиться над нами вам стало невтерпеж?
Годами мы мечтали спасти из плена деву
А брат с его бойцами позор переносят без гнева».

1341«Вы Хервига спросите, он виделся с ней тоже,
И лучше б это было не истиной, а ложью,
Нет ничего постыдней, чем видеть это горе:
Кудруна с Хильдебургой одежду стирали па море».

1342Всем близким тяжко стало, и каждый слезы лил,
А старый воин Вате в сердцах заговорил:
«Невесть зачем, герои, вы плачете, как бабы,
Достойно порицанья, что рыцари духом так слабы.

1343Коль вы хотите в горе помочь прекрасной даме,
Так вымытую в море лилейными руками
Ту белую одежду вам надо сделать красной
И этой верной службой принесть избавленье несчастной».

1344Спросил датчанин Фруте: «А как нам поступить,
Чтоб на берег проникнуть и замок окружить,
Покуда Людвиг с сыном еще не догадались
О том, что хегелинги до их королевства добрались?»

1345И молвил старый Вате: «Совет я дать могу.
И славно послужу я заклятому врагу,
Вот только довелось бы с ним в поле повстречаться.
Снимайтесь со стоянки, нам надо в поход собираться.

1346Я рад, что нынче ночью погода так ясна,[136]
Прозрачен воздух, щедро сияет нам луна.
Герои дорогие, спешите же в дорогу,
Обложим до рассвета норманнского князя берлогу».

1347И все взялись за дело. Бойцы на корабли
Свели коней, доспехи туда перенесли,
Спешили как умели, послушавшись совета,
И Людвигова замка достигли еще до рассвета.

1348Велел в ту пору Вате всем воинам молчать
И на землю без шума улечься отдыхать.
Усталые от странствий, все так и поступили.
Под головы герои стальные щиты положили.

1349«Кто хочет ранним утром победу одержать,
Тот, – молвил старый Вате, – не должен долго спать.
Мы этого похода годами ожидали,
Смотрите же, чтобы нынче, вы други, зари не проспали.

1350Еще вас упреждаю, и в этом буду строг,
Лишь только затрублю я в походный этот рог.
Готовьтесь каждый к бою, не мешкая нимало,
Я утро возвещу вам, и тут уж дремать не пристало.

1351Вдругорядь затрублю я, – седлайте поскорей
Своих ретивых на ночь расседланных коней
И ждите наготове, когда я срок назначу,
Чтоб нам идти на приступ обдуманно, не наудачу.

1352И снова протрублю я воинственную весть, —
Тогда во всеоружье должны вы в седла сесть,
Но с места не сходите, а смирно ждите все вы,
Когда я сам поеду за стягом моей королевы».

1353Все сделать обещались, как Вате научил.
Ах, скольких он красавиц с друзьями разлучил!
Что рыцарей в сраженье от ран смертельных пало!
А всем им не терпелось, чтоб утро скорее настало.

1354Легли устало наземь герои почивать,
От Людвигова замка почти рукой подать.
Хотя и ночь стояла, чертога очертанья
Все ясно различали и строго хранили молчанье.

1355Вот утренняя в небе забрезжила звезда,

Одна из дев к окошку приблизилась тогда, —
Она подстерегала желанный час рассвета,
Чтоб щедрую награду снискать у Кудруны за это.

[1356]И слабый луч денницы заметила она.
Сверкая, отражала бегущая волна
Щиты и шлемы. Ими светилась вся округа.
Лежал в осаде замок, как в петле, затянутой туго.

[1357]Красавица поспешно вернулась к госпоже.
«Сударыня, проснитесь, воители уже
Заполнили округу и замок осадили.
Нас, бедных полонянок, как видно, друзья не забыли».

[1358]Вскочила дева с ложа и встала у окна.
За весть благодарила прислужницу она,
Потом ее Кудруна богато наградила.
Но в этот миг с тоскою она за друзьями следила.

[1359] Она узрела море все в белых парусах
И сразу ощутила страдание и страх.
«Сегодня много смелых умрут во цвете лет.
О, горе мне несчастной, зачем я родилась на свет!»

[1360] Той раннею порою еще весь замок спал.
«К оружию, герои! – дозорный прокричал, —
Отважные норманны, вставайте, не лежите,
Вы слишком долго спали. Мечи боевые берите!»

[1301]Услышала Герлинда, что сторож кличет рать,
И Людвига оставив на ложе почивать,
Сама взошла поспешно на замковую стену,
Узрела хегелингов, и вся обомлела мгновенно.

[1362]В светлицу чуть живая вернулася она.
«Проснись, хозяин Людвиг, твой замок и страна

Окружены врагами, что каменной стеною,
Вчерашний смех Кудруны окупим мы страшной ценою».

[1363]«Молчите, – молвил Людвиг, – я сам взгляну сначала,
Мы вынесем все беды, чего бы нас ни ждало».
Король пошел на башню, дабы узреть воочью,
Что за лихие гости непрошенно прибыли ночью.

[1364]Увидел перед замком он множество знамен.
«Сказать об этом сыну нам надо, – молвил он. —
Быть может пилигримы в Нормандию явились
Купить себе припасы и в гавани остановились».

[1365]Героя разбудили, чтоб новость рассказать,
И молвил смелый Хартмут: «Не будем унывать,
Гербы князей враждебных я различу по виду.
Мне мнится, хегелинги пришли отомстить за обиду».

XXVII авентюра
Как Хартмут называл Людвигу княжеские стяги

1366Оставил князь дружину спать безмятежным сном,
И стали Людвиг с сыном в окно глядеть вдвоем.
Войска увидев, Хартмут сказал не без тревоги:
«Они расположились почти у нас на пороге.

1367Поверь, отец мой милый, здесь пилигримов нет,
Должно быть, это Вате друзей привел чуть свет,
Он и король нортландский пришли сразиться с нами,
И в этом убеждает парящее в воздухе знамя.

1368Богатый шелк на древке, он выткан в Карадине,
И золотом сверкает лик мавра посредине
Коричневого поля. Нам надо насмерть биться,
Чтоб это знамя долу заставить покорно склониться.

1369То Зигфрид мавританский привел большую рать,
С ним двадцать тысяч мавров – храбрее не сыскать,
Все жаждут в битве с нами прославиться геройски.
Еще я вижу знамя, а с ним еще большее войско.

1370Под этим стягом Хорант датчан ведет в строю,
А рядом знамя Фруте я тоже узнаю
И Морунгово знамя: бойцы из марки Валейс
С вождем своим отважным еще до зори к нам добрались.

1371Еще я вижу прапор, догадываюсь чей, —
Меж красных поперечин стоят клинки мечей,
Его владелец – Ортвин;[137] отца лишенный нами,
Он не затем явился, чтоб мирно поладить с врагами.

1372А среди прочих стягов один, как лебедь, бел,
Фигуры золотые на нем я разглядел,
Мне теща сей гостинец послала из-за моря,
Свирепость хегелингов мы с вами изведаем вскоре.

1373Еще один могучий я различаю стяг,
Он сизый, словно туча, на нем приметный знак:
Цветок морской лилеи[138] на гладком поле вышит,
Король зеландский Хервиг с ним прибыл, он местию дышит.

1374Я вижу, рыцарь Ирольт нам тоже бросил вызов;
Как я предполагаю, привел он много фризов
И доблестных гольщтинцев. Идет к сраженью дело.
К оружию, норманны! Большая страда подоспела!

1375Вперед! – воскликнул Хартмут, – бойцы мои, вперед!
Враги вблизи от замка. Нам надо у ворот
Своих гостей незваных со всею честью встретить
И острыми мечами их там по заслугам приветить».

1376Вскочили все с постели, кто спал до этих пор,
Подать бойцы велели их воинский убор,
На помощь государю спешили его слуги,
Их добрых сорок сотен в свои облачились кольчуги.

1377Оделись Людвиг с сыном в сверкающую сталь.
А пленниц охватила и радость, и печаль.
Одна из дев сказала: «За счастьем горе скачет,
Кто прошлый год смеялся, тот ныне слезами заплачет».[139]

1378Пришла Герлинда к сыну и стала говорить:
«Что вы творите, Хартмут? Хотите погубить
И жизнь свою задаром, и рыцарей без счета?
Враги вас уничтожат, коль выйдете вы за ворота».

1379А рыцарь благородный сказал: «Уйдите, мать.
Меня с моею свитой не след вам поучать.
Учите ваших женщин, им впрок пойдут советы.
Как нитью золотою на шелк нашивать самоцветы.

1380 А то еще Кудруне и девушкам ее
Велите, как бывало, идти стирать белье.
Вы думали, что близких и слуг у ней уж нету?
Увидите, как нынче они призовут нас к ответу».

1381«Но я тебе служила и, правду говорю,
Надеялась, что этим Кудруну усмирю.
Твой замок так надежен, послушайся, мой милый,
Вели закрыть ворота: враги не возьмут его силой.

1382Тебе по крови близких меж хегелингов нет,
И это ты их присных на тот отправил свет,
Ты знаешь, что за это тебя и ненавидят.
Так берегись: их тридцать на каждого нашего выйдет.

1383Вы только рассудите, – промолвила она, —
Вам дома на год хватит и хлеба и вина,
И прочей пищи. Кто же к ним в руки попадется, —
Спаси такого, боже! – из плена уже не вернется».

1384Так сына убеждала супруга короля,
О чести и о жизни заботиться веля.
«Пусть наши самострелы из всех окон стреляют
В лихих гостей. Пусть дома родные по ним зарыдают.

1385Готовьте камнеметы, беритесь за пращу,
Я вас мечом сражаться с врагами не пущу.
Мы их и так отгоним. Наш замок полон смелых,
Мы, жены, принесем им камней в рукавах своих белых». [140]

1386«Сударыня, уйдите, – в сердцах ответил князь. —

Лицом перед врагами мы не ударим в грязь.
Чему меня научат все ваши поученья?
Чем мне сидеть в осаде, я лучше погибну в сраженьи».

1387Заплакала Герлинда и молвила: «Сынок,
Я это говорила, чтоб ты себя берег.
Тот, кто под нашим стягом пойдет на супостата,
Тот может быть уверен, – его награжу я богато.

1388Друзья, к оружью! Шлемы рубите горячей,
Чтоб искры засверкали огнем из-под мечей.
Мне сына охраняйте сегодня неустанно
Идите, наносите гостям вашим раны»…

1389Князь молвил: «Королева вам мудро говорит.
И если кто-то будет безвременно убит,
Усердно помогая мне биться с супостатом,
И он сирот оставит, то всех их осыплю я златом».

1390А Людвиговы рати готовились в поход,
Число их достигало одиннадцати сот.
Свой замок покидали отважные норманны,
За стенами оставив пятьсот человек для охраны.

1391Уж подняли решетки всех четырех ворот,
И шлемы подвязали бойцы. Их тридцать сот
За Хартмутом скакали, свои окончив сборы.
Всего у них хватало – от крепкого шлема до шпоры.

1392 А грозного сраженья все приближался срок.
Собрав все силы, Вате гак протрубил в свой рог,
Что слышно его было за тридцать миль в округе.
Под знамя королевы спешили сойтись ее слуги.

1393 Второй раз протрубил он, что время подошло
И надобно садиться воителям в седло.

И строиться в отряды. Кто слышал, чтобы воин
В таких годах, как Вате, был так же могуч и достоин?

[1394]Да снова протрубил он, и дрогнула земля,
И море застонало. А в замке короля
Все камни зашатались под крепкими стенами.
И тут повез датчанин своей государыни знамя.

[1395]Норманны стихли: Вате боялись как огня,
И можно было слышать малейший всхрап коня.
Со стен зубчатой башни Кудруна разглядела,
Как вышли хегелинги на. битву с противником смело.

[1396]А в этот миг и Хартмут из замковых ворот
С своими удальцами отправился вперед.
И людям было видно в оконные проемы,
Как на чужих и близких сверкают щиты и шеломы.

[1397]На замок хегелинги шли с четырех концов.
Серебряно светились доспехи храбрецов,
Щиты у них блистали застежками из злата.
И, будто лев свирепый, страшил своих недругов Вате.

[1398]Скакали грозно мавры, отдельно от других.
Они метали копья, в щепу ломая их.
Когда с норманнской ратью вступили мавры в сечу,
То искры полетели, мечи засверкали, как свечи.

[1399]Датчане к стенам замка помчались на конях.
Привел могучий Ирольт, прославленный в боях,
Туда своих героев шесть тысяч или боле.
За голову схватился норманнский король поневоле.

[1400]Отдельно ехал Ортвин. Вел десять тысяч он,
И это неминучий пророчило урон
И землям королевским, и жителям тем паче.

Герлинда и Ортруна стояли на стрельнице[141] плача.

1401И суженый Кудруны, князь Хервиг, шел вперед,
Беду норманнским женам сулил его приход,
Когда из-за любимой он стал сражаться смело,
Далеко было слышно, как сталь шишаков зазвенела.

1402Приспел с дружиной Вате, он духом был не кроток.
Воздевши копья, стали герои у решеток.[142]
Так близко их увидеть Герлинде горько было,
Зато в душе Кудруна спасибо друзьям говорила.

1403 И Хартмут вел дружину с достоинством таким,
Что лучше не сумел бы, будь кесарем самим.[143]
Вся ратная одежда на рыцаре сияла
Под солнцем. Доблесть духа норманн не утратил нимало.

1404Увидел Ортвин князя на боевом коне
И молвил: «Тот, кто знает, пускай расскажет мне,
Кто этот знатный рыцарь. Он так надменно едет,
Как будто королевством, у нас завоеванным, бредит».

1405«Перед тобою Хартмут, – сказал один боец, —
Меж рыцарей отважных он первый удалец.
И это им когда-то был твой отец убит.[144]
Он храбростью прославлен и мощью своей знаменит».

1406«Он мой должник, – рек Ортвин и гневно продолжал, —
Сегодня он заплатит все то, что задолжал,
И возместит потерн. Иначе быть не может.
Живым домой вернуться Герлинда ему не поможет».

1407Хоть брата королевны норманн и не узнал,
Он юного героя в противники избрал,
В коня всадивши шпоры, на Ортвина помчался.
Бойцы нагнули копья, и звон от ударов раздался.

1408Их щедро раздавали отважные враги.
Конь Ортвина ретивый присел на две ноги
Под натиском норманна – князь добрый был боец,
Но от толчка споткнулся и рухнул его жеребец.

1409Однако встали кони с утоптанной земли,
И начали мечами рубиться короли.[145]
Противники сражались с неутолимой жаждой.
За рыцарскую доблесть достоин был почести каждый.

1410А их дружины обе, склонивши копья вниз,
В неудержимой злобе сражаться принялись.
Здесь раны наносили и жалости не знали,
Все доблестными были, и все свою честь защищали.

1411Вел Вате десять сотен сподвижников своих,
И столько же норманнов набросились на них.
Но Вате спас все дело: кто с ним в бою спознался.
На войско марки Штурмен уже нападать не решался.

1412А в Хервигово войско, откуда пи возьмись,
вмешав ряды, сто сотен воителей влились,[146]
Они сказали грозно: пусть тут их похоронят,
Но из страны норманнской противники их не изгонят!

1413Каким бойцом был Хервиг! Так доблестен он был,
Что благосклонность милой тем пуще заслужил.
Но как могло представить его воображенье,
Что в этот миг Кудруна глядит со стены на сраженье?

1414С датчанами норманны сошлись накоротке.
Могучий меч булатный держал в своей руке
Их предводитель Людвиг. Как истый вождь он бился
И за ворота замка уже далеко устремился.

[1415]Став во главе гольштинцев, равно могуч и смел,
Врагов отважной Фруте немало одолел,
И юный воин Морунг им много зла содеял,
Всю землю перед замком телами убитых усеял.

[1416]А родич Вате Ирольт, – он панцири сплеча
Рубил, и кровь катилась из-под его меча, —
Под стягом Хильды рыцарь с врагами бился смело.
Белели мертвых лица, враждебное войско редело.

[1417]Сын Людвига и Ортвин возобновили бой.
Так густо хлопья снега не падают зимой,
Как падали удары их острого булата.
Князь Хартмут вынес натиск Кудруны отважного брата.

[1418]Не ведал Ортвин страха, но грозный Хартмут так
Хватил его с размаха, что разрубил шишак;
Кровь хлынула на панцирь багряною струей.
Как горько было видеть дружине, что ранен герой!

[1419]Смешались оба стана, норманнов и датчан,
Герои наносили друг другу много ран,
И много под мечами лихих голов упало.
Смерть, точно злой разбойник, друзей у людей отнимала.

[1420] Что Ортвин залит кровью, увидел Хорант вдруг,
И рыцарей спросил он, чьих это дело рук:
«Кем господин мой милый так тяжко в битве ранен?»
Князь Хартмут рассмеялся: он слышал, что молвил датчанин.

[1421]Сам Ортвин знаменосцу ответил на вопрос:
«Князь Хартмут это сделал, он рану мне нанес».
Тут отдал Хорант знамя, им поднятое с честью,
И ринулся к норманну, пылая отвагой и местью.

[1422]А Хартмут за собою услышал звон мечей,

Он видел: кровь струится на землю, как ручей,
Из сотен ран глубоких и под ноги сочится.
Он молвил: «За потери я должен с врагом расплатиться».

[1423]Он Хоранта увидел. И съехались они,
Тут искры полетели столбом от их брони.
Бойцы упорно бились, от ненависти немы,
Концы мечей погнулись от мощных ударов о шлемы.

[1424]Как прежде Ортвин ранен был Хартмутом лихим.
Был ранен и датчанин противником своим.
Сквозь светлую кольчугу катилась кровь из раны.
Кто мог теперь решиться взять силою землю Норманна?

[1425]За время этих страшных, губительных часов
Немало раскололи украшенных щитов
Враждующие рати булатными мечами.
В жестокой битве Хартмут на славу сражался с врагами.

[1426]А что же Ортвин? Хорант? Двух раненых князей
Уже перевязали старанием друзей.
И снова под знамена герои воротились,
Где вскоре непреклонно они с неприятелем бились.

[1427]Но пусть вершат герои, что смелым подобает.
Никто об этой битве доподлинно не знает:
Кто выжил, кто оставил на бранном поле кости.
Норманны храбро бились, на славу боролись их гости.

[1428]О всех и не расскажешь. Кто в памяти остался,
По большей части насмерть с противником сражался.
Бойцы дрались мечами у стен воротных башен,
В пылу не замечали, кто был боязлив, кто бесстрашен.

[1429]Отважный Вате время не праздно проводил,
В последний путь он многих норманнов проводил,

Он их своим булатом сразил на поле чести.
А родичи убитых скорбели и бредили местью.

1430Я слышал, что и Хервиг с дружиной подошел.
Он свой отряд немалый на Людвига повел,
Как только он заметил, что Людвиг необорен
И витязей он губит, как рубят деревья под корень.

1431Воскликнул Хервиг громко: «Кто может мне сказать,
Как старого норманна воинственного звать?
Он столько ран глубоких нанес своей рукою,
Что из очей красавиц покатятся слезы рекою».

1432Услышал это Людвиг: «Кто это на коне
Ведет во время боя расспросы обо мне?
Я – Людвиг, вождь норманнов. Коль биться мне приспело,
Врага не пощажу я, мечом отстою свое дело».

1433Сказал король зеландский: «О, если это так
И ты взаправду Людвиг, то я – твой лютый враг.
Тобой на Вюльпензанде бойцы мои убиты.
Убит тобою Хетель, а он был боец знаменитый.

1434Ты перед тем, как скрыться, нам много зла принес,
Об этом и поныне мы льем цотоки слез.
Мне горько, что Кудруну увез ты на чужбину,
На острове пустынном мою уничтожил дружину.

1435Знай, пред тобою Хервиг. Ты взял мою жену,
Верни ее, иль жизнью оплатите вину
И ты, и теои люди, повинные в коварстве».
Норманн сказал: «Ты слишком грозишь мне в моем государстве,

1436И время тратишь даром на исповедь свою.
Поверь, у многих отнял я родичей в бою,

Убил друзей, богатство себе присвоил силой.
Уж никогда на свете тебе не лобзать своей милой».

[1437]Он смолк, и застонала от топота земля, —
Сошлись на поединке два знатных короля,
Однако перевеса никто не мог добиться,
И скоро им на помощь бойцы поспешили
явиться.

[1438]Был смел и славен Хервиг, но грозный его враг
Отважного героя мечом ударил так,
Что от руки норманна князь Хервиг рухнул наземь.
И жизнь, и королевство могли быть утрачены князем.

1439 Когда б не подоспели дружинники сюда,
Не мог бы юный рыцарь укрыться никуда
От Людвига и ждал бы кончины неминучей.
Недаром ненавистен был Хервигу старец могучий.

[1440]Друзья спастись от смерти герою помогли.
Опомнившись, поднялся поверженный с земли,
Взор устремил на башню, увериться желая,
Не смотрит ли оттуда па битву его дорогая.

XXVIII авентюра
Как Хервиг убил Людвига

1441Подумалось герою: «Ах, что со мной случилось!
Когда мое паденье от милой не укрылось,
Как мне обнять Кудруну, покрытому позором?
Ведь и на брачном ложе она меня встретит укором.

1442Стыжусь того, что старцем был выбит из седла я.
Так пусть мой стяг поднимет дружина удалая!
Преследовать норманна велю своим героям,
Мы все пути отсюда врагам ненавистным закроем».

1443А Людвиг за собою услышал громкий звон,
К зеландцу обернулся тогда поспешно он.
Звенел булат о шлемы, шла молодость на старость,
Кто был в тот день с князьями, того испугала их ярость.

1444Они рвались друг к другу, и завязался бой;
Их люди поединки вели между собой,
А сколько их погибло, никто не сосчитал,
Но только эту битву норманнский король проиграл.

1445Достал жених Кудруны сверкающим клинком
Грудь Людвига меж шлемом и кованым щитом,
Нанес такую рану, что враг не смог сражаться,
И выпало норманну лишь смерти своей дожидаться.

1446Тогда отважный Хервиг занес свой острый меч,
И голова седая слетела с крепких плеч,
Погиб король норманнский и с жизнью распрощался.
Так за свое паденье зеландский герой расквитался.

1447Лишь людвиговы слуги конец его узрели,

Они вернуться в замок со знаменем хотели,
Но от ворот твердыни бойцы далеко были,
И, знамени не спасши, судьбу короля разделили.

[1448]Видали стражи замка, как испустил он дух,
И рыцари, и жены тут стали плакать вслух,
Что Людвиг именитый стал ныне горстью праха.
Кудруна же со свитой в душе трепетали от страха.

[1449]И только рыцарь Хартмут не знал о горькой вести,
Что Людвиг с храбрецами погиб на поле чести
И множество их близких там головы сложило,
Он слышал лишь, как в замке по мертвым родня голосила.

[1450]И молвил смелый Хартмут своим норманнам верным:
«Мы многих уложили в сраженье беспримерном,
Кто нам готовил гибель. Пора и возвращаться
И за стенами замка счастливой поры дожидаться.

[1451]Вы верно мне служили, за это, я клянусь,
Что с вами королевством наследным поделюсь.
Теперь вернемся в замок, где нас родные ждут,
Откроют нам ворота, вина или меда нальют».

[1452]Герои согласились, что надо отдохнуть,
За Хартмутом пустились, прокладывая путь
Сквозь вражеское войско. Пришлось героям биться —
В крови по локоть руки, – чтоб к замку опять воротиться.

[1453]Немало потеряли дружинники бойцов,
Будь даже эти земли наследством их отцов,
Они б не защищали владений с большим пылом,
Но с тысячным отрядом вождь Штурмена путь преградил им.

[1454]Привел к воротам Вате свою большую рать,
И Хартмута решил он в ворота не пускать,

Однако без успеха он начал наступленье:
Со стен высоких башен посыпались градом каменья.

[1455]Как будто с неба падал свирепый этот град
На Вате с его войском, теснившимся у врат.
Старик о погибавших не сетовал нимало,
Надежда на победу все мысли его занимала.

[1456]Когда князь Хартмут Вате у замка увидал,
«Мы это заслужили, – он рыцарям сказал, —
Все жизни под угрозой, лежат горою трупы,
На страшные удары противники наши не скупы.

[1457]Враги сильны, их много – вот что меня гнетет,
Стучит дружина Вате мечами у ворот.
Радивее не мог бы сражаться старый ратник,
Когда бы даже в замке служил у меня как привратник.

[1458]Бойцы, взгляните сами: все стены, замок весь
Окружены врагами, – и много смелых здесь.
Со всех сторон твердыни, – а тех сторон четыре,
Друзья Кудруны бьются как лучшие рыцари в мире.

[1459]Они неутомимы, увы, я в это верю,
Должны еще нести мы тяжелые потери,
Уж у ворот наружных я вижу знамя мавра.
Колеблемое ветром. Боритесь же, витязи, храбро.

[1460]И у ворот соседних остановился враг, —
Украшенный клинками по ветру вьется стяг.
Здесь Ортвин, брат Кудруны. Пока он пыл остудит,
Немало крепких шлемов мечами расколото будет.

[1461]Стяг Хервига у третьих колышется ворот,
А с Хервигом семь тысяч отправилось в поход,
По-рыцарски он служит своей прекрасной даме.

Горда теперь Кудруна отвагой его и делами.

[1462]А я промешкал в поле и в замок опоздал.
Куда теперь податься? Мой разум крепко спал.
Четвертые ворота сам Вате осаждает,
Сдается, что напрасно нас дома родня ожидает.

[1463]Я крыльев не имею, летать я не могу,
От недруга сквозь землю, увы, не убегу.
Пытаться выйти к морю нам пробовать напрасно.
Но есть счастливый выход, о нем вам поведаю ясно.

[1464]Нам спешиться осталось и ну рубить сплеча,
Чтоб кровь из ран глубоких струилась горяча,
Пусть это не доставит вам, рыцари, печали»,
Тут спешились норманны, коней от себя отогнали.

[1465]Воскликнул громко Хартмут: «Мои герои, в путь!
Сперва пробьемся к замку, а дальше будь что будь!
Я должен попытаться убрать с дороги Вате,
Придется постараться, чем ни было б это чревато».

[1466]Подняв мечи, на приступ решились храбрецы,
Отважный рыцарь Хартмут и все его бойцы.
Свирепый натиск Вате князь Хартмут встретил с честью.
Звенела сталь, и много убитых осталось на месте.

[1467]Узрел старик, как круто князь Хартмут наступал,
И молвил: «Братец Фруте (а Фруте стяг держал),
Я слышу звон булата, – то голос вражьей стали,
Держитесь, – молвил Вате, – чтоб вас от ворот не прогнали».

[1468]Старик, окончив речи, на Хартмута напал,
Но этой грозной встречи норманн не избегал.
Враги сражались смело и честь свою хранили,
И солнце потускнело от облака поднятой пыли.

[1469]Шел слух, что редкой силой был Вате наделен.
Как двадцать шесть героев, воитель был силен.
Что проку! Юный Хартмут остался необореы,
И каждый выпад Вате им был отражен и повторен.

[1470]Князь Хартмут был отважен и бился как герой.
Кругом белели трупы, лежавшие горой.
И было просто чудом, что князь не принял смерти
От доблестного Вате: тот был беспощаден, поверьте.

[1471]Пронзительно кричала супруга короля,
Отмстить за гибель мужа дружинников моля
И злато обещая тому, кто ей поможет,
Кто пленную Кудруну и свиту ее уничтожит.

[1472]Нашелся вероломный, польстившийся на плату,
Украдкою проник он к красавицам в палату,
Где все они сидели, и чуть не погубил их,
За золото убить он готовился девушек милых.

[1473]Увидела Кудруна блеск обнаженной стали.
Недаром ее сердце сжималось от печали,
Что так она далеко от близких очутилась.
И если бы не Хартмут, Кудруна бы жизни лишилась.

[1474]Ей гибель угрожала, и, ужаса полна,
Забыв приличья, громко заплакала она,
И громко зарыдали тогда ее подруги,
Красавицы стенали и руки ломали в испуге.

[1475]Сын Людвига Кудруну по голосу узнал.
«Что с нею?» – думал рыцарь, пока не увидал,
Что, деве угрожая, наглец заносит меч.
Князь за нее вступился, повел с неотесанным речь.

1476«Злодей и трус презренный, скажите, как вас звать?
Что за нужда подвигла вас пленниц убивать?
Вы за одну Кудруну уже достойны смерти,
И родственники ваши повешены будут, поверьте».

1477Из страха перед князем наемник убежал.
Но тут и Хартмут жизни едва не потерял,
Он верностью доставил несчастной утешенье,
Но, пленницу спасая, сам рыцарь нуждался в спасенье.

1478С известием, что помощь защитнику нужна,
Пришла, ломая руки, норманнская княжна,
Упала на колени Ортруна перед пленной,
О Людвиге рыдала и так умоляла смиренно:

1479«О, дочь и внука[147] знатных и славных королей,
Моих убитых близких сегодня пожалей,
Припомни, что за мука тебе на сердце пала,
Когда отец твой умер: я тоже отца потеряла.

1480Пойми же, королевна, мою беду и боль,
Родня моя погибла и мой отец-король,
И Хартмуту-герою грозит расправой Вате,
Я горькой сиротою останусь, утративши брата.

1481Во имя нашей дружбы мне, дева, помоги,
Ведь в замке окружают тебя одни враги,
Лишь я тебя жалела, и все твои невзгоды,
Что ты в плену терпела, я буду оплакивать годы».

1482«Ты плакала немало, – сказала Хильды дочь, —
Однако я не знаю, чем Хартмуту помочь,
Была бы я героем, так меч бы я носила
И битве беспощадной тогда бы конец положила».

1483Но юная Ортруна молила все сильней,

Покамест королевна не сжалилась над ней,
Махнув в окно рукою, она мужей спросила,
Уж нет ли между ними сынов ее родины милой.

1484 Отважный рыцарь Хервиг ей вымолвил в ответ:
«Сударыня, уверьтесь, здесь хегслингов нет,
Со мной одни зеландцы, но мы мечей не сложим,
Скажите только, кто вы, и чем пособить мы вам можем».

1485Сказала королевна: «Одно прошу сердечно
И буду за услугу обязана вам вечно:
Довольно битве длиться, предел войне поставьте
И Хартмута-норманна от натиска Вате избавьте».

1486 Тогда герой учтиво решился ей сказать:
«Прекрасная девица, скажите, как вас звать?»
«Зовут меня Кудруна, я Хагенова внука,
А здесь, хоть и знатна я, мне выпала горькая мука».

1487«О если вы – Кудруна, любимая моя,
То вам, – промолвил рыцарь, – служить обязан я.
Я – Хервиг. Вас избрал я себе на утешенье
И вскоре вас избавлю от всяких невзгод и мученья».

1488«Коль, сударь, вам приятно услугу оказать,
Прошу вас не превратно слова мои понять.
Передо мной хлопочет красавица за брата,
Его избавить молит от ярости старого Вате».

1489Сказал Кудруне Хервиг: «Владычица моя,
Все с радостью исполню». Он рек бойцам: «Друзья,
К неистовому Вате несите наше знамя» —
И выступил поспешно вперед со своими бойцами.

1490Служенья даме ради он подвиг совершил,
Завидев близко Вате, герой проговорил:

«Любезный друг, скорее кончайте эту битву,
Прекраснейшие дамы возносят о мире молитву».

[1491]Ответил Вате гневно: «Идите, сударь, вон!
Кто слушается женщин, тот разума лишен.
Ведь сам себя сгублю я, дав недругу поблажку.
Нет, за свое злодейство пусть Хартмут поплатится тяжко».

[1492]Тогда во имя девы, которую он чтил,
К сражавшимся героям зеландец подскочил,
Чтоб их разнять. Далеко разнесся звон булата.
За кровную обиду счел это разгневанный Вате.

[1493]Так Хервига ударил неистовый старик,
Что рухнул миротворец. Друзья героя вмиг
Пришли к нему на помощь и вынесли из боя.
А Хартмут был захвачен, увел его Вате с собою.

XXIX авентюра
Как Хартмут был взят в плел

1494Взбешен был старый Вате. Он двинулся вперед
К высокому чертогу у запертых ворот.
Повсюду плач и стоны сливались с лязгом стали.
Захвачен в плен был Хартмут, в беду его люди попали.

1495Их восемьдесят только в неволю взяты были,
Всех прочих хегелинги без жалости убили.
И был носажен Хартмут на их корабль в оковах.
Но много еще ждало датчан испытаний суровых.

1496Напрасно их от замка старались отогпать —
В жестокой битве Вате сумел твердыню взять.
И вырублены были из стен ее засовы.[148]
Слезами обливались в то время норманнские вдовы.

1497Пронес датчанин Хорант прекрасной Хильды стяг,
За ним пошла дружина. Все устремили шаг
От рыцарского зала к вершине башни главной, —
Как можно было видеть, ей в крепости не было равной.

1498Был замок завоеван, как я уже сказал,
И всех объяло горе, кто в замке обитал.
Бросались на поживу бойцы, тесня друг друга.
«Куда, – промолвил Вате, – девалась с мешками прислуга?»

1499Все переворотили их люди кверху дном,
И в княжеских покоях стоял и стук, и гром,
Терзая слух. И было гостям не до приличий —
Кто множил вражьи раны, кто руку тянул за добычей.

1500 А столько в этом замке богатства отнял Вате,

Шелков и самоцветов, и серебра, и злата,
Что если б их по морю дружина увозила,
То для такого груза и двух бы судов не хватило.

1501 В отчаянье все впали и был напуган всяк,
И всей стране норманнской грозил расправой враг.
Пришельцы убивали и женщин, и мужей,
Младенцы погибали в тот день в колыбели своей.

1502Могучий Ирольт с Вате повздорили тогда.
«Вам дети, – молвил Ирольт, – не сделали вреда,
И в смерти наших близких ведь не повинны дети,
Так вы сирот несчастных во имя Творца пожалейте».

1503«Ты сам ребячлив духом, – ответил Вате так, —
Младенцы плачут в люльке – вот Ирольт и размяк:
Пускай де подрастают, порадуются солнцу.
А вырастут норманны, – им верить, что злому саксонцу!»

1504Из разоренных горниц бежала кровь ручьем,
Норманны сокрушались о жребии своем.
Пришла княжна Ортруна к Кудруне в сильном горе,
Ей сердце предвещало, что будет и худшее вскоре.

1505 И стала королевне Ортруна бить челом:
«Сударыня Кудруна, молю лишь об одном:
Спаси меня от смерти, проникнись нашей мукой,
Пускай мне в этом будет твоя добродетель порукой».

1506«Я с радостью готова, княжна, тебя спасти,
Чтоб зажила ты снова в богатстве и чести,
Покоем наслаждаясь. Будь под моей защитой
И стань ко мне поближе со всей своей девичьей свитой».

1507«Все сделаю, что скажешь», – ответила княжна.
(Так смерти избежала впоследствии она

И тридцать три служанки, и слуги с ними вместе.
Не то бы хегелинги их всех зарубили из мести.)

1508По вот и старый Вате пожаловал сюда,
Широкая в две пяди свисала борода;
Старик скрипел зубами, глаза его сверкали
И ужас наводили на всех, кто стоял в этом зале.

1509Одежда Вате кровью забрызгана была.
Хоть он служил Кудруне, она бы предпочла,
Чтобы в этом исступленьи к ней Вате не являлся.
Он встречен был молчаньем, здесь каждый его опасался.

1510 И лишь одна Кудруна к герою подошла.
«Привет тебе! – в тревоге она произнесла, —
Как я была бы рада увидеться с тобой,
Когда бы, верный Вате, другим не грозил бы ты бедой».

1511«Ужели, вы – Кудруна? Привет вам, госпожа!
А кто все эти дамы, что тут стоят дрожа?»
«Со мной княжна Ортруна, – дочь Хильды отвечала, —
Будь ласков с нею, Вате, она мне всегда сострадала.

1512А этих несчастливиц из их родной земли
Жестокие норманны за море увезли.
Но вы покрыты кровью, не приближайтесь, Вате,
За службу мы с любовью отплатим вам всем, чем богаты».

1513Правитель марки Штурмен, послушавшись, ушел,
Он Хервига-зеландца и Ортвина нашел,
И Ирольта лихого, и Морунга, и Фруте.
Все, отдыха не зная, сражались с норманнами люто.

1514А скоро и Хергарда за помощью пришла,
Что знатной герцогиней в Нормандии была:
«Сударыня Кудруна, ты сжалься надо мною,

Осталась я, как прежде, твоею покорной слугою».

[1515]Разгневалась Кудруна: «Не смейте подходить!
Все то, что нам, несчастным, пришлось переносит!..
Нисколько не мешало вам петь и веселиться, —
Так мне и нужды мало, коль с вами беда приключится».

[1516]Тут и Герлинда злая пришла искать приют:
«Спаси пас, королевна, не то меня убыот,
Укрой меня от Вате», – она рекла, стеная,
И пала на колени, как будто ее крепостная.

[1517]Дочь Хильды отвечала: «Так вы пришли просить
О жалости? Но как же вас можно защитить?
К моим мольбам и пеням безжалостны вы были,
И этим гнев и злобу вы в сердце моем поселили.

[1518]Однако же укройтесь среди моих девиц».
Искал Герлинду Вате в кругу враждебных лиц,
В то время как чертовка, чтобы не быть убитой,
У госпожи Кудруны скрывалась со всей своей свитой.

[1519]Но скоро старый Вате явился снова в зал.
«Сударыня Кудруна, – он в ярости сказал, —
Отдайте мне Герлинду, что стиркой вас томила,
Со всей ее роднею, что наших бойцов истребила».

[1520]Красавица сказала: «Здесь никого их нет».
Но Вате только пуще разгневался в ответ:
«Скорей мне укажите Герлинду без обмана,
Не то костьми полягут и наши бойцы и норманны».

[1521]Все сразу увидали, в какой пришел об гнев,
И тут ему моргнула одна из пленных дев:
«Вон, вон, она!» И Вате промолвил злой гордячке:
«Вам, госпожа Герлинда, нужны еще знатные прачки?»

[1522]И, за руки схвативши, повел Герлинду прочь.
От горя злой чертовке дышать стало невмочь,
А Вате, разъярившись, ей молвил: «Королева,
Белье стирать не будет вам больше прекрасная дева».

[1523]Лишь только королеву он выдворил за дверь,
Все замерли: что станет с ней делать он теперь?
Взял за волосы Вате Герлинду в сильном гневе
И голову седую мечом отрубил королеве.

[1524]Все дамы закричали, их ужас охватил,
А старый воин в залу вернулся и спросил:
«Где родичи Герлинды? Им нечего гордиться,
Я силою заставлю их головы долу склониться».

[1525]Дочь Хильды со слезами так стала говорить:
«Ты тех, по крайней мере, обязан пощадить,
Кто с трепетом явился, ища во мне защиты.
Не тронь княжны Ортруны, не тронь ее девичьей свиты».

[1526]Всем названным велели в сторонку отойти,
И Вате молвил грозно: «Где мне теперь найти
Красавицу Хергарду, младую герцогиню,
Что с королевским кравчим любви предавалась доныне?»

[1527]Все в ужасе молчали, и тут промолвил он:
«Хергарда, если б даже воссели вы на трон,
То спесь и алчность ваша стыдом бы вас покрыли,
Вы госпоже Кудруне в Нормандии плохо служили»,

[1528]Все разом закричали: «Даруйте жизнь ей, Вате!»
А он. сказав: «Пощады не будет виноватой,
Я стольник и красавиц учить уму сумею», —
Перерубил ударом ее белоснежную шею.

1529 Все девы разбежались. Бои в замке угасал.
Король зеландский Хервиг пришел в парадный зал
С своими храбрецами – в густой крови кольчуга, —
И госпожа Кудруна приветливо встретила друга.

1530Не мешкая нимало, воитель снял свой меч,
На светлый щит кольчугу стряхнул с могучих плеч,
Весь ржавчиной окрашен, – рыжели лоб и брови.
Он бился, дик и страшен, во имя высокой любови.

1531Король нортландский Ортвин явился вслед за ним,
Приспели Морунг, Ирольт. Так жарко было им
В чешуйчатых доспехах, что рыцари их сняли
И, радуясь победе, пред очи красавиц предстали,

1532Бойцы устали, каждый был этой битвой сыт,
И тут же поспешили сложить свой меч и щит,
И шлемы отвязали, идя к прекрасным женам.
Там встретила Кудруна их самым сердечным поклоном.

1533Почтительно склонились датчане перед ней.
Дочь Хильды не скрывала от преданных друзей,
Как рада она видеть своих вассалов знатных,
Как любо ей услышать о славных их подвигах ратных.

1534И Зигфрид мавританский с почетом принят был,
Как это добрый рыцарь делами заслужил,
Его благодарили все дамы до единой
За то, что он расстался для них со своей Карадиной.

1535Как только Кассиана была покорена,
На милость хегелингам сдалась и вся страна.
Держать совет собрались воители. Тогда-то
Спалить дворец и замки друзьям посоветовал Вате.[149]

1536«Разрушить Кассиану? Нет, этому не быть'

Здесь наша королевна со свитой будет жить.
Пусть вынесут убитых, – сказал датчанин Фруте, —
Спалить твердыню, – значит, лишить наше войско приюта.

[1537]Высок и крепок замок, надежен его кров,
Велите, чтобы смыли со стен густую кровь,
Чтоб этих красных пятен не видеть женским взорам.
А всю страну нам нужно объехать военным дозором».

[1538]Все вняли слову Фруте, – датчанин был умен, —
Собрали в замке трупы и вынесли их вон,
(Тела героев раны сплошные покрывали),
И бросили в пучину, кого у ворот подобрали.

[1539]Там сорок сотен трупов качалось на волнах.
Их зрелище вселяло уныние и страх.
Еще не все свершилось, что смелым предстояло
Меж тем княжна Ортруна со свитой в плену пребывала.

[1540]Ее прислужниц тридцать и шесть десятков слуг
Кудруна охраняла, как самый верный друг:
«Я им свой мир дарую, они не виноваты,
А с пленными своими что хочет пусть делает Вате».

[1541]Был Хоранту поручен над пленными надзор,
И под его опекой был королевны двор —
Ей Хорант приходился ближайшею роднёю.
Заботиться о деве тем больше пристало герою.

[1542]Отныне находились под властью храбреца
Все шестьдесят чертогов и три больших дворца,
И сорок башен. Хорант там полновластно правил.
В его владеньях Вате Кудруну со свитой оставил.

[1543]На все суда герои поставили охрану,
А Хартмут был отправлен обратно в Кассиану,

Где родичи норманна делили его долю,
И знатные девицы, попавшие тоже в неволю.

1544И чтоб из заточенья никто не мог бежать,
Их доблестным датчанам велели охранять,
И десять сот героев для этого остались.
А Вате вместе с Фруте еще воевать собирались.

1545За ними тридцать тысяч сподвижников пошли.
Что на пути встречалось, все хегелинги жгли,
Угодья побежденных огнем заполыхали,
А Хартмут благородный впервые предался печали.

1546Герои марки Штурмен и Дании, они
От замков оставляли развалины одни,
Прекраснейшую в мире добычу захватили
И множество красавиц в невольниц своих обратили.

1547И долго слуги Хильды свою творили месть,
Пока не сокрушили всех замков двадцать шесть.
Горды своим походом, душой возликовали,
И много сотен пленных к своей королеве пригнали.

1548И вдоль дорог норманнской униженной земли
Герои знамя Хильды победно пронесли,
Туда, где ожидали Кудруна и девицы,
Воители желали в отчизну теперь возвратиться.

1549А те кто в Кассиане остались ожидать,
Тут вышли за ворота торжественно встречать
Бойцов отважных Фруте и Вате с их уловом.
Датчане вопрошали: «Ну, рыцари, как повезло вам?»[150]

1550«Нам счастье привалило, – ответил Ортвин им, —
За мужество спасибо сподвижникам моим,
Все, что враги забрали у матушки с сестрицей,

Мы с нашими бойцами уже возместили сторицей».

1551А старый мудрый Вате повел такую речь:
«Кого нам здесь оставить Нормандию стеречь?
Пусть к нам сойдет Кудруна, нам надо торопиться
Со всем, что мы добыли, к своей королеве явиться».

1552«Датчанин Хорант! Морунг! – вскричали стар и млад, —
Они пусть остаются и землю сторожат,
Мы тысячное войско дадим им на подмогу».
А пленных хегелинги забрать собирались в дорогу,

1553Они домой спешили: пора, давно пора!
Уже пестрела пристань от всякого добра,
Что им принадлежало и то, что с бою взято.
Да, было чем похвастать дружинникам Фруте и Вате!

1554Велели, чтобы вышел князь Хартмут из ворот
С норманнскими бойцами, – а и было их пятьсот,
Захваченные в поле, все пленниками стали,
В безрадостной неволе их долгие дни ожидали.

1555Прекрасную Ортруну на берег привели,
Ее с девичьей свитой на горе обрекли,
Они людей любимых и родину теряли,
Что выпало Кудруне, то нынче они испытали.

1556Всех пленных хегелинги в страну свою везли,
А замки побежденных в их руки перешли;
Датчанин Хорант, Морунг тут правили отныне,
И с тысячью отважных остались они на чужбине.

1557«Хочу просить сердечно, – гостям князь Хартмут рек, —
Я жизнь свою, и землю готов отдать в залог,
Чтоб мне остаться дома и не терять свободы».
«В плену, – ответил Вате, – вы будете долгие годы.

[1558]Не знаю, в чем причина, что хочет родич мой
Такого супостата везти к себе домой.
Дай Ортвин мне согласье, уж я бы постарался,
Чтоб этот знатный рыцарь в оковах уже не нуждался».

[1559]«Что проку, если даже, – тут Ортвин возразил, —
Всех, кто теперь под стражей, я злобно бы убил?
Пусть князь с его дружиной останется в надежде,
Что пользоваться будет таким же почетом, как прежде».

[I560]Своих коней герои свели на корабли,
Сокровища и платья туда перенесли.
О чем они мечтали, сбылось на самом деле,
И те, кто раньше плакал, от радости громко запели.

XXX авентюра
Как они отправили к Хильде послов

[1561]Ликуя, хегелинги взошли на корабли,
А раненых и мертвых, что в битве полегли,
Три тысячи пришлось им оставить в Нормандине,
Помянут и оплакан был каждый, кто пал на чужбине.

[1562]Попутный ветер резво гнал их по гребням волн,
И радостью высокой был каждый рыцарь ноли,
Они гонцов послали с известьем горделивым,
Обрадовать всех близких своим возвращеньем счастливым.

[1563]На двор к прекрасной Хильде посланцы торопились,
Не знаю лишь, как скоро они туда явились.
И не было для Хильды милей и лучше вести,
Чем та, что старый Людвиг зарублен Зеландцем на месте.

[1564]Спросила королева: «Как дочь моя живет?»
«Свою невесту Хервиг к вам по морю везет.
Сопутствовало счастье зеландскому герою:
Им в плен захвачен Хартмут с Ортруной, пригожей сестрою».

[1565]«Вот радостные вести! – воскликнула она, —
По их вине я горем была удручена,
Как пленников увижу, я им воздам исправно
За все, что я терпела, скрывая от близких и явно

[1566]Я вас осыплю златом за то, что эта весть
Такое утешение сумела мне принесть.
И радоваться будем удаче обоюдно».
Гонцы сказали: «Это, владычица, сделать не трудно.

1567Зане мы столько злата от недругов везем,
Что. не из небреженья, другого не возьмем,
Все барки паши полны казною золотого,
А должность казначея досталась лихому герою».

1568услышав это, Хильда готовить приказала
Для пышной встречи близких, которых ожидала,
На славу угощенье – и кушанья, и вина,
И каждому сиденье, как следует это по чину

1569Прислуга в Мателане, не покладая рук,
Трудилась на поляне, у замка и вокруг,
Л плотники усердно устраивали место.
Где с почестью большою воссядут жених и невеста.

1570Не знаю, много ль в море им выпало тревог,
По только юный Ортвин с воителями мог
Доплыть до Мателаны за шесть педель, не ране.
И много знатных пленниц они привезли к Мателане.

1571Герои возвратились. Я слышал, будто год
Продлился их победный в Нормандию поход.
То было время мая, бойцы, ликуя, плыли,
Хотя своих мучении и тяжких трудов не забыли.

1572Когда из Мателаны узрели паруса,
То трубы загремели, раздались голоса
Рогов и флейт, и громко ударили литавры.
Входил в их гавань Вате, причалили к берегу мавры.

1573И Ортвин не замедлил с дружиною пристать.
Тут. выехала к морю со свитой его мать,
Покинув стены замка, – она гостей встречала;[151]
А дочь ее Кудруна с подругами шла от причала.

1574Хозяйка с ее свитой сошли уже с коней,

Отважный рыцарь Ирольт подвел Кудруну к ней.
Как ни прекрасно Хильда дитя родное знала,
Ока ни королевны, ни дев остальных не узнала.

[1575]Сто девушек прекрасных перед собой узрев,
Владычица сказала: «Кому из милых дев
Открыть свои объятья как дочери, не знаю,
По все вы здесь желанны, я в сердце вас всех обнимаю».

[1576]«Вот эта ваша дочерь!» – так Ирольт ей ответил.
Объятья, поцелуи… Как этот миг был светел!
Он был для них дороже, чем все земное злато,
Их горести былые исчезли теперь без возврата.

[1577]Тепло был принят Ирольт владычицей своей,
А после старый Вате склонился перед ней.
«Привет тебе сердечный, мой несравненный воин,
Ты за свое служенье земли и короны достоин».

[1578]И Вате ей ответил: «Покуда буду жить,
Всем, чем я только в силах, готов тебе служить».
Тогда поцеловала она его и сына.
А вскоре прибыл Хервиг и с ним боевая дружина.

[1579]Вел за руку Ортруну отважный Хервиг-князь.
Просить у королевы Кудруна принялась:
«Даруйте знатной деве, сударыня, лобзанье,
Меня бедняжка чтила, служила мне в тяжком изгнанье».

[1580]«Того, кого не знаю, не стану я лобзать,
Кто родственники девы? Как эту деву звать,
Для коей поцелуя вы просите душевно?»
Ответ гласил: «Ортруна; она, как и я, королевна».

[1581]«Так вот о чем ты просишь! Нет, этому не быть!
Для нас куда пристойней велеть ее убить.

Родня Ортруны много нам горя причинила,
И все, о чем я плачу, лишь души врагов веселило».

1582 «Ортруна неповинна, – Кудруна ей в ответ, —
Совсем не в ней причина всех наших горьких бед,
Суди сама, была ли б я в чем-то виновата,
Когда бы убивали противников Фруте и Вате?»

1583И слушать не хотела Кудруну ее мать,
Но дева продолжала, рыдая, умолять.
И тут сказала Хильда: «Не надо плакать боле,
Даруем мир Ортруне, тебе угождавшей в неволе».

1584Так Хильда свою злобу сумела превозмочь
И Людвига-норманна поцеловала дочь,
Приветив прочих пленниц. В ту светлую минуту,
Явилась Хильдебурга к ним об руку с доблестным Фруте.

1585Сказала королевна: «Возлюбленная мать,
Прошу вас Хильдебургу радушно обласкать.
Что может быть достойней, чем преданная дружба?
Пусть золото и жемчуг дадут Хильдебурге за службу».

1586 И Хильда отвечала: «Мне ведомо уже,
Как верно Хильдебурга служила госпоже,
До той поры венца я с отрадой не надену,
Пока не заплачу ей за все справедливую цену».

1587Она поцеловала подругу прежних лет,
Потом сказала Фруте: «Позора в этом нет,
Что я пошла навстречу тебе и всей дружине.
С прибытием, герои! Вас ждут в нашей древней твердыне».

1588Все Хильде поклонились учтиво. В этот миг
Правитель мавританский их гавани достиг,
Его бойцы на берег сошли толпою тесной,
И воздух огласился приятной арабскою песней.

1589Владетельного гостя хозяйка дождалась,
С большою честью принят был мавританский князь.
«Привет вам, сударь Зигфрид, я век у вас в долгу
За то, что помогли вы отмстить мое горе врагу».

1590«Сударыня, охотно за вас я постою,
Когда ж вернусь обратно я в вотчину свою,
(Чтоб с Хервигом расчесться уехал я оттуда),
То с доблестным Зеландцем вовеки сражаться не буду».

1591Герои разгрузили немедля корабли,
Богатую добычу на берег отнесли
……
……[152] за Хервигом все поспешили.

1592Хозяйка поскала с гостями в чистый дол,
Для каждого у замка стоял шатер и стол,
Листвой зеленой были украшены сиденья,
А слуги так служили, что просто одно загляденье.

1593Выплачивала Хильда долги за бедняка,
И дивно не скудела дающая рука.
У ней казны с лихвою для добрых дел хватило,
Хоть всех людей задаром кормила она и поила.

1594Пять суток отдыхали усталые бойцы,
Ни в чем нужды и горя не знали храбрецы,
И только рыцарь Хартмут сидел в оковах сиро.
Пришли к хозяйке девы просить для воителя мира.

1595Явилась к ней Кудруна с Ортруною вдвоем.
«Никто за зло не должен платить другому злом —
То правило благое, вы, матушка, почтите
И с вашей добротою норманнского князя простите».

1596«Дитя, – сказала Хильда, – об этом не проси ты,
Из-за него мой Хетель и рыцари убиты,
Пускай теперь в темнице искупит преступленье».
Все знатные девицы упали тогда на колени.

1597Тут молвила Ортруна: «Даруйте жизнь герою,
Он честно вам послужит, ручаюсь головою.
Молю, над братом сжальтесь, не будет вам урону,
А будет только к чести вернуть ему власть и корону».

1598А все другие девы заплакали навзрыд,
Что он закован в. цепи, в узилище сидит,
Король норманнов Хартмут, и песни его спеты.
Тяжелые оковы на всех его близких надеты.

1599Сказала королева: «Обрадую сестру.
Пусть пленники свободно приходят ко двору,
С них цепи снять, но прежде пускай дадут присягу,
Без нашего согласия отсюда не сделать ни шагу».

1600С высокородных пленных оковы сняли прочь,
Их выкупать велела прекрасной Хильды дочь,
Надеть пышней наряды и в горницы позвать их,
Таким бойцам пристало ходить в подобающих платьях.

1601Когда явился Хартмут меж рыцарей других,
Он был намного краше героев остальных,
Терзаемый заботой, хотя и был раскован,
Казалось, был он кистью на белой стене нарисован.[153]

1602Он вызвал состраданье у женщин, оттого
Все дамы благосклонно смотрели на него,
Их ненависть и злоба сочувствием сменялись,
Забыли, как жестоко два стана недавно сражались!

1603А Хервиг благородный надумал той порой

Из края хегелингов отправиться домой,
Коней седлать велел он и вьюки приторочить.
Узнала это Хильда, отъезд попросила отсрочить.

1604«Прошу Вас, сударь Хервиг, подольше погостить,
Услуг бесценных ваших мне век не позабыть.
Прошу повремените, – она рекла герою, —
Покамест торжества я для верных друзей не устрою».

1605 Он молвил: «Королева, скажу вам не тая,
Что если кто уехал в далекие края,
Его увидеть жаждут семья и домочадцы,
И нашего приезда родные не могут дождаться».

1606«Как счастлива я буду, – она рекла опять, —
Коль вы мне честь большую решите оказать.
А мне, вдове несчастной, нужна всего лишь малость,
Чтоб дочь моя короной в родной Мателане венчалась».

1607Герой не соглашался, она просила вновь,
В слова свои вложила всю к дочери любовь.
К ее отраде Хервиг ей не перечил боле, —
Как это облегчило всем пленникам тяжкую долю!

1608Велела Хильда ставить сиденья для гостей,
Тьма рыцарей на праздник пожаловали к ней.
Для каждого героя тут были честь и место.
Гремела весть, что Хервиг короной венчает невесту.

1609Из подданных, что Хервиг сюда с собой привел,
Никто из Мателаны до срока не ушел.
А Хильда в шелк и бархат всех девушек одела,
О доброй своей славе всегда королева радела.

1610Она дала одежду и целой сотне дам.
Никто из бедных пленниц обижен не был там,

Их тоже нарядили богато и красиво,
Прекрасная хозяйка здесь всех одарила на диво.

1611На пире нужен стольник. Кто им обязан стать?
За Ирольтом хозяйка изволила послать,
Дворецким же назначен был Вате, старый воин.
Отправились за Фруте, был чести и он удостоен,

1612Хотела королева, чтоб чашником он стал.
«Сударыня, охотно, – ей Фруте отвечал, —
Но мне по чину землю должны вы предоставить,
Вручив двенадцать стягов, чтоб Данией начал я править».[154]

1613Хозяйка рассмеялась: «Нельзя того никак,
Ведь датским королевством владеет твой свояк,
Отважный рыцарь Хорант, его как чашник ныне
Ты дружески заменишь, коль скоро он сам в Нормандине».

1614Обязанности слугам строжайше разъяснили,
Узорный шелк и бархат, – их много лет хранили, —
Раздать велела Хильда гостям своим желанным,
И слуги разносили их – званным на пир и незванным.

1615Давали без изъятья всем, кто бы ни просил,
И праздничные платья здесь каждый полупил.
Не знаю, как хозяйка столь щедро всех дарила,
Здесь ровно тридцать тысяч одних только пленников было.

1616Всех так одеть богато ну кто бы это мог,
Хотя бы весь арабский служил ему восток?
Пет, не нашли бы лучших одежд и левантинцы[155]
Чем те, что дочка Хильды гостям припасла на гостинцы.

1617Красавица сидела среди своих гостей.
И Ортвина велела позвать скорее к ней.
Благой совет герою хотелось дать Кудруне,

Чтоб брат ее женился на пленнице знатной Ортруне.

[1618]В покои королевны отправился герой
И ласково был принят красавицей сестрой.
Кудруна встала с кресел, пошла к нему навстречу
И, отведя в сторонку, с такой обратилася речью:

[1619]«Любимый брат, послушай мой искренний совет,
Коль счастьем наслаждаться ты хочешь много лет,
Так нет вернее средства, чем я тебе открою,
Ты браком сочетайся с норманнского князя сестрою».

[1620]«Добро ли мне жениться на пленнице моей?
Я Хартмута не числю среди своих друзей,
Мы Людвига убили. Боюсь, что дева тоже
Не раз об этом вспомнит, вздыхая на свадебном ложе».

[1621]«Брат, благосклонность девы ты должен заслужить.
И, взяв Ортруну в жены, счастливо будешь жить.
Прошу тебя об этом, желаючи добра,
Прислушайся к советам», – ему отвечала сестра.

[1622]Сказал отважный рыцарь: «Достойна ли она,
Чтоб ей покорны были вассалы и страна?
Коль это так, жениться на деве я согласен».
Кудруна отвечала: «И будет удел ваш прекрасен».

[1623]Он все поведал близким. Сказала Хильда: «Нет»,
Тогда как смелый Хервиг жениться дал совет.
Открылся Ортвин Фруте, и тот сказал: «Женитесь,
Ведь с лучшими бойцами Нормандии вы породнитесь.

[1624]Пора уже оставить нам ненависть былую,
А как нам это сделать, я просто растолкую:
На пленнице Ортруне вы женитесь, а там уж
Мы деву Хильдебургу за Хартмута выдадим замуж».

1625Отважный Хервиг друга охотно поддержал:
«И я бы Хильдебурге совет подобный дал.
Подвластны сотни замков норманнскому герою,
С ним будет и богатой, и знатной она госпожою».

1626Стремясь устроить счастье любимицы своей,
Кудруна потихоньку заговорила с ней:
«За преданную службу воздам тебе я ныне,
Короной королевской украсишься ты в Нормандине».

1627Сказала Хильдебурга: «Постылая судьба
К тому идти в супруги, кому я не люба,
И если жить нам вместе и стариться придется,
То часто друг на друга и гневаться нам доведется».

1628А ты, – рекла Кудруна, – не доводи до ссор.
Я с Хартмутом предвижу нелегкий разговор,
Спрошу его, придется ль воителю по нраву,
Коль мы его с дружиной отпустим в родную державу.

1629Князь Хартмут благодарность мне выразит в ответ,
Так пусть он мне послужит, я дам ему совет.
Не прочь ли он жениться, спрошу я, на особе,
Чтоб с нами подружиться, конец положить всякой злобе».

1630И Хартмута позвали. С ним вместе Фруте шел,
В покои королевны он пленника привел.
Две знатные подруги с Кудруной пребывали,[156]
Ее советы вскоре избавили их от печали.

1631Сын Людвига достойно прошел сквозь весь покой,
Ему навстречу встали все девы до одной
С узорчатых сидений. Порыв их был понятен, —
Князь Хартмут был отважен и был благороден и знатен.

1632Вошедшему норманну внимание и честь
Кудруна оказала и пригласила сесть.
«Сядь возле Хильдебурги, – дочь Хетеля сказала, —
Она со мной одежду тебе и всей свите стирала».

1633«Мне ваш укор понятен, – ответил ей король, —
Но знайте, ваши муки мне причиняли боль.
Мать все от нас скрывала. О том, как вы страдали,
Ни я, ни мой родитель, ни наши герои не знали».

1634Кудруна отвечала: «Нет, это не в укор,
Есть у меня к вам тайный, особый разговор».
«Правдивы ль эти речи? – подумал рыцарь смелый, —
Для моего спасенья такими их, господи, сделай».

1635Один лишь верный Фруте допущен третьим был,
Когда с прекрасной девой воитель говорил.
Она сказала: «Хартмут, вы мои совет примите,
И много тяжких бедствий уже навсегда избежите».

1636«Я знаю вашу душу, – промолвил князь в ответ, —
Благим и справедливым он будет, ваш совет.
И я ему доверюсь открыто и душевно,
И выполню охотно, что мне повелит королевна».

1637«Чтоб жизнь тебе оставить, простить твою вину,
Я и мои родные дадим тебе жену.
Спасешь ты честь и землю. На этом будем квиты.
П будут наши – распри тогда навсегда позабыты».

1638Он молвил: «По кого же вы прочите мне в жены?
Одно я вам отвечу, и это непреклонно,
Что я скорей погибну, чем слово дам жениться
На той, которой дома мне после пришлось бы стыдиться».

[1639]Кудруна отвечала: «Суди об этом сам.
Твою сестру я замуж за Ортвина отдам,
А деву Хильдебургу ты должен взять в супруги.
Поверь, что ты не сыщешь милей и достойней подруги».

[1640]"Ну если в самом деле все обернется так,
И с Ортвином Ортруна в законный вступит брак,
Я деву Хильдебургу в супруги взять согласен,
Мы распри позабудем и будет союз наш прекрасен».

[1641]Она сказала: «Клятву жениться дал мой брат.
И ты получишь земли наследные назад,
Вернешь свое богатство и замки в Пормандине.
Так пусть и Хильдебурга там властвовать будет отныне».

[1642]«Я это обещаю и руку в том даю.
Пусть Ортвии сдержит клятву, я – выполню свою.
Чтить будут Хильдебургу, ее приказам внемля.
Дарить мы станем вместе и в лен отдавать наши земли».

[1643]И молвила Кудруна, когда он дал обет:
«Я мир хочу упрочить на много, много лет.
За мавра выдам замуж я Хервига сестрицу,
И дружба между нами тогда навсегда воцарится».

[1644]Прочней и лучше мира еще не видел свет,
Чем дева утвердила. Ей Фруте дал совет
Двух рыцарей отважных позвать в ее палаты,
Властительного мавра и Ортвина, милого брата.

[1645]По зову девы оба явились ко двору
В таких нарядных платьях, что слов не подберу.
Потом гонцов за Вате, за Ирольтом послали.
Друзья, уединившись, совет с королевной держали.

[1646]И молвил старый Вате: «Но как мириться нам,

Пока Ортруна с братом не бросятся к ногам
Так много претерпевшей хозяйки Мателаны?
Простит их королева, так с нами поладят норманны».

[1647]Тут молвила Кудруна: «Хочу вам рассказать я,
К ним Хильда не враждебна. Взгляните хоть на платья,
Что дочь Герлинды носит, – их мать моя дала нам.
Я все берусь устроить, чтоб мы помирились с Норманном».

[1648]И встала тесным кругом толпа друзей, подруг.
Ортруне с Хильдебургой идти велели в круг.
Князь Хартмут, юный Ортвин красавиц в жены взяли.
Им Хильда пожелала не знать ни вражды, ни печали.

[1649]К себе отважный Ортвин любимую привлек
И ей надел на палец червонный перстенек,
И дева позабыла былую боль и муку,
Когда украсил перстень ее белоснежную руку.

[1650]И Хартмут Хильдебургу в объятья заключил.
Он перстень обручальный от девы получил,
И ей надел на палец свое кольцо. Поверьте,
Что с девой беспорочной он был неразлучен до смерти.

[1651]Сказала дочка Хильды: «Любимый Хервиг мой,
Возможно ль за твоею отправиться сестрой,
Чтоб здесь у хегелингов устроить ей смотрины
И дать ее в супруги потом королю Карадины?»

[1652]Ответил деве Хервиг: «Отправившись за ней,
Вернутся ваши сваты через двенадцать дней,
Но трудно им придется. Прекрасная девица
Без наших провожатых покинуть страну не решится».

[1653]«Так вы бойцов пошлите за девушкой, прошу я,
И тем себе же радость доставите большую.

Им Хильда приготовит еду, питье и платье,
А вас за вашу службу смогу похвалить и обнять я».

1654«Но где ей взять наряды? – князь Хервиг вопросил, —
Когда владыка мавров наш край. опустошил.
Сгорело все…» Тут Зигфрид заверил их душевно,
Что и в одной рубашке возьмет на себя королевну.

1655И Хервиг за сестрою сто воинов послал.
Скорее возвращаться он людям наказал,
Отправил с ними Фруте и доблестного Вате.
Хоть им и трудно было, но долг они помнили свято.

1656Посланцы днем и ночью спешили как могли,
Зеландии достигли, красавицу нашли,
С трудом внушили Вате, чтоб он не начал боя.[157]
И мирно королевну и дев ее взяли с собою.

1657От замка и до моря их Вате провожал.
У берега он вскоре галеры увидал,
В одну из них и девы, и все герои сели.
До замка королевы проплыли они две недели.

1658А в замке Матслана вся рыцарская знать
Решала, как почетней красавицу встречать.
Вот подняли знамена, поехали навстречу,
А после обратились к невесте с приветственной речью.

1659Ну мог ли быть где-либо радушнее прием?
Встречали гостью Хильда с Кудруною вдвоем
И много знатных женщин. И тоже не без свиты
Была сестра Зеландца, хоть замки их были разбиты.

1660С ней ехали три сотни вассалов и друзей.
Когда же смелый Хервиг стал приближаться к ней,
То рыцарской потехой почтил сестру брат милый.

Доспехи зазвенели, клинки ударяли в них с силой.

1661Когда четыре князя к их гостье подскакали,
Герои-хегелинги негромко спорить стали,
Кто из красавиц краше, и порешили скоро,
Что все собой пленяют. На этом их кончились споры.

1662Тут госпожа Кудруна, а после дамы все
Расцеловались с гостьей, дивясь ее красе.
Ввели в шатер шелковый невдалеке от моря.
Как дева удивилась, услышав, что ждет ее вскоре!

1663К ней Зигфрида позвали и стали вопрошать:
«Согласны ли в супруги вы князя мавров взять?
Служить вам будут девять земель, ему покорных».
А князь стоял со свитой из доблестных рыцарей черных.

1664Отец его был черен, а мать была светла,
По-христиански белым и сына родила.[158]
Блестели его кудри, как пряжа золотая.
Была бы неразумной невеста, его отвергая.

1665Но медлила с ответом красавица, стыдясь,
Почтен ее обетом был мавританский князь,
И молвил славный рыцарь: «Она мила мне тоже,
Я ей служить отважусь и в ратных трудах, и на ложе».

1666И тут они в любови друг другу поклялись.
Все пары брачной ночи насилу дождались;
Блаженством сокровенным печали их кончались.
Четыре королевны коронами вскоре венчались.

XXXI авентюра
Как в стране у Хильды четыре короля праздновали коронацию

[1667]В тот день короновались с почетом короли,
В сан рыцарский пять сотен героев возвели.
Шел праздник небывалый у замка на просторе.
То было в Мателане, у берега синего моря.

[1668]Дала одежду Хильда гостям и всей родне.
Ах, как хорош был Вате на скачущем коне!
Как бились Ирольт, Фруте, отважные герои,
Как, копья наклоняя, в куски их ломали все трое!

[1669]Не веял ветер в поле, но пыль застлала свет,
Как будто мглой ночною. А смелым дела нет,
Что платья дам прекрасных от пыли станут черны,
Они без передышки на бугурте бились упорно.

[1670]Мужи не захотели здесь женщин оставлять.
Всех четырех избранниц и королеву мать
К окошкам усадили дивиться на сраженье.
Сто девушек прекрасных составили их окруженье.

[1671]Певцы и скоморохи – бродячий пестрый люд —
Гостям свое искусство показывали тут.
А на другое утро в собор пошли всем миром,
Обедню отстояли и вновь развлекались турниром.

[1672]Веселый шум и песни от полноты сердец
Немолчно наполняли чертог и весь дворец.
Все это продолжалось три долгих дня подряд,
А слуги хлопотали и ждали богатых наград.

[1673]Певцы и все, кто были в их странствующем братстве,
Мечтали о внезапно полученном богатстве.
Один воитель знатный услышал их желанье
И милостью своею поддерживал их упованья.

[1674]То был король зеландский. Он щедрою рукой
Им жаловал подарки с готовностью такой,
Что все благодарили его с восторгом истым.
Певцов и скоморохов осыпал он золотом чистым.

[1675]Его родня и слуги от щедрости своей
Певцам дарили платья, оседланных коней.
Когда же юный Ортвин увидел их даянья,
Он с доблестным зеландцем немедля вступил в состязанье.

[1676]Богатые одежды стал Ортвин раздавать.
Носил ли кто дороже, не смею утверждать.
Король с его дружиной, верша дела благие,
Свои наряды сняли, остались почти что нагие.

[1677]А сколько пышных платьев – их всех не сосчитать —
Певцам и скоморохам изволил Зигфрид дать,
Коней арабских резвых им мавры тоже дали,
Те, кто их получили, о лучших дарах не мечтали.

[1678]Все стали богачами в ту пору – стар и млад.
Почтить гостей дарами был Хартмут тоже рад,
Как будто его замки враги не разорили,
И все его подарки здесь самыми лучшими были.

[1679]хоть пленниками звались он и его друзья,
Но щедрыми остались, как истые князья,
Все, что они имели, норманны не хранили,
А людям отдавали, когда их об этом просили.

1680 Кудруна Хильдебургу, подругу юных дней,
Всегда дарила ласкай и милостью своей,
И Хартмуту старалась оказывать услуги,
Чтоб был он благосклонней к ее неразлучной подруге.

1681Норманну от Кудруны подарки приносили,
Чтоб люди, это зная, с почтеньем говорили:
«Кого хозяйка наша так жалует богато,
Тот сам, кому захочет, подарит одежду и злато».

1682Герои марки Штурмен на празднество пришли,
Одеты как вельможи иль даже короли,
И те, кто насладиться их щедростью желали,
Не долго подношений от доблестных рыцарей ждали.

1683Богаче той одежды, что Вате подарил,
Доселе ни единый властитель не носил,
Сияющая сетка одежду покрывала,
Каменьем драгоценным и золотом чистым сверкала.

1684Затем, что в каждой петле держался самоцвет,
Их чуждое названье само бросало свет
На то, что в Абалии гранили те каменья.
Подаркам щедрым Вате все отдали дань восхищенья.

1687Ведь все, кто их увидел, должны были признаться,
Что знатным государям за Вате не угнаться,
Что их дары померкли перед его дарами,
А те, кто получил их, считались потом богачами.

1686Большую щедрость Ирольт выказывать умел,
Он нажитых сокровищ нисколько не жалел.
Следил как стольник Фруте за всем порядком зорко,[159]
А верность его Хильде и щедрость вошли в поговорку.

1687Пришла пора прощаться, окончился их пир.

Был с Хартмутом подписан теперь почетный мир
По манию Кудруны. И Хартмут с храбрецами
Потом домой вернулось, счастливей, чем чаяли сами.

[1688]На росстанях Кудруна и Хильда, ее мать,
Отправились из замка любезно провожать
В дорогу Хильдебургу и Хартмута со свитой.
Тут с ними распрощался их пленник и гость именитый.

[1689]Властительная Хильда назначила охрану
На суше и на море сопутствовать Норманну,
И десять сотен пленных прислали Ортвин с зятем
К услугам новобрачных, чтоб войско в Нормандию взять им.

[1690]Вот уже все дамы, целуясь, обнялись.
Из глаз красавиц слезы недаром полились:
Вновь свидеться отныне им судьбы не сулили.
Герои Ортвин, Хервиг чету на корабль проводили.

[1691]К норманнским землям Ирольт их провожатым был,
Король просил, чтоб Ирольт сам Хоранту открыл,
Как мирно хегелинги с норманнами простились.
(А скоро все датчане в отчизну свою возвратились.)

[1692]Не знаю, сколько плыли и поздно или рано
Норманнские герои достигли Кассианы.
И тут воспряли духом бойцы на корабле;
Их бог вернул из плена и вывел к родимой земле.

[1693]Когда могучий Хорант ту новость услыхал,
«Нам правильнее будет, – он Ирольту сказал, —
Из вотчины норманнской на родину убраться.
Хватило бы терпенья мне этого часа дождаться».

[1694]Лишь Хартмут прибыл, стали датчане уезжать,
А как он дальше правил, не знаю, что сказать.

Домой отважный Хорант так сильно торопился,
Что в малый срок с друзьями в отчизну свою воротился.

[1695]На этом их покинем. Останется сказать.
Что в жизни не случалось героям завершать
Большой придворный праздник пышней и веселее,
Там гордо красовались еще храбрецы Карадеи.

XXXII авентюра
Как все остальные отправились домой

1695Но дальше жить у Хильды герои не могли,
И Хервига сестрицу, ликуя, повезли
К супругу в Альцабею. Друзья им вслед глядели.
В дорогу отправляясь, все гордые мавры запели.

1697С зеландцами любезно простилась госпожа.
Хоть те богаты были, у Хервига служа,
Но Хильда без подарков их в путь не отпустила,
И можно счесть за диво, как щедро гостей наградила.

1698Кудруна ей сказала: «Приободрись душой,
Оставь скорбеть о мертвых. Я и хозяин мой
Служить тебе готовы, чтоб ты забыла горе.
Как добр и кроток Хервиг, ты сможешь увериться вскоре».

1699Сказала королева: «Возлюбленная дочь,
Коль ты в моей печали желаешь мне помочь,
Пускай твои посланцы, врачуя сердца рану,
Три раза ежегодно приходят ко мне в Мателану».

1700Кудруна изъявила согласие, и вот,
Мешая смех и слезы, все вышли из ворот.
Она и ее девы вздыхали неустанно,
Оглядываясь часто на стены родной Мателаны.

1701Но беды их кончались чредой счастливых дней.
Уж подали всем дамам оседланных коней,
Чья сбруя верховая вся в золоте сверкала,
И с близкими прощанье затягивать Хильда не стала.

1702Подругам, не носившим повязки головной,[160]

Взгрустнулось, что Ортруна, став Ортвина женой,
В Нортландию со свитой к супругу уезжала,
Кудруна же невестке лишь полного счастья желала.

[1703]А юная Ортруна, не сдерживая слез,
Сказала ей: «Кудруна, воздай тебе Христос
За то, что возвратила ты Хартмуту владенья.
От многих дум печальных ты мне принесла
облегченье».

[1704]И мать Кудруны Хильду она благодарила
За счастье, что корону она теперь носила,
Что будет госпожою с державным мужем вместе,
И Хильда отвечала, что счастья желает невесте.

[1705]Герои Ортвин, Хервиг – младые короли —
Блюсти свой сан высокий обет произнесли,
Быть верными друг Другу, вступаться брат за брата,
А если враг нагрянет, вдвоем победить супостата.

На этом кончается Кудруна.

Приложения

Р. В. Френкель. Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе

I. Проблема датирования «Кудруны»

Созданная в XIII в., поэма «Кудруна» («Гудруна») занимает место в одном ряду с «Песнью о Нибелунгах»[161] – прославленным эпосом немецкого Средневековья. Вильгельм Гримм писал в «Германских героических сказаниях»: «От „Нибелунгов" – я непосредственно перехожу к поэме о Гудруне, потому что она так близка к ним по внутреннему достоинству и только с ними может быть сравнена».[162] Этот выдающийся ученый, знаток и собиратель фольклора прочел в Берлинском университете специальный курс о «Кудруне» (1843) и в нем, сопоставив «Песнь о Нибелунгах» с «Илиадой», отвел «Кудруне» место немецкой «Одиссеи».[163] Эта мысль стала расхожей в немецкой критике.

Сравнение двух немецких поэм с гомеровским эпосом справедливо в том смысле, что в «Кудруне» картины быта знатного общества представлены полнее, чем в «Песне о Нибелунгах», развязка благополучна, а, главное, «Кудруне» так же, как «Одиссее», свойствен дух приключений: ветер странствий надувает паруса, корабли бороздят море, на фоне которого происходят почти все события поэмы.

Гете был прав, сказав, что в самой фабуле «Кудруны» есть что-то от моря и морских островов («Etwas Meer und Inselhaftes»).

Ученые установили, что в основе этого эпоса лежат предания, старые, как седые валуны. Поэма складывалась и перестраивалась постепенно, пока какой-то один поэт не охватил всего целого единой мыслью и не придал ему окончательной формы. Сказать, когда это произошло, можно лишь приближенно. Первый ориентир дает нам точная рифма в поэме. В древнем германском стихе организующим элементом была аллитерация – повторы согласных звуков. В IX–X вв. германская героическая поэзия осваивает новый рифмованный стих. Однако для рифмы считалось достаточным, если в конце двух парных

строк совпадал один согласный звук (консонанс) или же один ударный гласный звук (ассонанс). Точная рифма хотя и встречалась, но только случайно. Под влиянием провансальских и французских образцов точная рифма утвердилась в поэзии на средне-верхненемецком языке лишь в конце XII в. «Песнь о Нибелунгах» (ок. 1200 г.) уже знает строгую рифму. Неточная рифма в этом эпосе остается лишь как архаический пережиток для очень небольшого числа слов.[164]

То же самое встречаем мы и в «Кудруне». Эту нижнюю границу, свидетельствующую о том, что «Кудруна» оформилась как конкретный литературный памятник не ранее этого времени, уточняют на основании упомянутого в поэме имени *Виголеис* (так зовут одного из второстепенных персонажей поэмы). Его имя – переделанное на немецкий лад французское имя *Вигалуа*. Последнее стало известно в Германии между 1204–1209 гг., когда немецкий поэт Вирнт фон Графенберг сочинил обширный стихотворный роман «Вигалоис, или Рыцарь с колесом» в подражание неизвестному французскому образцу. Графенберг был современником знаменитых немецких поэтов Гартмана фон Ауэ и Вольфрама фон Эшенбах. Вольфрам у Графенберга, по-видимому, заимствовал имя *Вигалоис:* оно встречается в романе Вольфрама «Парцифаль», законченном в 1210 г. Скорее всего отсюда его перенял поэт «Кудруны» (как *Виголеис),* поскольку в эпосе мы находим еще некоторые редкие названия, упоминающиеся в «Парцифале». Видимо, на этом основании В. М. Жирмунский отнес время создания «Кудруны» к первому десятилетию XIII в.[165]

Современные немецкие филологи чаще всего относят «Кудруну» к 1230–1240 гг.[166] Они ищут в тексте поэмы косвенные указания на время ее завершения и усматривают ряд параллелей к историческим фактам и обстоятельствам. Вот некоторые из их наблюдений, систематизированных К. Дрёге.[167]

В поэме изображены владения короля Хетеля, чья власть простирается на Штормарн и Дитмаршен, Годьштинию и Северную Фрисландию. Покорилась ему и Нифландия, т. е. земля ливов. Это – точное подобие Дании в годы правления Вальдемара II (1200–1241). Наряду с датчанами деятельное участие в походе Хетеля принимают фризы. Между тем и в реальных Крестовых походах в Прибалтику 1217 и 1227 гг. фризы действовали наиболее активно. Указанные

обстоятельства могут также пояснить, почему сюжет, связанный с датским и фрисландским Севером, привлек внимание поэта: события XIII в. придавали ему новизну.

В строфах 295–296 выведен правитель, который дает купцам и другим лицам, путешествующим по его стране, охранные грамоты и конвой. За покровительство он получает дары. Это было привилегией немецких князей, которую они приобрели в 1235 г. В, этом же году был заключен Майнцский земский мир, что могло предопределить интерес поэта «Кудруны» к изображению гибельных последствий различных усобиц и поворот фабулы к мирному их разрешению. Пятая же строфа, содержащая сентенцию автора о неизбежной смерти, которой не минуют сильные мира сего, могла быть навеяна событиями 1230–1231 гг., когда один за другим скончались Леопольд Австрийский, Людвиг Баварский, Оттокар I – король Богемии.

Ученые сходятся на том, что «Кудруна» является более поздним памятником, чем «Песнь о Нибелунгах». Соглашаясь с этим в принципе, К. Штакман, выпустивший одно из последних научных изданий «Кудруны», скептически относится к косвенным доводам и считает, что в вопросах датирования поэмы исследователи зашли в тупик.[168]

Хотя в литературных памятниках XIII в. нет никакого упоминания о дошедшей до нас поэме, что могло бы служить прямым доказательством того факта, что «Кудруна» к этому сроку уже была завершена, нам кажется правомерной точка зрения Б. И. Пуришева, относящего время создания поэмы в окончательном ее виде к первой трети XIII в.[169]

II. Историческая действительность

Это было время, когда в Германии утвердился феодализм со всей своей сложной системой социальной иерархии, время господства Штауфенов (Гогенштауфенов) – династии германских императоров (1138–1254). Германская империя достигла при них небывалого внешнеполитического могущества, но в отличие от Франции и Англии, где начинали складываться централизованные монархии, в Германии усиливалась политическая и экономическая раздробленность.

Германские императоры стремились господствовать в Европе, они вели войны в Италии, шли Крестовыми походами на Ближний Восток и в славянские земли. К прежним владениям, составлявшим собственно немецкое королевство, присоединилось много новых земель, захваченных немцами, в том числе графство Австрия, земли лужицких сербов между Одером и Эльбой (Лабой), славянские земли к югу от Дуная. Немецкими вассалами стали Чешское королевство и государство Ободритов, Средняя и Северная Италия, Бургундия. С конца XII в. к владениям Германской империи прибавилось Сицилийское королевство.

А между тем в самой Германии росла мощь крупных феодалов, имперских князей. Уже Фридрих I Барбаросса (годы правления – 1152–1190), этот могучий император, ведя войны в Италии и на Ближнем Востоке, вынужден был просить помощи у князей, что ослабляло его власть в стране. Его внук, Фридрих II, носивший корону обеих Сицилии еще до того, как стал императором, продолжал политику деда и хотел подчинить себе всю Италию. Ради этого он отдал Германию в руки князей, которым даровал новые привилегии, сделавшие имперских властителей политически почти независимыми государями на их землях.

В Саксонии, Тюрингии, Франконии и в других территориальных княжествах Германии строились новые замки-крепости, а старые перестраивались, укреплялись башнями, бастионами. Их владельцы могли выдержать осаду неприятеля, укрывшись со своим войском за крепостными стенами метровой ширины. Дорога к замкам, нарочито узкая – можно было проехать только одному всаднику, преграждалась рядами копий; вход во внешние, единственные ворота[170] вел к подъемному мосту через ров, а потом лишь во внутренние ворота, представлявшие собой целую башню. Замок графа или князя, правителя края, состоял из ряда строении, в центре был pallas – дворец, а в нем рыцарский зал для торжеств. Отдельно размещались свита, дворцовые слуги. Каждый замок имел часовню, или молельню. У иных правителей имелись конюшни и баня. Если место позволяло, то был разбит сад. В подвалах под стенами помещалась сокровищница, были темницы для пленных, прорывались подземные ходы. Все это описывается в «Кудруне» (26, 51, 138, 1(18, 381, 441, 1145, 1303 и др.). [171]

К этому времени завершается процесс превращения крестьян из крепостных в свободных арендаторов (так называемых майеров), широко применявших труд батраков. Если же крестьянин не мог арендовать землю и не шел в батраки, он обычно уходил в город. Города же к XIII столетию окрепли настолько, что играли уже заметную роль в экономике и общественной жизни. Развилось ремесло, Одни города вели оживленную торговлю с Италией, другие с Францией, третьи отправляли свои корабли во Фландрию, Брабант и восточные славянские земли. Города росли, выступая за пределы своих крепостных степ, когда-то опоясывавших их, а теперь ставших тесными, украшались новыми ратушами, соборами, возносящимися над узкими улицами с островерхими домами. Могучий и тяжеловесный романский стиль потеснила готика, более гибкая и изящная. Целый мир человеческих чувств и характеров отразился в ранней готической скульптуре, составляющей часть убранства этих богатых храмов.

Города уже начинали отстаивать свою независимость, но император запретил им заключать союзы против князей, тогда как его западный сосед, французский король, смиряя непокорных феодалов, искал опоры у горожан.

Опорой германских императоров было рыцарство. При Штауфенах оно пережило свою самую блестящую пору. С упадком императорской власти сословие рыцарей утратило свой политический престиж и экономическое могущество. Зловещим симптомом этого процесса, начавшегося в XIII в., были шайки рыцарей-разбойников, грабящих на больших дорогах клириков и купцов и учиняющих зверскую расправу над крестьянами, как это описано в «Крестьянине Гельмбрехте».[172] Разумеется, и в военных походах Штауфенов немецкое рыцарство пролило немало вражеской крови.

Однако именно в это время, как и в других странах Запада, развивается новая, более тонкая культура, связанная с феодальными замками. В этом процессе большое значение имели заморская торговля, развитие внешних связей, влияние первых университетов, а также Крестовые походы. Дело в том, чтр в Италии и на мусульманском и византийском Востоке рыцарство не только познакомилось с сокровищами Леванта, богатством северных Ломбардских городов, утонченностью иноземных обычаев, но и нашло

там высокую образованность. Под влиянием этого у рыцарей появилось желание изменить свой привычный, примитивный уклад жизни, а это привело к невиданной ранее роскоши, к устраиванию торжественных празднеств и церемоний. В то же время рыцарство стало претендовать на особую миссию, которой будто бы оно облечено.

Во Франции и под ее влиянием в других западных странах возник особый рыцарский кодекс, по которому истинный рыцарь должен не только быть отважным, уметь искусно владеть оружием, но также быть достаточно образованным, щедрым, великодушным, защищать слабых и сирых, находить удовольствие в музыке и поэзии. Для него превыше всего – понятия чести и верности. Он должен быть верен своей религии, своему сюзерену, избранной даме, которой обязан служить как своей госпоже и питать к ней «высокую любовь». Все это соединялось в понятии «куртуазность»: на провансальском наречии – cortezia, по-французски – courtoisie, по-немецки – hovecheit, что можно дословно перевести как «придворное вежество», но при этом следует учесть, что «вежество» означало не только соблюдение обычаев и приличий высшего общества, но еще и постоянное совершенствование своей личности. С этим связано и соблюдение во всем должной меры (maze). Последнее понималось как воспитанность и сдержанность. От рыцаря требовалось* обуздание своих страстей, подчинение слепых порывов дисциплине долга.

Куртуазный кодекс выражал феодальную идеологию. Он нашел воплощение в куртуазной поэзии – прежде всего в творчестве миннезингеров, как назывались немецкие поэты-рыцари, букв, «певцы любви» (от средневерхненемецкого minne – «любовь» и singaere – «певец»). В лирике миннезингеров доминировала любовная тематика, но она была не единственной. Радость жизни, прелесть природы нашли отражение в их поэзии, политические события также получили у них отклик (например, в творчестве великого лирического поэта Средневековья Вальтера фон дер Фогельвейде, ок. 1170–1230 гг.)

Стихотворный роман был второй обширной областью так называемой рыцарской, или куртуазной, поэзии, которая, по емкому определению В. Г. Адмони, «знаменовала первый широкий прорыв в чисто религиозной культуре католического Средневековья, означала предвестье Возрождения»[173]»

III. Мир рыцарского романа и повести

Создателем первого куртуазного романа в Германии был Генрих фон Фельдеке (род. между 1140–1150 гг., умер. ок. 1210 г.). Он был также талантливым миннезингером, но всеобщее признание заслужил как автор «Энеиды» (закончена в 1189 г.). Это было вольное переложение анонимного «Романа об Энее», созданного на языке Северной Франции на сюжет знаменитой поэмы Вергилия. События, описанные в римской эпопее, немецкий поэт переносит в обстановку средневековой Германии. Главный предмет его повествования – любовь и подвиг, и тут благодарным материалом для него послужила любовь Энея и Дидоны.

Своей «Энеидой» Фельдеке означил новый этап в развитии немецкой поэзии. Он ввел в обыкновение короткий четырехударный стих, рифмующийся попарно, не разделенный на строфы, точную рифму, правильное чередование ударных и неударных гласных. И это стало образцом для всех создателей рыцарского эпоса.

Мы назовем только трех самых великих немецких поэтов конца XII – начала XIII вв., в творчестве которых куртуазный роман и повесть достигли своей вершины. Это – Гартман фон Ауэ, Вольфрам фон Эшенбах и Готфрид Страсбургский. Мы мало о них знаем: почти ничего об их жизни, немного об их сочинениях. И все же отличительная черта куртуазной литературы в том, что она не анонимна. Поэт не прячется в тени, а с гордостью называет свое имя, говорит о своих заслугах. Из подробностей, рассеянных в стихотворных строках, вырисовываются характерные биографии. Так, Гартман фон Ауэ (ок. 1170–1210 гг.), поэт следующего поколения, последователь Фельдеке, в своем самом известном произведении, стихотворной повести «Бедный Генрих» (ок. 1195 г.), рассказывает, что он служил в замке у господ Ауэ (в Швабии), принадлежал к небогатому рыцарству – министерналам. Он был настолько учен, что читал по-латыни и по-французски, а в конце XII в. далеко не каждый немецкий рыцарь был даже грамотен. Считают, что образование Гартман получил в монастырской школе, готовясь стать кляриком. Однако он им так и не стал. В 1189–1191 гг. Гартман принял участие в Третьем крестовом походе, о чем повествуют его три «крестовых песни» (krenzlieder).[174]

Гартман тоже обратился к французскому куртуазному роману, но имеющему не античный и даже не исконно французский источник, а фольклор древних кельтов. Речь идет о так называемых романах «артуровского», или «бретонского», цикла.

Создателем артуровского романа во Франции был выдающийся поэт Кретьен де Труа (ок. ИЗО – ок. 1190–1191 гг.), написавший пять рыцарских романов. Гартман фон Ауэ переработал два из них, дав им те же названия, что и у Кретьена, – «Эрек» (ок. 1190 г.) и «Ивейн» (после 1200 г.).

«Что касается маленькой стихотворной повести Гартмана „Бедный Генрих“, о которой уже шла речь выше, то в ней повествуется о чудесном духовном и телесном исцелении рыцаря и на примере его судьбы показывается, что истинная любовь не знает сословных преград, а подлинное благородство может найти себе место в душе простой крестьянской девушки, чей непритязательный быт описан Гартманом заинтересованно и дотошно..

В небольшой повести Гартмана фон Ауэ все легко обозримо. Иное дело грандиозный рыцарский эпос «Парцифаль» (28 840 стихов), принадлежащий сверстнику Гартмана, баварскому рыцарю Вольфраму фон Эшенбах, великому поэту немецкого Средневековья. В «Парцифале» множество персонажей. Среди простых смертных встречаются и волшебники. В нем сложная, многоплановая композиция. Действие происходит на Западе и на Востоке, в сказочных дворцах, келье отшельника, в чаще леса. Прихотливая смена эпизодов управляется велением автора, одно приключение сменяется другим. Приключение (то же, что авентюра) – понятие в куртуазном романе очень важное и многозначное. Немецкое aventiure (от лат. adventura, франц. aventure) – это предприятие, связанное с опасностью для жизни, рыцарский подвиг, совершаемый ради чести и славы. Оно означает и что-то удивительное, и даже судьбу. Авентюра – настолько существенный компонент рыцарского романа,[175] что нередко персонифицируется и в качестве музы поэта превращается в госпожу Авентюру, так же как в куртуазной поэзии персонифицируется госпожа Любовь. В соответствии с вышесказанным «Парцифаль» расцвечен поединками, схватками, битвами. В нем много говорится о приключениях.

Главный герой романа, королевич Парцифаль, проходит путь «авентюры духа», трудный путь душевного развития, он становится хранителем священного камня Грааля. Этот чудесный камень способен насыщать каждого по его желанию, даровать молодость и блаженство. Однако Грааль у Вольфрама – это и символ христианской святыни, символ высшей человечности.

Немецкий поэт расширил географические границы легенды о Граале, предпослав истории Парцифаля приключения его отца Гамурета на Востоке, который женился на мавританской королеве. Мотив брака двух любящих, которые разнятся цветом кожи, столь сильно прозвучавший у Вольфрама, мы находим и в «Кудруне» (строфа 1664), и мотив этот был продиктован высокими гуманистическими устремлениями средневековых поэтов.

Современник Вольфрама Готфрид Страсбургский был весьма образован. Он был близок к епископскому двору, но ему решительно чужда религиозная устремленность Вольфрама. О Готфриде мы знаем только то, что он жил в торговом верхнерейнском городе Страсбурге. Титул meister, который обычно прибавляют к его имени, говорит о его простом происхождении (в противоположность дворянскому herr – «господин»).

Его единственный, оставшийся незавершенным, роман – «Тристан» (19 552 стиха), который представляет собой переработку «Романа о Тристане» французского поэта Тома.

Кельтское предание о юноше и девушке, испивших волшебный напиток и потому охваченных необоримой страстью, в трактовке немецкого поэта превратилось в рассказ о великой земной любви. Волшебное питье стало поэтическим символом этого чувства, а его углубленный анализ в романе является значительным шагом средневековой литературы в постижении душевных переживаний человека. Ведь область психологии чувства трудно завоевывалась словом. же у Гартмана фон Аур и Готфрида Страсбургского она еще связана с жестом и символикой цветов.

Мастер Готфрид в своем романе охотнее изображает пышные празднества и рыцарские развлечения, чем кровавые битвы и поединки, которые по возможности он опускает. Мир у него ясен, как будто всегда освещен солнцем. В его произведении проявляются черты, чуждые рыцарской литературе.

Готфрид обращается к повествовательным жанрам, возникшим в городе в конце XII–XIII в. Это прежде всего короткие занимательные стихотворные рассказы, называемые во. Франции фаблио (fabliaux), а в Германии шванки (schwanke). В них изображается жизнь более реалистично, хотя и более приземленно, с бытовыми подробностями, а это эстетике рыцарского романа было совершенно чуждо как слишком низменное. Героями этих стихотворных рассказов являются люди всех сословий, но чаще всего горожане – ловкие, остроумные и сметливые, которые при помощи этих качеств достигают осуществления своих желаний. Среди подобного рода историй особенно распространен сюжет о неверных женах. В романе Готфрида есть много эпизодов, сходных со шванками, например такие, где королева Изольда п рыцарь Тристан ловко обманывают простодушного короля Марка и его злых советников. Однако обман и хитрость не компрометируют их любви, не лишают возлюбленных благородства. Но любовь их чревата гибелью, поскольку она нарушает феодальные установления и оказывается беззаконной. И поэтому роман Готфрида пронизан трагизмом,

IV. Немецкий героический эпос. Искусство шпильманов

Рыцарский роман не господствовал безраздельно в немецкой письменной литературе. На юго-востоке Германии, в придунайских землях, Баварии и Австрии, в XII–XIII вв. возникают обширные героические поэмы путем переработки старинных эпических песен, которые сохранились в устной традиции еще с дофеодальных времен. Их источником был не мир кельтских преданий, воспринятый через призму французских куртуазных романов, а исторические предания древних германских племен, уходящие корнями в эпоху переселения народов. Эти богатырские поэмы о Зигфриде, о гибели бургундского королевства, о Кудруне (песнь о ней мы причисляем к этому роду поэзии), об изгнании и возвращении Дитриха Бернского, одного из самых излюбленных героев германского эпоса, складывались и исполнялись уже не дружинными певцами, как в старину, а новыми, профессиональными поэтами, бродячими певцами – шпильманами (spilraan – букв, «игрец»), забавлявшими своим искусством простой люд на ярмарках, постоялых дворах, в деревнях, находивших

слушателей в феодальных замках, отправлявшихся вместе с воинами в походы за море. Их часто называют просто бродячими людьми (fahrende leute), хотя среди странствующих можно встретить и небогатого рыцарями-нистериала и школяра, и подмастерья. Церковь» издавна преследовала шпильманов. Согласно средневековому судебнику («Саксонскому зерцалу», VIII–IX вв.), шпильманы, так же как преступники, стоят вне закона (rechtlos). Тот, кто против желания отца становится шпильманом, лишается наследства. Но когда в XII в. к ним присоединились странствующие клирики и из их среды выделились талантливые поэты, имя «шпильман» получило новое значение и вес. Знатные господа охотно берут их на службу, дают им различные посольские поручения.

Эпическое искусство шпильманов в противоположность рыцарскому роману оставалось анонимным. Поэт не называет своего имени, значительно сдержаннее в своих оценках, прямо не порицает и не хвалит поступки тех лиц, которые изображены в его произведении. Этому искусству присущ гиперболизм (числа или силы), что особенно впечатляет в сценах массовых битв: от ударов мечей содрогается земля, море стонет, искры столбом летят из шлемов, кольчуг, копья и стрелы сыплются, как хлопья снега, противники наносят друг другу страшные раны, после боя приходится отмывать со стен густую кровь. В «Кудруне» богатырь Вате с такой силой трубит в рог, подавая сигнал к началу сражения, что сдвигаются камни, из которых сложены стены замка. «В героических поэмах, – пишет Б. И. Пуришев, – отражалась жизнь, исполненная опасностей, могучих страстей и трагических столкновений».[176] Там, где героический эпос показывает, рыцарский роман больше анализирует и рассуждает. Героическому эпосу свойственны определенные формулы в описании битв, торжеств, красоты и силы героев, восходящие к фольклору и представляющие общее достояние, а не плод индивидуального творчества. Средневековый поэт-шпильман окружен слушателями и адресует им свое повествование, нередко прерывая его обращением: «Я хочу вам рассказать.»… и т. п.

В середине XII в. эти обширные поэмы предназначались уже не для песенного исполнения, а для чтения вслух по рукописи, т. е. появился книжный эпос. В эту эпоху в литературных памятниках нередко встречается ссылка на книгу как на свидетельство того, что

рассказанное поэтом не вымысел, а случилось в действительности («Кудруна», 505; «Крестьянин Гельмбрехт», стих 393). Этой же цели служат и ссылки на старинные предания («Кудруна», 22, 197). Ориентация на правду жизни, на изображение действительности «всерьез» сочетается в героическом эпосе с фантастикой, он сохраняет связи со сказкой.

Присущая героическому эпосу строфическая форма с ее неспешными длинными строками, разделенными на полустроки цезурой, создавала совершенно иное настроение, нежели короткий стих рыцарского романа. Однако рыцарский роман и героический эпос, существуя в одно, время, влияли друг на друга. Героический эпос подвергался феодализации, а также христианизации. Повествуя о событиях древних времен, он переносил их действия в обстановку феодального государства XIII в. Героический эпос перенимал и описательный стиль куртуазного эпоса, хотя и при этом он тяготел не к аллегоризму и абстрактным понятиям, а к непосредственному показу вещей а событий.

V. Судьба рукописи «Кудруны». Падания и исследования

Создание «Кудруны» завершилось лет на тридцать позднее «Песни о Нибелунгах». Но как различны были их судьбы! «Песнь о Нибелунгах» дошла до нас в тридцати трех рукописях, где поэма представлена или полностью, пли в отрывках, тогда как «Кудруна» – в одной единственной рукописи XVI в. (1505–1515 гг.). Это так называемая «Амбразская рукопись», или «Амбразская книга героев» („Ambraser Heldenbiich"). Название это происходит от замка Амбраз близ Инсбрука, где рукопись хранилась, а писал ее таможенный писец Ганс Рид по заказу императора Максимилиана I, прозванного «последним рыцарем» за его попытки оживить идеалы рыцарской культуры в дворянском обществе своего времени. Уцелело письмо императора с распоряжением переписать образец, названный им „Heldenbuch an der Etsch". Прилежный копиист списывал с рукописи, не дошедшей до нас. составленной, как полагают, на рубеже XIII–XIV вв., судя по названию, в австрийских землях, в долине реки Эч. Амбразская копия снабжена оглавлением. На титульном листе этой уникальной рукописи изображены два великана в рыцарском

облачении, под сенью гранатовых деревьев, а над ними красный тирольский орел. В кодексе, писанном в три столбца, содержатся произведения рыцарской литературы и среди них прежде всего «Эрек» и «Ивейн» Гартмана фон Ауэ, далее идут памятники немецкого героического эпоса и в последнюю очередь стихотворные шванки и назидательные истории, среди которых «Поп Ампс» Штрикера и «Крестьянин Гельмбрехт» Вернера Садовника (одна из двух сохранившихся рукописей этой повести).

«Кудруна» следует за «Песнью о Нибелунгах» и «Жалобой» – поэмой, созданной вскоре после «Песни о Нибелунгах» и повествующей о судьбе тех героев, которые не погибли в кровопролитных битвах между бургундами и гуннами, описанных в «Песни». «Кудруна» заполняет листы 140[a]– 160[a]: отсюда легко представить размеры этой удивительной рукописи. Если бы не рвение безвестного составителя «Книги героев на реке Эч» и не романтическое увлечение Максимилиана I культурой Средневековья, мы не знали бы «Кудруны». «Амбразская рукопись» составлена не случайно, а с разбором и толком. Остается загадкой, почему «Кудруна», занявшая в ней столь точное, подобающее ей место, не имела распространения. Виной ли несчастный случай, что рукописей «Кудруны» не сохранилось? Или, как считает В. М. Жирмунский, причина в том, что «по своему сюжету она осталась изолированной в процессе циклизации средневекового немецкого эпоса».[177] Наконец Бруно Бёш предполагает, что в 40-е годы XIII в. – время, к которому относится завершение поэмы, – в феодальном мире Германии произошли перемены, отразившиеся на читательских интересах, а именно эпическая поэма, родственная по духу и художественной манере «Песни о Нибелунгах», не находила своего читателя. «Сейчас, – пишет Бёш, – большой успех сулило облечь старый материал в формы бездумного шпильманского эпоса».[178] Здесь имеется в виду, созданный шпильманами во второй половине XII в. тип эпических поэм преимущественно авантюрного характера. Их наиболее распространенный сюжет – сватовство и добыча невесты хитростью, с помощью верных слуг («Король Ротер», «Освальд», «Орендель»), путешествия героя в дальние страны («Герцог Эрнст»). Шпильманы охотно вводили в свои произведения сюжеты и мотивы восточных сказок, например о Синдбаде-мореходе. Они проторили

дорогу восточной экзотике в рыцарский роман, но и сами испытали влияние рыцарского романа.

Однако высказанных соображений, на наш взгляд, недостаточно, чтобы объяснить загадку существования единственной рукописи «Кудруны». Впрочем, Средневековье знает и другие аналогичные примеры. Так, если знаменитый французский «Роман о Розе» сохранился в нескольких сотнях списков, то «песня-сказка» «Окассен и Николетта» дошла до нас лишь в одной рукописи. Но вернемся к судьбе нашей поэмы, чтобы решить другой вопрос: что в ней принадлежит традиции, а что явилось новшеством, изобретением ее создателя. Для этого рассмотрим, в каком направлении шло изучение «Кудруны» немецкой критикой, и ознакомимся с предположениями, откуда могли зародиться ее сюжет и образы.

Прошло триста лет после того, как «Амбразская рукопись» была закончена, и за это время никто и нигде не упомянул о «Кудруне».

В 1817 г. А. Примиссер, разбирая в Вене собрание рукописей, перенесенных недавно из замка Амбраз, нашел манускрипт, составленный Гансом Ридом,[179] и вскоре издал его совместно с Ф. Г. фон дер Хагеном.[180] Им пришлось вносить исправления в написание многих слов, метрику ряда стихов, порядок строф, так как из-за ошибок переписчика нарушалась логика повествования. Еще сложнее обстояло дело с метрической формой. «Кудруне» присуща своя особая строфа, состоящая из четырех длинных стихов, рифмующихся попарно и разделенных цезурой на два полустишия. Все начальные полустишия имеют по четыре ударных слога и женское окончание. Заключительные полустишия первой пары также имеют четыре ударных слога, но при мужской рифме. Заключительные полустишия второй пары стихов построены сложнее: в третьем стихе строфы заключительное полустишие хотя и четырехударно, но заканчивается женской рифмой. Особенно бросается в глаза завершающее полустишие четвертого стиха: в нем уже шесть ударений. Строфа «Кудруны» в первой паре стихов совершенно совпадает с нибелунговой строфой, но во второй паре от нее отлична: последнее полустишие на один слог длиннее, чем в строфе «Нибелунгов». Вторая пара стихов кудруновой строфы совпадает с началом строфы «Титуреля», а это произведение Вольфрама фон Эшеибах датируется 1220 г. Развилась ли титурелева строфа из кудруновой или же имело

место влияние Вольфрама на строфику «Кудруны»? Наконец существовала ли кудрунова строфа в немецкой поэзии прежде, чем она зазвучала в верхненемецком эпосе? На все эти вопросы до сих пор нет ответа, так как они связаны с непреодоленными трудностями хронологии. И пока не открыт более ранний памятник с родственной метрикой, который мог бы пролить свет на этот вопрос, мы считаем кудрунову строфу вариантом нибелунговой, а точнее кюренберговой строфы, потому что еще до появления «Нибелунгов» такой строфой пользовался поэт-миннезингер Кюренберг (середина XII в.).

В поэме есть много отступлений от схемы строфы в ее чистом виде, но дело этим не ограничивается. Наряду с нормальной кудруновой строфой здесь насчитывается сто правильных нибелунговых строф, больше половины которых стоит в первой четверти поэмы. Ученые по-разному объясняют эту странность. А. Хойслер допускает, что нибелунговы строфы по ошибке внес Ганс Рид.[181] Ф. Нойман считает, что это автор «Кудруны» развил и усложнил нибелунгову строфу, но не сразу достиг совершенства и ошибался, особенно вначале, сбиваясь на прежнюю привычную схему.[182] Э. Сивере усматривает здесь не ошибку переписчика или поэта, а стилистическое средство, к которому создатель «младшего» эпоса намеренно прибегает, чтобы создать нужное впечатление.[183]

Помимо сказанного, в поэме имеются 408 строф, где есть внутренняя рифма перед цезурой. Исследователи не пришли к единому мнению, являются ли все эти отклонения от строфической формы «Кудруны» новшеством, привнесенным поэтом в XIII в., пли же это пережиток старой формы, изменившейся с течением времени.

Не меньше трудностей представляет и язык поэмы. Ведь Ганс Гид, согласно своему разумению, списывал «Кудруну», переводя ее на свой язык – язык XVI в. Издатели «Кудруны», напротив, стремились перевести копию на язык оригинала – средневерхненемецкий язык первой половины XIII в., сохранив при этом окраску австро-баварского диалекта. Именно так «окрашен» язык «старшего» эпоса – «Песни о Нибелунгах». Многие диалектные особенности языка «Кудруны» (например, kom, kômen и никогда kam, kamen) указывают на местность в долине Дуная. Тем самым «Кудруна» включается в большую группу средневерхненемецких поэм, принадлежащих этому краю. Критическое издание «Кудруны», предпринятое К. Варчем, заложило

основы для текстологической работы, продолженной П. Пипером, Е. Мартином и другими немецкими филологами, выпустившими хорошо прокомментированные издания «Кудруны».[184]

Иную задачу ставили перед собой сторонники песенной теории К. Лахмана. Этот выдающийся ученый в области немецкой филологии и исследователь «Песни о Нибелунгах» считал героический эпос плодом коллективного творчества многих поэтов. По Лахману, каждый из них сочинил одну какую-то песнь на основе народного предания. Из этих песен, объединенных позднейшими редакторами, и составлялся эпос. Эту теорию «редакционного свода» ученики Лахмана применили к исследованию «Кудруны». Они пытались отделить «подлинные» строфы поэмы от «неподлинных», привнесенных разными «правщиками», и выделить первозданные «эпические песни», из которых сложилась поэма.

Л. Эттмюллер разбивает «Кудруну» на отрывки и различает в поэме труд четырех компиляторов, из которых один будто бы внес отдельные строфы и сгладил шероховатости, другой что-то добавил к содержанию, третий украсил стихи внутренней рифмой, а последнему принадлежат нибелунговы строфы.[185]

К. Мюлленгоф по-своему делит поэму на песни и находит в ней трех интерполяторов. Стремясь отделить пшеницу от плевел, он признает всего четыреста строф подлинными, 1530 строфу – завершающей, а все остальные – позднейшей добавкой.[186]

Против попыток деления эпоса на эпизоды, разрушавшие его единство и цельность, выступил в Германии В. Вильманс.[187] А. И. Кирпичников, первым в России привлекший внимание к «Кудруне», писал: «Эттмюллер имеет достоинство, общее всем критикам лахмановской школы, – остроумие, и общий недостаток – произвол».[188] С этой точки зрения русский ученый критикует Мюлленгофа, выбросившего три четверти поэмы как интерполяции, а также последователя Мюлленгофа – Плошшуса, который добавил к «очищенному» тексту несколько десятков стихов и выпустил «Кудруну» в таком адаптированном виде, присовокупив свой перевод на современный немецкий язык.[189]

Чувствительный удар был нанесен школе Лахмана фундаментальной работой известного немецкого филолога Ф. Панцера «Хильда-Кудруна». Автор на протяжении многих страниц сличает

строфы, разделенные Мюлленгофом на «подлинные» и «неподлинные», он доказывает их единство и приходит к выводу о «едином» авторе «Кудруны». Сказочные и книжные источники здесь так искусно переплетены и переработаны, пишет Панцер, «что я должен по праву утверждать: история „Кудруны" есть в чистом виде собственное изобретение ее поэта».[190]

Наконец теория песен Лахмана была решительно опровергнута А. Хойслером, крупнейшим исследователем эпоса в Германии. Хойслер выдвинул принципиально новое положение о развитии древнегерманского эпоса, которое потом применил в своем исследовании «Песни о Нибелунгах».[191] По его теории, германские сказания существовали лишь в форме героических песен. Каждая из этих песен трактовала какой-либо сюжет, исчерпывая его целиком. Песни отличались сжатым стилем изложения. Постепенно они разрослись и превратились в пространные эпопеи. «Однако этот процесс представляет разбухание, а отнюдь не сложение!» – пишет Хойслер и поясняет: ^Согласно теории редакционного свода, эпос относится к песне, как шеренга людей к отдельному человеку или как аллея деревьев к отдельному дереву», в то время как эпическая традиция германцев доказывает другое: «… эпос относится к песне так, как взрослый человек к эмбриону, как ветвистое дерево к саженцу».[192] Работа Хойслера была решающей в споре с теорией школы Лахмана. Однако это не означает, что в трудах ученых данного направления не было верных мыслей, ценных наблюдений. Л. Эттмюллер и К. Мюлленгоф, например, указали на трехчастное деление поэмы. По имени героя, о котором ведется повествование, эти части можно озаглавить: *Хаген – Хильда – Кудруна.*

VI. Композиция «Кудруны»

Центр повествования, что отразилось и в названии эпоса, – в истории Кудруны. История эта занимает две трети поэмы (573 – 1705). Все остальное – предыстория. Поэтому-то многие ученые рассматривают поэму как двухчастную, уподобляют ее в этом отношении «Песни о Нибелунгах». И так же, как «Песнь о Нибелунгах», «Кудруна» разделена на авентюры – их тридцать две. В данном случае это слово обозначает главу поэмы, отрезок,

предназначенный для рецитации, чтения по книге шпильманом или ученым клириком. Мы не знаем, кто разделил поэму на неравные куски и дал им заголовки, иногда только по первым строфам, не исчерпывая содержания (например, в IX авентюре). Немецкие ученые отметили черты сходства двух эпосов в формулах приветствия и прощания, в описании красоты и силы героев, в сценах общего характера, например в сценах приема послов и гонцов, празднеств и битв. Близость эту можно объяснить сложившейся традицией эпического стиля. Но встречаются эпизоды и сцены более индивидуального характера, которые близки «Песни о Нибелунгах» настолько, что можно говорить об их заимствовании из «старшего» эпоса. По этому поводу давно уже собран обстоятельный материал.[193] Тем не менее в современном немецком литературоведении утвердилось мнение, что по отношению к «Песни о Нибелунгах» «Кудруна» представляет антитезу. У автора «Кудруны» своя концепция, независимая от «Песни о Нибелунгах», «которая является для него высоким образцом», – утверждает В. Гофман.[194]

На наш взгляд, если «Песнь о Нибелунгах» и служила создателю «Кудруны» «высоким образцом», то не менее сильно проявилось его стремление к противопоставлению своей поэмы «старшему» эпосу. Коснулось это и структуры «Кудруны». Две части «Нибелунгов» находятся в причинной связи, прямолинейной, как лезвие меча: убийство нидерландского королевича Зигфрида – и месть за него Кримхильды, его жены. «Кудруна» в дошедшем до нас виде облечена в форму семейного предания. Весь эпос связан сменой поколений, от начала до конца их проходит пять. Вначале говорится об ирландском короле Гере и его жене Уте, родителях Зигебанда. После смерти отца Зигебанд женится на норвежской королеве. Ее тоже звать Утой. У них родится сын Хаген. В детстве он был унесен грифом на дикий остров, где провел несколько лет. Описано его возвращение на родину, женитьба на Хильде, одной из трех королевен, деливших его судьбу на острове грифов. У супружеской четы родится дочь, которую в честь матери тоже назвали Хильдой.

Судьба Хильды, дочери Хагена, теперь в центре повествования. К королевне сватаются много женихов, но суровый отец всем отказывает, а сватов велит казнить. Король хегелингов Хетель, узнав о ее красоте, посылает в Ирландию верных слуг, они уговаривают Хильду бежать из

родительского дома к влюбленному Хетелю. Следует погоня за беглецами и битва за Хильду между Хагеном и Хетелем, которая, однако, оканчивается их примирением и женитьбой Хетеля и Хильды. Молодая королева родит двух детей – Ортвина и Кудруну.

Дальнейшее повествование целиком посвящено судьбе Кудруны. Поначалу ситуация кажется сходной уже с описанной. К Кудруне сватаются женихи – Зигфрид, Хервиг и Хартмут. Надменный отец всем отказывает. Тогда Хервиг идет войной, чтобы завоевать невесту, и добивается согласия родителей. Кудруне люб Хервиг. Они обручаются. Отъезд королевны к Хервигу откладывается на год. В это время Кудруну похищает норманнский князь Хартмут. Хетель и Хаген со своими воинами нагоняют похитителя, и на острове Вюльпензанде происходит бой, в котором Хетель, отец героини, погибает от руки Людвига, отца Хартмута. Тринадцать лет проводит Кудруна в плену, наконец ее освобождают, и она соединяется с Хервигом, верность которому хранила все годы.

Можно проследить главный и повторяющийся сюжет – сватовство, добывание невесты со все большим преодолением препятствий. В первом поколении эта ситуация только подразумевается – Гере с Утой уже пребывают в счастливом супружестве, им всего-то отдано несколько строф. От истории к истории повествование будет развертываться все шире, мотив «любовь – сватовство – свадьба» постепенно сделается организующим, предстанет в различных жизненных вариантах, явится источником драматических ситуаций и нравственных конфликтов.

В «Песни о Нибелунгах» два трагических пика – смерть Зигфрида в конце первой части, предвещаемая уже с первых строф, и гибель бургундов во второй, куда неотвратимо стремится все действие.

Начало «Кудруны» не предвещает мрачных событий. Ее безмятежный пролог (1 – 22) пронизан весельем, в нем зримо представлена картина весны и описана дорога среди лугов и лесов, по которой движется свадебный кортеж. В дальнейшем в поэме рассказано о пяти кровавых сражениях. Здесь, как и в «Нибелунгах», встает проблема мести, но она не приводит к тотальному уничтожению двух вражеских сторон. Все заканчивается их примирением. Таким образом, в конце поэмы снова наступает идиллия (1531–1705). «Кудруна» завершается четырьмя брачными союзами. Она начиналась

счастливым правлением короля Ирландии патриарха Гере, а закончилась счастливым миром, заключенным по желанию много страдавшей героини. Сквозь эту сюжетную канву проглядывают фабульные ходы и мотивы, оставшиеся от саг, легших в основу сюжета.

VII. Истоки сюжета

Составные части сюжета поэмы (немецкие критики обычно пишут Bausteine, т. е. буквально «камни, из которых построена») возникли не в одно время. История Хагена считается самой младшей, сложившейся в эпоху Крестовых походов. Эта часть больше всего насыщена сказочными мотивами, приключениями. Хотя и в других местах поэмы встречаются сказочные мотивы – мертвое море, магнитная гора, предание о подводном царстве, но там они только эпизоды, которые расцвечивают странствие мореходов. Здесь же царит особая сказочная атмосфера. Гриф, похитивший Хагена, сродни птице Рок арабских сказок. Подвиги, совершенные Хагеном на острове, тоже сказочны: он убивает дракона и, ухолив жажду его кровью, становится неуязвимым, – это может быть соотнесено только с сагой о Зигфриде в «Нибелунгах». Вообще в этой части поэмы очень пестрый сплав мотивов, что как раз характерно для творчества шпильманов, жадных до всякого рода авантюрных сюжетов, открытого влиянию различных жанров. Подруги Хагена, занесенные грифами на дикий остров, также похищены – одна из Индии, другая из Португалии, третья из Изерланда. Последнее, вымышленное название почерпнуто из «Парцифаля». Оттуда же и некоторые подробности: королевны собирают ягоды и коренья, чтобы накормить маленького пришельца, – в тех же словах описан скудный быт отшельника Треврицента в поэме Вольфрама. Хаген находит на берегу убитого воина и надевает его доспехи, – в этом видят (Панцер, Мартин) сходство с эпизодом, где Парцифаль забирает вооружение убитого Итера, и т. д.

Где и когда сложился сюжет главной части – история Кудруны, до сих пор является предметом споров. Самой ранней считают историю Хильды. У нее древние германские источники. Мы коснемся только основных из них, полностью или отчасти передающих сагу о Хильде.

1. Скандинавские источники

а) *«История датчан» Саксона Грамматика.* Саксон Грамматик (ок. 1150 – ок. 1210 гг.) написал во второй половине XII в. на латинском языке свою знаменитую историю Дании и в ее первых девяти разделах пересказал прозой множество скандинавских героических сказаний и песен.

Повествуя о царствовании Фроттона III, летописец рассказывает: норвежский король Хитин и король ютов Хогин[195] были друзьями. У Хогина была дочь Хильда, такая красавица, что норвежец влюбился в нее, еще не видя ее, а только слыша о ней. Хогин выдал дочь за Хитина. Друзья отправились в поход и завоевали королю Фроттону Оркадские острова. Вскоре Хитина оклеветали, обвинив в том, что Хильда еще до брака слюбилась с ним. Отец поверил навету и напал на Хитина, требуя вернуть ему дочь. Фроттон напрасно пытался их примирить. Тогда он дал совет решить дело поединком. Хитин был тяжело ранен, но Хогин пощадил его. Через семь лет они возобновили сражение на острове Hitinsö[196] и оба погибли от ран, которые нанесли друг другу. «Говорят, что Хильда была охвачена такой любовью к мужу, что она по ночам жалобными песнями пробуждала души умерших, чтобы они продолжали битву», – заключает летописец. В его изложении остается неясным, почему был возобновлен бой после того, как Хогин пощадил зятя. Возможно, автор изменил предание, и вместо фигурировавшего в нем обольщения и увоза девушки появился оговор. Это предположение обосновывают тем. что другой древнейший источник иначе передает ход событий.

б) *«Младшая Эдда».* Исландский ученый, поэт и политический деятель Снорри Стурлусон (1170–1241) в своей прозаической «Эдде»[197] рассказывает: Когда конунг Хёгни был на совете с другими предводителями, один конунг, по имени Хедин, увез его дочь. Хёгни погнался за ними и догнал беглецов у Оркнейских островов. Тогда Хильда явилась к отцу и предложила ему от имени Хедина ожерелье в знак примирения, но тут же сказала, чтобы он не ждал пощады от Хедина. Сурово ответил отец дочери. Вернувшись к мужу, она объявила, что Хёгни не желает примирения, и просила приготовиться к бою. Противники встретились на острове Высоком (Наеу), где

выстроили свои войска. Хедин предложил тестю мир и много золота. Но Хёгни предложение отклонил, и началась битва. Ее называют битвой хьяднингов (воинов Хедина). Конец сказания совпадает с рассказом Саксона Грамматика: Хильда колдовством оживляет убитых. Хьяднинги так и будут сражаться до конца света.[198]

Рассказ Снорри Стурлусона лишен противоречий и, можно думать, передает ход фабулы древней саги: бегство Хильды с Хедином, преследование беглецов отцом девушки, бой на острове, в котором оба противника погибают.

в) *«Прядь о Сёрли»*.[199] Версию сказания в мифологической трактовке дает «Прядь о Сёрли» (‚Sörlapatlr"), относящаяся к более позднему времени – XIV в. Ода такова: Локи[200] похитил у Фрейи[201] ожерелье. Один[202] обещал ей вернуть драгоценность, но с одним условием: Фрейя должна возбудить распрю между двух королей и чтобы те, убив друг друга, вновь и вновь восставали из мертвых и продолжали смертный бой до тех пор. пока христианский воин не избавит их от заклятья. Фрейя поручает валькирии[203] Гёндуле выполнить желание Одина. Жертвами воли богов стали два короля: Хедин, сын Хиарранди. короля Сарацинии. и Хёгни, сын датского короля. Три раза являлась Гёндула к Хедину. подстрекая его к распре с Хёгни. Тогда Хедин спросил ее, кто равен ему но силе и доблести. Валькирия назвала Хёгни. Хедин вызвал Хёгни помериться силой. Оба оказались равными в поединке. У Хёгни была дочь Хильда, известная своей красотой. Хедин хотел посвататься к ней, но Гёндула его подстрекнула похитить девушку в отсутствие Хёгни и убить королеву, что он и сделал. Явившись в третий раз, Гёндула дала Хедину выпить волшебный напиток, и он прозрел, осознав, какое зло содеял. Хедин решил увезти Хильду далеко от родных мест, но Хёгни догнал их у острова Ха, где начался бой между ним и Хедином. Когда противники надвое разрубали друг друга мечами до пояса, они вновь оживали, и битва возобновлялась. А Хильда глядела на это из рощи. В эпилоге рассказывается, что через 143 года на остров явился норвежский король Олав Трюггвасон. Согласно предсказанию, Ивар, один из часовых, снимает заклятие: он поражает обоих противников во время их поединка. Все исчезает бесследно, только окровавленный меч Ивара свидетельствует о минувшем сражении.

В этом сравнительно позднем источнике заметно сильное влияние христианства, но само предание о Хильде, так фантастически здесь преображенное, гораздо древнее. Сюжет его – похищение невесты и гибельный исход этого дела. Такими по типу были древние германские викингские песни. В них говорилось о разбойничьих набегах и увозе красавиц. Внутренняя пружина действия заключалась в свободном выборе, на который решается героиня, порывая со своим родом во имя любви. Этот тип старогерманских песен представляют «Песни о Хёльги» в «Старшей Эдде».

г) *«Старшая Эдда» – «Песни о Хёльги»*. В этих песнях, исторической основой которых, как считают, послужили битвы между отдельными родами и племенами в далекую эпоху переселения народов, встречаются знакомые нам имена: Хедин, Хёгни, Хединзее. Больше того, в одной из них витязь Хёльги открывает любимой, что он убил ее отца и брата, а когда девушка плачет, он говорит:

Сигрун, утешься,
была ты нам Хильд;
Судьбы не оспоришь!
Она отвечает:
Оживить бы убитых
и в объятиях твоих
укрыться бы мне![204]

Эта строфа возникла в начале XII в. и существовала самостоятельно до того, как была внесена в цикл «Песен о Хельги». Трагический сюжет сказания о Хильде отжат здесь до краткого изречения. В словах «была ты нам Хильд» – намек на то, что Сигрун, как и Хильд, явилась причиной битвы, а также здесь подчеркнут и самый смысл имени Хильд (Hildr), что значит «битва». В песнях «Эдды» говорится, что Сигрун была валькирией и носилась по небу и морю. И Хильда в древних героических песнях была валькирией, подстрекавшей воинов к битве.

Согласно приведенным источникам, место, где шел этот смертельный бой, – остров либо в Балтийском, либо в Северном море.

Шотландские и датские баллады на этот сюжет, записанные в XVII–XVIII в., – самые поздние свидетельства предания о Хильде. В них действие тоже происходит на Оркнейских островах.

2. Древнеанглийская поэзия

а) *«Видсид»*. Самым ранним свидетельством предания является стихотворная запись на древнеанглийском языке, относящаяся к VIII в., написанная от лица дружининого певца Видсида. Ее автор, назвавшийся «странником», перечисляет имена властителей разных племен и народов, правивших в IV–VI вв. Эти имена встречаются и в других источниках. Среди этого перечня есть и герои германского героического эпоса. Видсид упоминает резиденции, где его принимали с почетом. Воспоминания скопа (так назывались у англосаксов дружинные певцы) – это своеобразный прием, и автор им пользуется, чтобы сообщить те знания, которыми он располагает. Он перечисляет властнтелей гуннов, готов, бургундов и финнов. В последних двух стихах говорится: «Хаген властвовал над хольмрюгенцами, Хеден – над гломмами. Витта властвовал над свевами, Вата – над Хельсингом». Два первых властвовали на берегах Балтийского моря. Имя Хедина (Хетеля) запечатлелось в названии острова Хиддензее. Хаген же назван правителем хольмрюгенцев, которые переселились со своей родины Каттегата на остров, получивший название Рюген. Поскольку их переселение совершилось не ранее 434 г., то этот год можно считать точкой отсчета для возникновения саги о Хильде, дочери Хагена. Поскольку имена Хагена и Хедина (Хетеля) отделены от имени Вада (Вате) еще одним именем, не имеющим отношения к саге, остается неясным, усматривал ли Видсид связь между этими лицами. «Странник» ничего больше не сообщает о Вада (англосаксонское Wada, северогерманское – Wado). Вадо первоначально был мифологическим существом, сыном морской девы. Это морской великан, дикий, вспыльчивый, неукротимый. По значению его имя связано со словами Wüten («бушевать») и Water («вода»), а этимологически примыкает к скандинавскому Один, немецкому Вотан – имени верховного бога древнегерманской мифологии, бога битв и бурь.[205] Характер Вате в «Кудруне» почти совершенно утратил свои

мифологические черты. Следы их сказываются лишь в том, что этот старый вассал и родич Хетеля, помогающий ему добыть невесту, отличается неукротимым, воинственным нравом, он искусный врачеватель, ему ведомы морские пути, он знает морскую сказку о подводном царстве и его несметных кладах и только он может вызволить мореходов из стоячего моря.

б) *«Жалоба Деора»*. Другое древнеанглийское стихотворение VIII в., «Жалоба Деора», упоминает еще одного сподвижника Хетеля, а именно Хоранта. В седьмой строфе стихотворения певец Деор жалуется, что много лет он был певцом хеоденингов, пока Хеорренда, искусный в пении муж, не отнял у него эту почетную должность, а с ней и милость двора, и ленное владение. Здесь Хорант выведен в роли искусного певца, присущей ему в эпосе.

3. Средневерхненемецкий книжный эпос

«Песнь об Александре». В Середине XII в. трирский священник Лампрехт написал «Песнь об Александре», явившуюся переработкой одноименной французской поэмы первой половины XII в. Незамысловатое в поэтическом отношении произведение Лампрехта примечательно тем, что оно было первым опытом светского эпоса на немецком языке. Повествуя о чудесной судьбе и приключениях Александра Великого на Востоке, поэма эта по типу приближалась к рыцарскому роману, время которого, однако, пришло позднее. «Песнь» сохранилась в трех рукописях, но не полностью, в отрывках. В рукописи из монастыря в Форау, как считают, самой надежной, читаем:

На Вюльпенверде был бой жесток —
Родитель Хильды там мертвым лег —
Меж Хагеном и Вате.

Далее автор говорит, что ни один воин не мог сравниться с Александром в доблести и без связи с приведенными выше строками называет Хервига и Вольфвина.

Это свидетельство Лампрехта очень важно для понимания трансформации сказания о Хильде. Выявляются следующие изменения: место сражения из-за похищенной девушки теперь не Хиддензее, а Вюльпенверд (то же что Вюльпензанд) – остров в устье Шельды. Отец Хильды погибает в бою не от руки Хетеля, а его убивает Вате. Это существенно меняет дело, смягчает трагизм развязки, снимает вину за смерть Хагена с Хетеля и тем самым делает возможным его брак с Хильдой.[206] И вместе с тем появляется предлог начать повесть о новом поколении в связи с рождением дочери Хильды и Хетеля. Заманчиво предположить, что сага о Хильде в это время уже имела такое продолжение, ввиду того что в поэме Лампрехта упоминаются брат и жених Кудруны, однако текст не дает более надежных оснований для таких заключений.

Некоторые современные исследователи (Бруно Бёш, Росвита Виснивски[207]) представляют развитие эпической поэмы о Кудруне по ступеням:

1. Вначале возникла древнегерманская песнь о Хильде. Она зародилась на севере у Балтийского моря в IV–V вв. Со временем она передвинется на юг.

2. В IX в. уже сложились условия для появления в устье Шельды шпильманской песни о Хильде. Здесь викингские элементы соединились с элементами поэм шпильманов, трагизм смягчился, что было характерно для творчества бродячих певцов.

3. В XI–XII вв. сложилась короткая шпильманская поэма в духе «Короля Ротера», «Соломона и Морольфа», как и другие подобные поэмы, бытовавшие на нижнем Рейне. Возможно, что она уже объединила содержание саги о Хильде и историю Кудруны. В ной уже проявились христианско-религиозные мотивы, возникшие под влиянием Крестовых походов, как, например, появление крестоносцев, столкновение с пилигримами, а также мотивы восточных сказок, как это мы наблюдаем в других шпильманских эпосах («Короле Ротере», «Герцоге Эрнсте»), что можно считать не заимствованием, а типологической чертой этого жанра. Трагический конец прежней саги о Хильде должен был здесь полностью измениться, а акцепт переместиться на иные мотивы – сватовство, похищение невесты с помощью хитрости и ловких помощников, и т. д.; особенно важно то,

что теперь выделяется роль Хоранта, искусного шпильмана, чье пение зачаровывает людей и зверей, подобно пению Орфея.

4. Последним этапом создания эпоса было воссоединение фабулы первой большой части поэмы с фабулой второй части (назовем их по примеру Ф. Панцера «Хильда-Кудруна») и переосмысление структуры и содержания всего эпоса так, что вторая часть стала главенствующей и, контрастируя своей серьезностью с первой, оттеснила историю Хильды на задний план. По мнению Р. Виснивски. несмотря на сложность эволюции, основной конфликт сказания о Хильде остался неизменным.[208] Это конфликт между родовыми связями индивида и его личными, любовными связями. Новизна проявилась лишь в устранении первоначального трагического конца. Власть родовых отношений должна была ослабевать по мере того, как укоренялось сознание личностных прав человека. Р. Виснивски, как это ни покажется вначале парадоксальным, приводит в качестве параллели развитие саги о гибели бургундов, легшей в основу «Песни о Нибелунгах». Действительно, в песнях «Эдды»[209] гибель бургундских королей объяснялась другими причинами, нежели в «Песни о Нибелунгах»: Атли (такова скандинавская форма имени Аттилы, Этцеля) зазывает к себе бургундов и убивает их, чтобы завладеть кладом нибелунгов – наследием Сигурда (Зигфрида). Трагическая развязка заключалась в том, что Гудруна (скандинавская параллель Кримхильде) мстит мужу за убийство братьев. Она убивает и Атли, и своих, рожденных от Атли, сыновей, а затем «сжигает его палаты. В „Песни о Нибелунгах“ происходит знаменательная трансформация: власть рода не имеет прежней силы в глазах героини. Невзирая на кровное родство, Кримхильда мстит братьям за смерть любимого мужа.

VIII. Истоки сюжета – история Кудруны

Гораздо меньше мы знаем об истоках главной части эпоса – истории Кудруны, у нее не было собственного круга саг. Не вполне ясно генетическое соотношение *Хильды* и *Кудруны.*

В этом вопросе сталкиваются два мнения ученых. Согласно одному (В. М. Жирмунский, Б. Симоне, Ф. Нойман), история Кудруны, дочери Хетеля, берет начало в предании 6 Хильде как ее парафраз.[210]

Согласно другому (А. Хойслер, И. Шреблер, М. Кюбель), у Кудруны свой собственный источник.[211] Его поиски породили немало измышлений, позднее отвергнутых.

1. Гипотеза о «Хервиг-саге» как об источнике истории Кудруны

Еще В. Вильманс утверждал,[212] что история Кудруны явилась результатом контаминации двух саг, содержание которых такое: 1) У короля хегелингов похищена дочь Гудруна. Король преследует похитителя Гартмута, настигает на морском острове и гибнет от его руки. Гудруна в плену, она терпит жестокое с ней обращение, но отказывается выйти замуж за Гартмута. Мать пленницы посылает войско под началом брата Гудруны Ортвина, чтобы освободить дочь. Гот убивает Гартмута и вместе с сестрой возвращается на родину. Голь брата является главной в освобождении Гудруны.

2) Вторая сага выводится Вильмансом из того, что в эпосе в похищении Кудруны подчеркнута роль Людвига – отца Хартмута. Он делает предположение, что в саге о Хервиге похитителем был именно Людвиг и действие саги происходило так: мелкий островной князь Хервиг сватается к дочери могучего короля и сражается за обладание ею. Он получает согласие на брак, но еще до свадьбы, в отсутствие жениха и отца, невеста похищена Людвигом. Хервиг преследует и убивает его. Здесь главной в освобождении девушки является роль жениха.

Вильманс считал, что в процессе контаминации двух саг – о Гудруне и о Хервиге – похититель Людвиг превратился в отца Хартмута, помогающего сыну добыть невесту.

Эта гипотеза была очень влиятельна и долго держалась. Л. Ю. Шепелевич, автор фундаментальной работы о «Кудруне»,[213] в которой добросовестно отреферировал все труды, посвященные поэме, направил свои усилия на доказательство существования «Хервиг-саги».

2. Баллады, песни и сказки как возможный источник эпоса

Подтверждение бытования отдельной «Хервигса-ги» Вильманс видит в шотландской балладе, записанной на острове Фоул со слов крестьянина, потомка норвежцев, колонизовавших в IX в. Шотландские, Гебридские и Оркадские острова. Вильманс считает, что эта баллада соединила эпизоды сказания о Хильде с эпизодами саг о Кудруне и Хервиге, причем ее конец сходен с "Песнью о Нибелунгах».

В балладе рассказывается, что знатный норвежский витязь Хилюга посватался к королевской дочери Хильдине. Король дал свое согласие, но Хильдина отвергла жениха. Во время отсутствия короля и Хилюги ярл оркнейский (наместник короля) встретился с Хильдиной, покорил ее сердце и вместе с ней бежал. Король с Хилюгой догнал беглецов. Хильдина надеется установить мир между королем и ее возлюбленным, но Хилюга восстанавливает короля против ярла, вызывает соперника на поединок и убивает его. Хильдина возвращается в Норвегию и соглашается на брак с ненавистным ей» Хилюгой, но на брачном пире дает гостям снотворное, велит вынести отца и поджигает чертог, где Хилюга погибает в пламени пожара.

Вильманс полагает, что Хилюга и Хервиг идентичны, ибо они оба не ровня невестам, к которым сватаются (Хильдине – Кудруне). Похищение обеих девушек совершается в отсутствие их отцов, похитители ярл и Людвиг убиты, один – Хилюгой, другой – Хервигом. [214]

Ф. Панцер отверг гипотезу Вильманса. Согласно его доводам, баллада эта относится ко времени значительно более позднему, чем поэма о Кудруне, и не имеет отношения к эпосу. О незнатности Хилюги в балладе нет и речи. В одном случае девушка увезена насильственно, в другом – уходит из дома по собственному желанию. Ярла убивает Хилюга, отвергнутый жених, который в такой ситуации совсем не походит на Хервига.[215] Ф. Панцер конструирует свою сагу о Хервиге, основываясь на строфе 656 поэмы, где после битвы приглашенный в замок Хетеля Хервиг говорит Кудруне, что она пренебрегает им, поскольку он не знатного рода (durch mm lîhtes künne).

По мнению Панцера, сага о Хервиге, легшая в основу III части эпоса, возникла из тирольской сказки о Золотоволосом[216] (в сборнике сказок братьев Гримм это «Goldener», но более известна она под названием «Железный Ганс»). Сказочная ситуация такова:

благородный герой, одетый в бедное платье, неузнанный, под личиной простого садовника, завоевывает любовь королевской дочери, которая все же распознала его благородство. Отец красавицы отвергает Золотоволосого, пока наконец не узнает о его высоком происхождении.

По Панцеру, в «Хервиг-саге» герой выступает в качестве жениха, но так как все его люди и он сам одеты богато, то появляется другой мотив – мнимая худородность, которую Хервиг, как и его сказочный прототип, использует, для маскировки. Вот это последнее и отразилось в строфе 656 поэмы, однако этот мотив остался только намеченным, но не развитым.

Задачей поэта «Кудруны», согласно Панцеру, было соединить в целостное произведение доставшийся ему разнообразный и разрозненный материал, слить «Хервиг-сагу» с вариантом «Хильды-саги», украсить это рядом мотивов из шпильманского эпоса (из «Соломона и Морольфа», «Короля Ротера», «Герцога Эрнста»), с которым немецкий ученый находит у «Кудруны» много общего. Панцер считает отразившийся в поэме мотив отца, который отказывает всем женихам в руке дочери и убивает (женихов) сватов, заимствованием из позднего греческого романа об Апполонии Тирском. Панцер находит также сходство поэмы с русскими былинами о Василии Окульевиче и Соловье Будимировиче (сватовство, переодевание сватов купцами, приглашение царицы посмотреть на корабль и увоз ее, напоминающие похищение Хильды).

В поисках родственных мотивов и тем Панцер обратился к материалу, еще не использованному другими исследователями, а именно к песням балладного характера, бытующим в разных редакциях и вариантах на испанском, немецком, скандинавских и славянских языках, которые по имени их героини, принято называть «балладами о Зюдели» («Замарашке» от нем. Südein – «пачкать, марать»). В них рассказывается о королевской дочери, в раннем детстве похищенной у родителей. Королевна растет у злой госпожи, которая ее притесняет, заставляет работать как простую служанку, посылает стирать белье на берег моря (реки, ручья или к колодцу). Там ее встречает незнакомый рыцарь, которого восхищает ее красота. Он домогается любви девушки, предлагает ей золото, подарки, но Зюдели все отклоняет. Девушка поверяет ему свою историю, называет родных. Рыцарь узнает в ней свою сестру. Баллада заканчивается тем, что

рыцарь карает злую госпожу, обрекая ее на смерть, и увозит сестру домой к матери.

Другая группа баллад – «О прекрасной поморянке» – локализуется в местечке Готше (Крайна, после Первой мировой войны отошла к Югославии). Населенный потомками австро-баварских колонистов, устремившихся сюда в середине XIV в., Готше долгое время был своеобразным «лингвистическим островом» со своим говором, представляющим дальнейшее развитие баварского диалекта с аллеманскими и славянскими заимствованиями. В балладе, по всей вероятности занесенной из тех же мест, где создавались произведения героического эпоса, рассказывается, что ранним утром пришла на морской берег прекрасная поморянка, чтобы выстирать белье. В это время подплыл челнок, в котором сидел молодой господин. Он окликает девушку, дарит ей золотое кольцо, а затем сажает в челнок и увозит в свою страну, где она становится его женой.

Злая госпожа, помыкающая королевной, активная роль брата в освобождении пленницы, девушка-прачка, окружающая обстановка – раннее утро, берег моря – все как будто указывает на близкое родство с фабулой «Кудруны». Разделяя точку зрения Ф. Панцера, Г. Шнейдер считает балладу типа «Зюдели» наследницей героической песни и предшественницей «Кудруны».[217] Эту мысль развивает и Марта Кюбель.

Она расходится с Ф. Панцером лишь в оценке баллады о «Поморянке», считая ее не источником, а искаженным перепевом эпоса о Кудруне.[218]

Но положения, выдвинутые Панцером, вызвали много возражений со стороны других ученых. Оспаривается, например, генетическая связь эпоса и баллад (Р. Менендес-Пидаль, Б. Бёш). Последние трактуются не только как значительно более поздние по сравнению с поэмой, но и глубоко чуждые ей по духу.[219] А. Хойслер выступил против сказочной теории Панцера и назвал «губительной» роль, которую сыграл его «Золотоволосый» в изучении германских сказаний.[220] Взгляды Хойслера спорны, когда он отрицает сказочное происхождение сказаний о Зигфриде,[221] но в данном случае он совершенно прав: сказка о «Золотоволосом» не, имеет не только генетической связи с поэмой о Кудруне, но даже никаких типологических схождений. Сопоставление Хервига с героем этой

сказки Панцер строит на произвольно истолкованной строфе поэмы (656), чему в остальном тексте не находится подтверждений.

3. Гипотеза о существовании саги о Кудруне

А. Хойслер отверг также идеи Вильманса и других исследователей о том, что источником истории Кудруны была сага о Херзиге, точнее ее соединение с переработанной сагой о Хильде. Главным доводом Хойслера было то, что эта часть эпоса, ставшая, как он выразился, «романом о Кудруне»,[222] не нуждалась в других источниках. У нее, как считал Хойслер, была большая предыстория и собственная сага, которая лежит в ее основе.[223] Сопоставляя обе крупные части эпоса, он указал, что история Хильды по самой сути отличается от истории Кудруны. Хильда по своей воле бежала к Хетелю, тогда как Кудруна была насильственно увезена из родительского дома. И здесь, и далее расстановка и взаимоотношения действующих лиц, их характеры, психология совершенно различны. Хойслер конструирует сагу о Кудруне, идущую, как он полагает, из викингских времен IX–X вв., и сводит ее к следующему: Героиня похищена и долгие годы страдает в плену. Отец ее убит уже во время нападения на замок и увоза дочери. Брат героини мстит за смерть отца, освобождает и увозит сестру домой. Таким образом, сага, по Хойслеру, заканчивалась освобождением героини и местью, а не свадьбой. Все же новшества – введение Людвига, отца похитителя, убийство им отца Кудруны, а не Хартмутом, введение роли Хервига и т. д. – это создание последнего эпика, поэта «Кудруны».

Хойслер также считал, что в поэме три фабулы, «совершенно лишенные как временной, так и причинной связи, соединены друг с другом лишь действующими лицами и их генеалогией: принцип чисто механического сложения».[224] Мы постараемся дальше показать, что эпизоды, связанные с юностью Хагена, история Хильды и последняя часть, целиком посвященная Кудруне, составляют единое целое и должны были восприниматься в свое время как целостное произведение.

IX. Последнее воплощение «Кудруны»

Имя героини эпоса в рукописи – Can trim, Cutrun. В скандинавской поэзии часто встречается его северная форма – Gudrun, тогда как древняя верхненемецкая его форма – Gundrun. Это – составное и «говорящее» имя, оно означает «вызывающая битву заклятьями» (Gund – «битва», run от rune – «тайна, заклятие»). В древних источниках именно данное свойство было присуще Хильде как валькирии. Некоторые ученые делают заключение, что Гудрун, – это северное имя Хильды: ведь gьind и hild одинаковы по значению, они обозначают битву.

За время эволюции памятника претерпело изменение и имя героини. В устах бродячих нижненемецких певцов оно звучало без нозального звука *n,* а попав на австро-баварскую почву, утратило начальный спирантный звук *g:* он был заменен верхненемецким с/, , соответствующим общенемецкому *к*. Вот почему исследователи, считающие, что поэма родилась в Северной Германии, сохраняют имя *Гудруна,* но все, кто основывается на ее австро-баварском происхождении, пишут *Кудруна*.

Как уже говорилось, в «Кудруне» сюжет сватовства, добывания невесты главенствует. Отсюда общность и сходство мотивов. Например, Хетель, отец королевны, становится похож на своего тестя Хагена. Так же, как Хаген, он спесиво отказывает женихам в руке своей дочери. Но как причудливо двоятся и троятся эти мотивы! Вместо одного жениха – а им представал Хетель во второй части поэмы – в третьей части их появляется трое: мавр Зигфрид, норманнский князь Хартмут и зеландский король Хервиг; вместо одной битвы из-за невесты возникает три, а затем и того больше.

Вторая часть, посвященная Хильде (в особенности VI авентюра), звучит гимном любви с ее беззаконными порывами («…На зов любви пошла бы по морю и по суху,/Когда б отцу родному перечить хватило мне духу.»…). Героиня третьей части – Кудруна, чей образ стоит в центре повествования, любит Хервига, однако же никакого конфликта между ее чувством и семейным долгом нет. Напротив, можно сказать, что, давая согласие на брак с Хервигом Зеландским, она избавляет родных от бед, грозящих им со стороны влюбленного короля. Следовательно, основной конфликт здесь существенно меняется. На первом плане стоит честь и верность, которую Кудруна при самых жестоких обстоятельствах сохраняет в плену. Кудруна еще не стала de

facto женой зеландского короля, ее отъезд к нему отложен на год под предлогом достойных приготовлений к будущей коронации, но она я Хервиг в присутствии свидетелей выразили согласие заключить брак и обменялись клятвами. По средневековым обычаям этого было достаточно, чтобы они считались мужем и женой.

Честь и верность лежат в основе рыцарского идеала, и Кудруна представляет его безупречное воплощение. Когда король Людвиг обещает пленнице земли и замки, если она будет благосклонна к его сыну Хартмуту, Кудруна отвечает:

К кому же благосклонной я ныне быть могу,
Сама лишившись блага и, думаю, навеки?
Мне плакать надо, благо еще не закрылися веки.

Манера выражаться изысканно, отвечая врагу, до некоторой степени свойственна Кудруне. В этом проявляется высокомерие Кудруны, в котором упрекает ее жена Людвига – Герлинда. Точнее было бы сказать, что в этом выражается достоинство пленницы и чувство превосходства над ее мучителями. Но когда злая Герлинда угрожает ей, знатная пленница отвечает, что лучше согласится делать всю черную работу служанки, чем станет женой Хартмута.

Герои эпоса постоянно помнят, с кем они связаны родством. Хильда, созывая вассалов в поход за дочерью, говорит: «Пусть памятует Хорант: он Хетелю родня.»… (1084). Рядом с украшающими эпитетами, сопутствующими именам главных героев («смелый», «благородный» рыцарь, «знатная», «прекрасная» дама), часто указано: сын такого-то или дочь такого-то. В «Песни о Нибелунгах» Зигфрид тоже зовется «сыном Зигмунда», «сыном Зиглинды». Это свидетельствует о том, что поэма находится в русле древней эпической традиции. Но и сословная гордость феодальной верхушки здесь тоже нашла отражение. Так, на страницах поэмы то и дело обсуждается, кто кого знатнее. Например, Людвиг, когда сын задумал посвататься к Кудруне, говорит ему: «…Спесивы хегелинги, для них мы с тобой худородны» (592), Кудруна, заявляя, что она никогда не полюбит Хартмута, восклицает: «Будь он но родословной мне ровней, – и тогда бы.»… (959) и т. п. И лишь однажды ниспровергается власть традиции,

когда король Хервиг, отвергнутый как жених отцом Кудруны, идет с ним воевать. Видя перевес Хервига и сколько пролито крови, Кудруна молит закончить сражение и тут же просит Хервига рассказать о его ближайших родичах. Традиционный вопрос задевает Хервига: он заподозрил, что Кудруна презирает его за то, что его род не знатен, и говорит ей, что знатные люди часто многим бывают обязаны незнатным. «Можно ль героем пренебречь, что верно служит даме и с честью носит меч?» (657) – спрашивает Кудруна и признается, что любит Хервига. Здесь намечен, хотя и не развит, вывод о самоценности личности, о том, что человека надо ценить за его достоинства, а не за то, что он унаследовал от предков. Кудруна противопоставляет свой взгляд обычаям прежних поколений. Так, в конце поэмы (1582) она просит мать пощадить Ортруну, дочь Людвига, потому что она неповинна в преступлениях, своих родичей и не может за них быть в ответе.

Генеалогический принцип, проходящий сквозь эпос и связывающий его части, не является формальным и внешним, как это считал Хойслер. Это не механическое сцепление разнородных частей, а то, что придает теперь уже единому целому движение во времени. Далекой стариной становится время Гере и Зигебанда, уходит в прошлое и легендарный «дикий Хаген», чьи молодые годы прошли на острове грифов. Хаген – олицетворение природных сил, однако он полон противоречий: «и дерзок, и смирен». (93), жестокость и мягкость уживаются в нем.

Вот наступают иные времена, и па смену приходит иное поколение, которое во многом отличается от поколения Хагена. Читатель обнаружит, что ярландский король слишком простодушен и доверчив, что его двору не хватает куртуазности, утонченной рыцарской культуры, какая свойственна хегелингам, двору короля Хетеля. Блеск славы Хагена тускнеет. Когда же хитроумный план похищения его дочери удается хегелингам, то он становится страшен и жалок, как в «Одиссее» Гомера великан Полифем, обманутый Улиссом.

Королевство Хетеля выглядит феодальным государством, каким оно в идеале рисовалось людям XIII в. Раскинулось оно на обширном пространстве полуострова Ютландия и южном побережье Северного моря. Хетель свой стол «у хегелингов близ Дании воздвиг», – пишет создатель эпоса, не делая различий между вымышленными и

реальными географическими названиями. Исследователи отмечают, что ряд названий (Фридешоттен, Валейс, Гарадея) он мог почерпнуть в романах Вольфрама фон Эшенбах «Парцифаль» и «Титурель», а восточные имена (Абакия, Абалия, Кампалия, Амилия) могли попасть в «Кудруну» еще на стадии ее существования как шпильманского эпоса.

В этой части поэмы много противоречивых, неясных моментов. [225] Так, страна хегелингов – это название всего королевства Хетеля, а хегелинги – все его подданные (см. строфы 289, 507, 893 и др.). В то же время страна эта отделена от остальных земель, подвластных Хетелю, так как оттуда ездят в Данию и другие края (см. строфы 235, 271 и др.). Автор отличает хегелингов от фризов, датчан и др. Дания предстает у него, с одной стороны, как самостоятельное королевство, управляемое Хорантом и Фруте, а с другой – как часть государства Хетеля, называемая Данией, и все ее жители называются датчанами. Отдельные части своего королевства Хетель отдал в лен верным вассалам: Данию – Хоранту, которого за особые заслуги наградили короной; марку Штурмен (филологи расшифровывают как Штормарн) – Вате; Ирольт правит фризами и гольштинцами; королевский сын Ортвин владеет Ортландией (иначе Нормандией); Морунг – Нифландией (иначе Лифляндией), одновременно он маркграф марки Валейс.

Идея верности, главной моральной ценности этой эпохи, является непреложным законом для всех подданных Хетеля, а их отношения с государем определяются понятиями «служения» и «награды». Они служат Хетелю «на родине и на чужбине», помогают ему добыть невесту. Когда же король погибает, то вассалы служат его вдове. Вате, Морунг, Ирольт, Хорант и Фруте останутся до конца такими, какими были, дальнейшие события не изменят их внутренних качеств.

В третьей части поэмы речь пойдет уже не о вассальной верности (она подразумевается). Здесь противопоставлены друг другу независимые и равные государи.

В битвах из-за Кудруны можно видеть отражение походов французских норманнов на побережье Северного моря. Ученые старой школы – К. Мюлленгоф, Л. Шепелевич, Ф. Панцер, а в наше время академик ГДР Т. Фрингс старались вскрыть реальную основу событий поэмы. Одни исследователи считают короля Хервига правителем

Зеландии – провинции Нидерландов в устье Шельды, другие – властителем фризской Зеландии между Рейном и Везером. В столкновениях Хервига с Людвигом и Хартмутом отразились, как думают, набеги норманнов на земли древней Фрисландии, участившиеся в конце IX в. Для мавра Зигфрида, тоже воюющего из-за Кудруны, находят прямой прототип: им оказывается норманнский князь Зигфрид, принимавший участие в осаде Парижа и в других сражениях во Франции, а также в походах норманнов на области устья Мааса и Шельды, где он был убит в 887 г. Если даже эта версия правильна, остается непонятным, каким образом датский князь преобразился в мавританского короля. У поэтических произведений своя логика, не сообразующаяся с фактами, хотя бы и историческими. Вначале говорится, что своей смелостью Зигфрид мог снискать благосклонность королевны, «хотя лицом и телом был черен рыцарь юный» (583). Но Хетель отказал ему в руке своей дочери. В конце же оказывается, что мавр белокож и златокудр, так как родился от брака мавра и белой христианки.

Зигфрид и Хервиг равно представлены в поэме как истые рыцари, способные на любовь-служение. Это – куртуазно-рыцарская концепция «высокой любви», согласно ей Хервиг совершает чудеса храбрости, а выбитый из седла, терзается стыдом, что его дама могла в этот миг его видеть. И Зигфрид бьется на турнирах, затевает потешное сражение в честь Кудруны, когда она возвращается из церкви во дворец.

Из всех искателей руки Кудруны князь Хартмут предстает как фигура противоречивая и менее других традиционная. Посватавшись к Кудруне, он получает отказ Хетеля, и тем не менее он инкогнито является во дворец короля, принимает участие в турнире и наконец открывает свою тайну Кудруне. Последняя не остается безучастной к отважному рыцарю и велит ему скорее уехать, «покуда гостя Хетель и люди его не узнали» (625). Этот намек на ответное чувство со стороны Кудруны можно отнести к «слепым мотивам» (по терминологии Панцера), т. е. намеченным, но не реализованным. Б. Бёш, обративший внимание на это обстоятельство, пробует объяснить его тем, что история Кудруны развилась из истории Хильды. Изменившись по существу, она сохранила какие-то рудименты саги о Хильде – королевской дочери, но собственной воле бежавшей к возлюбленному.

В промелькнувшей, как тень, склонности Кудруны к Хартмуту Бёш видит осколок прежнего сюжета, тогда как новый, переработанный сюжет посвящен совершенно другому, в нем нет места сговору с похитителем. Думается, что тут не надо искать противоречий. В XI авентюре, о которой идет речь, Кудруна держит себя безупречно. Она являет образец того уменья владеть собой и управлять своими поступками, которое требует ее нравственное чувство, что и обозначалось в рыцарском обществе понятием «мера» (maze). То, что Кудруна покорена красотой Хартмута, его безрассудной удалью, благосклонна к нему, хотя и не собирается укреплять в нем надежду, – все это вносит дополнительные черты в характер героини, отличающийся психологической глубиной.

Портрет Хартмута написан крупно, размашистой кистью, «викингские» элементы органически слились в нем с чертами рыцаря эпохи Штауфенов, у которого строгое следование нормам сословной этики сочетается с дикостью и жестокостью. Так, Хартмут дважды спасает героиню от смерти, но при этом сам по-разбойничьи увозит Кудруну и грозит, что совершит над ней насилие, если она не отдастся ему добровольно. Надо заметить, что такое сочетание вежества и брутальности присуще не одному только Хартмуту, но и его соперникам Зигфриду и Хервигу, однако их характеры гораздо бледней, схематичней.

А. Бек доказывает, что Хартмут – «любимец» автора «Кудруны», который своего героя облагораживает и по возможности вину за жестокое обращение с пленницей перекладывает на мать Герлинду.[226] Действительно, Хартмут старается оправдаться перед Кудруной, сообщая ей, что будто бы он не знал о ее страданиях, что они ему самому причиняют боль (1633), свою мать он упрекает в жестоком обращении с «бедной сиротой» (1014). Такое оправдание Хартмута мало правдоподобно. Но в эпосе не следует во всем искать житейского правдоподобия.

Говоря о нормандской королеве Герлинде, поэт утрачивает спокойный тон повествования, он ее осуждает, называет «старой волчицей», «чертовкой», «злой дьяволицей», «злой Герлиндой», и в этих постоянных эпитетах и определениях есть что-то от народной сказки. Конечно, и «чертовка», и «дьяволица» – не просто бранные слова, а еще указание на демоническое начало, присущее злой

королеве. И в то же время Герлинда – любящая мать, тираня Кудруну, она защищает интересы сына. Ф. Панцер справедливо отмечает, что судьба Герлинды – судьба трагическая.[227]

Следует обратить внимание на то, что герои эпоса остаются вечно молодыми и прекрасными, как будто время не властно над ними. Большей частью это воспринимается читателем, как неотъемлемое свойство того поэтического мира, в котором они живут. Кудруна остается молодой и прекрасной, хотя она тринадцать лет провела в плену, которые могли бы состарить всякого другого. Не отразились прожитые годы и на Хильдебурге, верной подруге Кудруны, разделившей с ней все тяжкие испытания. Но Хильдебурга – одна из трех королевен с острова грифов – ведь также подруга матери Кудруны и, как это ни странно, сверстница и подруга ее бабки.

И все же время оставляет свой след, проводят черту, разделяющую поколения, что в первую очередь сказывается в их мышлении. Кудруна мыслит иначе; чем ее мать, чем старый Вате, их родич и верный вассал. Мысль о мести не поглощает ее всю без остатка, как старую королеву. Отлична Кудруна и от величественно-свирепых героинь «Песни о Нибелунгах». В немецкой критике не раз отмечалось, что Кудруна – это анти-Кримхильда, «Кримхильда с обратным знаком» (Бруно Бёш, Хуго Кун и др.).[228] В самом деле у автора «Кудруны» совсем иная концепция героини. Ее сила – в стойкости, с какой она переносит все унижения плена и все-таки остается непокоренной. Терпение Кудруны – не рабское терпение Гризельды и верность иная, чем у Верного Эккарта, – персонажей, ставших символом христианского смирения.[229] Недаром Герлинда называет ее строптивой Кудруна метет комнаты злой госпожи, топит печи, стирает в море белье, но не идет ни на какие сделки со своими мучителями. Она ропщет, грозит, упрекает Хартмута и Герлинду, призывает кары небесные на их головы. После встречи на морском берегу с Ортвином и Хервигом она больше не хочет терпеть издевательств над собой и бросает выстиранное белье в воду. Впечатление от этой сцены усиливается еще робостью Хильдебурги, ее верной подруги, которая со страхом взирает, на действия Кудруны и, боясь дурных последствий, советует ей смириться. Когда же злая Герлинда собирается подвергнуть взбунтовавшуюся пленницу телесному наказанию, Кудруна решает прибегнуть к хитрости и, чтобы

избежать позора, ложно обещает ей стать женой Хартмута. Можно спорить, достойна ли эта уловка героини, но очевидно, что с этого момента развитие сюжета приобретает особую напряженность. Героиня знает, что близко ее освобождение, близко возмездие ее обидчикам. Однако когда хегелииги, освобождающие Кудруну, одерживают победу, Кудруна больше не выступает в роли грозной мстительницы. К ней подходят искать милосердия юная Ортруна со своими служанками и даже Герлинда. Дочь Хетеля позволяет им укрыться у себя. И хотя ей не удается спасти королеву Герлинду, которую предает смерти Вате, по Ортруна с со служанками спасена. Более того, неотступные просьбы Ортруны (единственной в стане норманнов, кто сострадал пленнице) тронули Кудруну, и она спасла Хартмута от неминуемой смерти в поединке с Вате. Никого другого, как Хервига, послала она на выручку к Хартмуту.

Кудруна, Хервиг, Ортруна, Ортвин, Зигфрид – это те молодые люди, которых в конце концов объединят крепкая дружба, невзирая на то, на чьей стороне они были прежде. Всем им хочется счастья. Кудруна, провозвестница мира, берется устроить его, закрепив соглашение несколькими брачными союзами: Хартмут, получивший назад свои земли, должен жениться на Хильдебурге; брат Кудруны Ортвин берет в жены Ортруну, сестру Хартмута (созвучие имен Ортвии – Ортруна как бы предвещает их предназначенность друг для друга); Кудруна соединяется с Хервигом; и в довершение Зигфрид, прежний соперник Хервига, женится на его сестре.

Старый Вате и королева Хильда – представители старшего Поколения. Язык милосердия непонятен Вате, ему кажется нелепым, что Хартмут пощажен. Также и мать Кудруны сначала отказывается приветить Ортруну. Старые взгляды и этические нормы не изжиты, но они потеснены: Вате приходится смириться с тем, что происходит вокруг, а королеве Хильде – с женитьбой сына на дочери Людвига.

Теперь видно, как сильно отличается развязка Кудруны от кровавого апофеоза «Песни о Нибелунгах». Примиряющая тенденция лежит в самом характере «младшего» эпоса, Не только Кудруна, но и Хильда во второй части поэмы, и «дикий Хаген» в его начале – миротворцы.

Большинство исследователей миротворческие идеи эпоса приписывают влиянию христианства. Годы Крестовых походов в

переднюю Азию и Прибалтику, в северную Италию не прошли даром, сделали злободневными вопросы, так или иначе связанные с вероисповеданием. В «Кудруне» христианизация сказалась сильнее, чем в «Песни о Нибелунгах», она затронула сам образ мышления героев поэмы в противоположность героям «Песни», где церковная религиозность является лишь тонкой оболочкой, прикрывающей их глубинную суть, унаследованную от дохристианских времен. Внешняя сторона христианской религиозности в «Кудруне», как и в других эпосах, выражается в речевых формулах, вошедших в обиход средневекового человека, упоминании имени Христа, ссылках на действия и волю божию. Церковная служба в поэме представлена как часть феодального быта. В ней чаще, чем в «Песни о Нибелунгах», упоминаются христианские праздники (так, если в «Песни» упоминается только Троица, то в «Кудруне» названы Вербное воскресенье. Пасха. Рождество). О религиозных обрядах говорится, как о чем-то само собой разумеющемся (крещений Хагена, его брак с индийской королевной, их коронация «по христианскому обычаю»).

Но все это – лишь фон основного действия поэмы. Более существенны два эпизода. Первый из них – эпизод с паломниками (XVI авентюра). Хетель собирается в погоню за похитителем Кудруны, но у него пет пригодных к плаванию кораблей. Тогда Вате отнимает корабли и запас продовольствия у пилигримов, остановившихся в ближней гавани, и обещает заплатить за все на обратном пути. В поэме появляется понятие греха, чего не было в «Песни о Нибелунгах». Поэт говорит, что в расплату за обиду, причиненную пилигримам, очень мало людей возвратилось невредимыми в страну хегелингов (844), много родичей Вате погибло, и ему самому пришлось испытать много горя (840). Паломники – их больше трех тысяч – посылают хегелингам проклятия, но Хетеля не смущает, что он помешал крестоносному походу. Он забирает пятьсот пилигримов в свое войско. Поэт замечает, что, видимо, господь покарал Хетеля и его войско за те страдания, которые он причинил паломникам (845). Этим же в дальнейшем объясняется смерть Хетеля от руки Людвига и поражение хегелингов на Вюльпензанде. Уже не поэт, а один из героев эпоса, старый Вате, осознав свою вину, рассказывает королеве о случившемся, и Хильда признает, что совершен большой грех. Она велит вернуть корабли пилигримам и возместить убытки втройне, т. е. больше, чем

предписывалось церковным правом. То, что кара исходит от небесных, а не от земных сил, свидетельствует о религиозном сознании рассказчика. Однако некоторые современные исследователи преувеличивают религиозный момент в структуре эпоса и придают «Кудруне» не свойственное ой спиритуалистическое звучание. В. Гофман полемизирует по этому поводу с Маргарет Вееге и В. Вильсоном.[230] Первая усматривает в поражении хегелингов кару за их изначальную вину – за грех гордыни. Гофман считает, что Вееге более христиански настроена, чем сама поэма. Никакой метафизической вины на защитниках Кудруны нет. Грех, по их представлениям, – это неправое дело, второе может быть исправлено делом же: за нанесенный ущерб заплатить выкуп, а нанесенную обиду загладить раскаянием, в знак чего при погребении убитых хегелинги совершают церковные службы, на месте битвы строят монастырь с приютом для больных, куда родственники погибших шлют подаяние, имущество умерших продают, а вырученные деньги раздают беднякам за упокой души погребенных. Последнее сходно с поступками в «Песни о Нибелунгах» (строфы 1061 и след.), где Кримхильда раздает милостыню за упокой души Зигфрида. Разумеется, о грехах в «Песни» ничего не говорится, тогда как в «Кудруне» это – действенное средство очистить грешные души (914). Добавим, что в этих покаянных действиях можно усмотреть и практическую цель: Вате говорит королеве, что для успеха их нового похода за освобождение Кудруны надо вернуть пилигримам корабли (431), чтобы умилостивить бога.

В. Гофман отвергает также толкование В. Вильсона, согласно которому «Кудруна» – ортодоксально-католическое произведение, проникнутое христианской символикой (например, когда Хильда платит паломникам за их потери втройне – подразумевается символ Троицы; страдания Кудруны в плену –)то символ страстей Христовых, и т. д.).

Остановимся теперь на эпизоде, видимо, действительно связанном с христианской идеологией. Это явление птицы-ангела, приплывшей по волнам и открывающей Кудруне, что в недалеком будущем ее ждет освобождение из плена. Птица, возговорившая человеческим голосом, объявляет себя посланцем божьим. Автор несколько раз называет ее «высоким ангелом». Пророчество вскоре сбывается.

Ученый старой школы А. Шёнбах[231] считает, что этот эпизод навеян евангельским рассказом о явлении архангела Гавриила деве Марии и Благовещении (Ев. от Луки, I, 26–38). Его аргументы состоят в том, что Кудруне тоже явился ангел и принес благую весть и что чудо происходит, как можно догадаться, 25 марта, во время поста в честь Благовещения Марии, особенно почитаемого в Средние века. В связи с этим эпизодом Ф. Панцер[232] приводит различные примеры сказочного мотива вещих птиц, тогда как В. Гофман считает, что здесь чувствуется влияние средневековой христианской легенды безотносительно к Благовещению.

Мы позволим себе высказать предположение, что этот эпизод мог быть инспирирован «Песнью о Нибелунгах». В XXV авентюре «Песни» Хаген встречает трех вещих жен, купающихся в реке. Они, как птицы, носятся над волнами. Завладев их платьем, он вынуждает их открыть ему будущее. Пророчество вещих жен оказывается роковым. Одежда, которую Хаген возвращает вещуньям, должно быть, была птичьим оперением – лебедиными рубашками, которые на более древней ступени сказания[233] они сбрасывали, принимая человеческий облик. В «Кудруне» птица-ангел, которая тоже носится по волнам, могла появиться в результате дальнейшего переосмысления образа, большей его христианизации. То, что предсказание благое, соответствует всей оптимистической концепции поэта «Кудруны» и антитетично «Песни».

Религиозное сознание предполагает также наличие враждебных человеку дьявольских сил. В «Кудруне» королевского сына уносит гриф, который осмысляется как «посланец дьявола». Три королевские дочки на острове грифов принимают Хагена за горного гнома и с ужасом на него взирают. Их успокаивают заверения Хагена, что он крещен. Точно так же мореходы принимают Хагена и трех королевен за лесную нечисть и успокаиваются только тогда, когда он заклинает их именем Христовым.

Сознание средневекового человека, как оно отразилось в эпосе, сложнее и противоречивей, чем застывшее миропонимание клириков с его ортодоксальным разделением на добро и зло.

Поэт называет Герлинду «дьяволицей», «чертовкой», и в этом выражается ее осуждение и объяснение ее бесчеловечной сущности. «Дикий Хаген», став королем Ирландии, карает неправых, защищает

друзей, побеждает врагов и заслуживает прозвище «Сам дьявол над князьями». В этом выражается восхищение его силой и смелостью.

В восприятии рассказчика воедино сливаются творимые господом чудеса и сказочные волшебные превращения. В одной и той же строфе говорится о том, что королевны, поев драконьего мяса, разом окрепли, они стали прекрасны телом и лицом, «их бог питал незримо и разум им дал не по летам» (81). Видимо, именно к таким явлениям применим термин «народная культура».[234]

В поэме рассказывается о дивном пении Хоранта. Волшебная сила его искусства была такова, что им заслушивались и люди, и звери. Кто раз услышал Хоранта, тот только его и хотел слушать, не умиляясь более ни пением церковного хора, ни звоном колоколов. И в этих словах не осуждение, а высшая похвала.

Индийская жена Хагена, по представлению поэта, видимо, от рождения христианка, но брак христиан с язычниками ему вообще не кажется запретным, так как мавр Зигфрид беспрепятственно женится на сестре Хервига. В числе вассалов Хагена и Зигебанда есть как язычники, так и христиане (183).

В этой области воззрения автора «Кудруны» ближе всего взглядам Вольфрама фон Эшенбах, а его мавр Зигфрид и по внешнему сходству (рожден от смешанного брака), н по его месту в сюжете – близкий родственник вольфрамова Фейрефнца.

Обратимся к развязке поэмы. На протяжении всей последней части «Кудруны» месть норманнам, но мысли поэта и его героев-хегелингов, была делом правым. Теперь же героиня вместе с сестрой Хартмута просит помиловать норманнского князя, вернуть ему свободу. Она говорит: «Никто за зло не должен платить другому злом» (1595). Это речение, как отмечают А. Шёнбах и А. Бек,[235] перекликается с известной евангельской заповедью. (Ев. от Матф., V, 44). Для всей поэмы характерна множественность мотивов, как это было выявлено еще Ф. Панцером.[236] Множественность мотивов, по нашему мнению, есть и в развязке поэмы. Наряду с религиозным мотивом всепрощения, как он прозвучал в приведенных словах Кудруны, есть другие мотивы, более тесно связанные с фабулой и с характером действующих лиц. Надо вспомнить, что Хартмут только что спас Кудруне жизнь, что Ортруна ходатайствует за брата, наконец что главной причиной хлопот Кудруны является ее желание

установить мир для всех – для победителей и побежденных, мавров и христиан. И если это в известной мере совпадало с евангельской заповедью, то шло вразрез, скажем, с практикой Крестовых походов. Деятельность пилигримов-крестоносцев совсем не была такой безобидной и мирной, как это показано в поэме.

Поэма изначально лишена того трагизма, который присущ «Песни о Нибелунгах». Это дало повод некоторым исследователям утверждать, что «Кудруна» – рыцарский роман (Ф. Панцер[237]), что она «недостаточно героична» (Г. Шнейдер[238]), тогда как другие (А. Бек, Р. Виснивски[239]) считают, что отсутствие героического элемента, присущего старогерманскому эпосу, где герой почти всегда погибает, поэт восполняет годами плена Кудруны.

В самом деле, честь и верность, хранимые героиней, почитались величайшими моральными ценностями в докуртуазную и в дофеодальную пору, и тогда же история пленницы – сюжет, который позволил этот эпос назвать «Книгой о Кудруне», – волновала многоликую аудиторию и вызывала у нее сочувствие.

Пусть мы не знаем саги, которая передала бы все перипетии этого сюжета, но его отдельные звенья – нападение на замок, увоз героини, плен, освобождение из плена – встречаются в очень древних памятниках. Свидетельством этого служит англосаксонская героическая поэма «Беовульф», дошедшая в рукописи X в. В ней на пире в честь славного героя Беовульфа дружинный певец исполняет эпическую песнь, повествующую о битвах данов (датчан) и фризов, о том, как даны нарушили договор о мире, сожгли и разграбили дворец короля фризов Финна, самого убили, а жена его стала пленницей.[240] И в эддической «Первой песни о Гудрун» (строфы 6 – 10) знатная гуннская женщина по имени Херборг рассказывает, как она потеряла семерых сыновей и мужа, погибших в битве, лишилась всех остальных родичей и стала пленницей:

9. В плен тогда же
Сама я попала,
рабство изведала
в те полгода;
жену вождя
одевала и обувь

ей подавала
каждое утро.

10. Ревновала она,
бранила меня,
жестокими были
ее побои;
хозяина лучше
нигде не видала,
хозяйки хуже
нигде не встречала![241]

Можно привести и другие примеры из саг. Певец «Кудруны» их мог не знать, но он гениально воссоздал сюжет, подсказанный ему жизнью. Свою героиню он вознес высоко над названными и безымянными женщинами, страдавшими в плену. Кудруна тем и отличается от пленниц эпических песен и саг, что она не пассивный объект разбойничьих притязаний похитителя или благородных усилий своих освободителей, но субъект мыслящий и действующий. Кудруна бескомпромиссна, как и герои эддических песен, в том смысле, что она смерть предпочитает бесчестью (95П). Королева Хильда, снаряжая своих вассалов в поход за дочерью, говорит о том же: «Скорей умрет Кудруна, чем Хартмута примет в объятья».

В куртуазном романе освобождение пленниц, где рыцарь мог проявить себя наилучшим образом, стало устойчивым и любимым мотивом. Стоит сравнить плен и освобождение Кудруны с авентюрой в «Парцифале», где доблестный Гаван освобождает из заточенья пленниц злокозненного волшебника Клингсора, чтобы убедиться, насколько поэт «Кудруны» по духу и воззрениям ближе к горестным былям прошлого, чем к затейливой феерии Вольфрама фон Эшенбах, хотя и куртуазные идеалы (в частности Вольфрама) во многом на него влияли.

Кто же был этот поэт? Уроженец Австрии или Баварии, он мог быть шпильманом, в пользу чего говорит как его неизменная симпатия к этому «бродячему люду», так и выдающаяся роль благородного шпильмана Хоранта в поэме или восхищение его искусством.[242]

Поэма сохранила некоторые черты, присущие шпильманским поэмам, например, обращения к слушателям, указывающие на живое общение певца с аудиторией, а также то, что поэма анонимна. Это подкрепляет наше предположение об авторе-шпильмане. Как мы говорили выше, поэты-рыцари называли себя в своих произведениях, так же как клирики, тогда как шпильманские поэмы, как правило, безымянны.

Однако поэт «Кудруны» не безграмотный певец, потешник и скоморох прежних времен, держащий в памяти свое творенье. Он человек для своего времени образованный, книгочей, хорошо знающий романы Вольфрама и Готфрида, а что касается «Песни о Нибелунгах», то он настолько хорошо ориентируется в ней, что, как полагал Кеттнер, «когда он работал, „Песнь о Нибелунгах“ лежала перед ним раскрытой».[243] Автор «Кудруны» мог быть и клириком (в последнее время все чаще относят это к автору «Песни»), ученым монахом или священником, состоящим на службе у знатного феодала в должности секретаря. Он мог быть и небогатым рыцарем, министериалом. Но нам легче представить его духовный облик, чем жизненные обстоятельства.

«Кудруна» была завершена после Четвертого крестового похода (1202–1204), когда начинают проявляться признаки упадка феодальной рыцарской культуры. Назовем лишь два имени – Ульриха фон Лихтенштейн и Нейдхарта фон Рейенталь, современников поэта «Кудруны», в творчестве которых видны уже переломные, кризисные черты рыцарского искусства. Чуждый манерности первого из них и бытового натурализма второго, поэт «Кудруны» стремится следовать идеальным устремлениям, свойственным расцвету рыцарской поэзии, сохранить величавость и благородство героического эпоса и тот оптимистический взгляд на историю, который утратила трагически-героическая «Песнь о Нибелунгах». Последнее удается поэту, но только ценой потери: «Кудруна» проигрывает в художественной цельности и силе, чем отличается развязка «Песни о Нибелунгах». Окончание «Кудруны» бледно, не подготовлено психологически, оно утопично. Что поделать, ведь развязка великих произведений этого века – «Бедного Генриха» Гартмана фон Ауэ и «Парцифаля» Вольфрама тоже утопична. Мечта о человеческом братстве, о мире, так необходимых людям, пока еще не обрела почвы.

X. Проблема перевода

Вскоре после первого издания «Кудруны» (1820) в Германии встала проблема перевода поэмы на современный немецкий язык. Но сначала появились ее стихотворные пересказы. Были опубликованы отрывки, переведенные гекзаметром.[244] Первый полный перевод на новый верхненемецкий язык сделал А. Келлер.[245] И этот-то перевод, близкий к тексту, выполненный размером подлинника, подверг уничтожающей критике В. Гримм. «Я не могу этого читать без внутреннего сопротивления»,[246] – заявляет Гримм и поясняет, что перевод с древнего языка на тот же язык, но современный, ведет за собой непреодолимые трудности. Многие слова и выражения старинной речи, констатирует Гримм, уже утратили свой прежний смысл и значат сегодня совершенно другое. Одни выражения переводчика, по его мнению, звучат чересчур деловито, другие, дословно копирующие подлинник, кажутся теперь непонятными, грубыми, поэтому, оставленные на своих местах, они ведут к искажению содержания. Пафос гриммовской критики – в отрицании дословного перевода. Он за то, чтобы передавать дух и смысл оригинала.

В конце Гримм приводит образцовый перевод К. Зимрока, выдержавший впоследствии много переизданий.[247]

Приведенная полемика поучительна тем, что в ней отражены вопросы, которые дискутируются и через сто сорок лет после нее и видны трудности, встающие перед переводчиком, особенно при переводе с немецкого на другой язык.

Кроме точности перевода и верности истолкования (эти задачи для всякого перевода обязательны), здесь была еще одна первостепенная задача – освоить размер стиха, которым написана «Кудруна»., «Очень важно передать в переводе интонации и ритм подлинника. Иной переводчик – даже самый точный – может оболгать автора», – очень верно пишет С. Я. Маршак.[248] Между тем размер кудруновой строфы – абсолютно чужой для русского слуха. Воспроизведенный буквально, он не может звучать поэтически. Значит, надо не рабски копировать, а найти нечто равноценное по впечатлению, которое оставляют четыре длинных стиха,

распадающиеся на два полустишия каждый, в особенности же передать тяжелую" «поступь) последнего полустишия, растянутого на шесть ударных слогов. В нашем переводе мы решили не менять счет ударений, а сменить лишь самый размер с двухсложного на трехсложный и перейти в данном случае с ямба на амфибрахий в последнем, восьмом полустихе строфы.

Мы считали необходимым стремиться к равностроч ию, соответствию числа цезурных рифм и т. д. В «Кудруне» каждая строфа представляет законченное целое, что еще подчеркнуто каденцией последнею полустиха, а он нередко звучит афористически (см. строфы 5, 31, 359 и др.). Исключения, когда синтаксическая граница фразы не совпадает с концом строфы и переносится в последующую, немногочисленны (например, строфы 274–275, 649–650). Это требует пристального внимания к отдельной строфе, ее структуре и месту.

В языке «Кудруны» множество устойчивых выражений, постоянных эпитетов, характерных вообще для героического эпоса. Но в поэме большее разнообразие оборотов речи, чем в «старшем» эпосе. По сравнению с «Песнью о Нибелунгах» язык «Кудруны» более мягкий, изысканный, цветущий, тогда как словарь «Песни» проще, скованней.[249] Но необходимо добавить, что в «Кудруне» тоже есть какая-то «жесткость», встречаются окостенелые обороты, по сегодняшнему определению, канцеляризмы. Они составляют определенный стилистический пласт, который нельзя выключить, не обеднив поэмы. Вероятно, это деловой язык, язык имперской канцелярии, который проник в разговорную немецкую речь. Приведем пример: «Ir wizzet wol, her Hartmuot, wie es darambe stât», – обращается Кудруна к Хартмуту. В переводе это звучит так: «Ведь вам известно, сударь, как дело обстоит» (1032).

Что касается содержания эпоса, то, добираясь до сути, постоянно ощущая толщу веков, отделяющую нас от «Кудруны», нам хотелось не упустить подробностей быта и нравов, удивляющих нас своей непохожестью.

*** * ***

Переводчик приносит благодарность ленинградским коллегам за помощь, оказанную ему в раооте над «Кудруной», особенно Софье Викторовне Поляковой.

Он также сердечно благодарит Австрийскую национальную библиотеку в Вене в лице одного из ее руководителей гофрата д-ра Вальтера Визера за предоставление фотокопий фрагментов уникальной рукописи «Кудруны».

Примечания

Эпическая поэма «Кудруна», созданная в первой половине XIII в., дошла до нас в единственной рукописи, выполненной в 1504–1515 гг. по заказу императора Максимилиана I писцом Гансом Ридом в составе так называемой «Амбразской книги героев». Открыл «Кудруну» А. Примиссер, который впервые и опубликовал ее вместе с Ф. Х. фон дер Хагеном.[250] Это издание копировало текст рукописи, однако оба редактора внесли исправления в некоторые явно ошибочные места и свои конъектуры попорченных временем мест.

Последующие издания можно разделить на две группы. Одни издатели придерживаются рукописного текста и публикуют поэму целиком, корректируя только языковые формы, порядок строфу и их метрику. (На фотокопии фрагмента рукописи, помещенного в нашей книге, можно видеть, что переписчик копировал образец сплошь, для публикации же надо было его разделить на строфы, а также исправить ошибки, допущенные в размере стиха.)

Другие издатели (к ним относятся приверженцы «песенной» теории К. Лахмана), помимо указанного выше, стремились восстановить изначальный, «подлинный» текст поэмы путем исключения из нее многих строф, которые они признали «неподлинными» – вставками, дополнениями, внесенными разными интерполяторами.

Первое полное критическое издание поэмы принадлежит А. Циману,[251] который не искал в ней подлинных, более ранних строф, а приложил усилия к переводу рукописи Ганса Рида, написанной на языке начала XVI в. – раннем новозерхненемецком, окрашенном австро-баварским диалектом, на язык второй четверти XIII в. – средневерхненемецкий в его баварском варианте, чтобы приблизить поэму к предполагаемому образцу. В этом издании «Кудруна» тридцать лет оставалась известной немецкому читателю, пока не вышло другое полное ее издание, выпущенное К. Барчем в 1865 г. в серии «Немецкие классики Средневековья».[252] Этот крупный немецкий филолог выпустил также «Песнь о Нибелунгах» (та же серия, 1866 г.). Барч реконструировал текст «Кудруны», впервые взяв

при этом во внимание общий характер языка рукописи «Книги героев» в целом и сообразуясь с навыками Ганса Рида. Это послужило в дальнейшем основой для текстологической работы последующих филологов. Все они в той или иной мере стремятся приблизить язык найденной рукописи к предполагаемому оригиналу XIII в. и сделать обратный перевод если не полностью (что было невыполнимо), то в общем абрисе.

Свое издание Карл Барч снабдил статьей и обширными примечаниями, цель которых – дать перевод устарелых слов и выражений, объяснение исторических реалий, дабы сделать его понятным широкому читателю. Долгое время оно переиздавалось без существенных изменений. В 1965 г. его переработал и выпустил К. Штакман, поместив обстоятельное введение и послесловие, в которых излагается современное состояние изучения поэмы. Кроме того, он дал свой комментарий к тексту.

К. Барч принимал также участие в выпуске серии «Немецкая национальная литература», издаваемой И. Кюршпером. Он опубликовал в ней «Кудруну». После смерти К. Барча Пауль Пипер опубликовал этой же серии это издание вторично, в своей обработке. [253] Издание Пипера ценно обширным материалом, относящимся к источникам сюжета поэмы.

Издание Э. Мартина, выпущенное в 1872 г.,[254] содержал) большой научный комментарий. Это же издание выпустил в третий и четвертый раз, но без комментариев, Эдвард Шредер.

В другой популярной серии – «Библиотеке старонемецких текстов», основанной известным германистом Германом Паулем, выпустил «Кудруну» Баренд Симонс.[255] Сравнительно с предшествующими редакторами научных изданий «Кудруны» Симоне значительно ближе придерживается рукописного текста, реже выдвигает свои конъектуры, предпочитая даже оставлять не заполненные текстом места там, где в рукописи лакуна. В предисловии к 3-му изданию Симоне пишет, что во всех случаях, когда он исправляет рукопись, он оставляет рукописный вариант в подстрочных примечаниях.

3-е и 4-е издания «Кудруны» под редакцией Симонса выпустил Бруно Бёш, сопроводив их вступлением и примечаниями, которые дают только самые необходимые сведения для понимания текста. Б.

Бёш продолжает методику Б. Симонса придерживаться как можно ближе текста рукописи, хотя и не отказывается от «обратного перевода» поздней копии, что вызвано его стремлением достичь как можно большего сходства с недошедшим оригиналом XIII столетия.

Для второй группы издателей поэмы общим принципом были поиски «подлинных» эпических песен, из которых, как они думали, и составился эпос. Согласно теории Карла Лахмана, предполагавшего, что героические саги распевались певцами, каждая песнь составляла один эпизод (отрезок) всей поэмы.

Первую попытку отделить «подлинные» эпические песни «Кудруны» от позднейших наслоений сделал Л. Эттмюллер.[256] За ним последовал К. Мюлленгоф, он признал только 400 строф подлинными, а все остальное – позднейшей добавкой.[257] К этой же группе редакторов можно причислить А. П. Фольмора[258] и В. Плённиэса.

На русский язык «Кудруна» переводилась дважды, но оба перевода прозаические. Первый из них, неполный, сделан в конце прошлого века Л. Ю. Шепелевичем. Этот перевод вошел в докторскую диссертацию ученого «‚Кудруна". Историко-литературный этюд» (Харьков, 1894–1895, т. 1–2). Он включен во второй том труда, озаглавленный «Перевод II-ой части поэмы (Хильда) и опыт ее исследования».

Второй перевод – О. Петерсон и Е. Балабановой. Он помещен в их трехтомнике «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах» (СПб., 1896–1900. «Песня о Кудруне» в III т.). Как явствует из заглавия этого издания, Петерсон и Балабанова дают не полный, а сокращенный перевод (например, ими опущен эпизод приключения хегелингов в Мрачном море). Допускают переводчики и смысловые ошибки.

Полный стихотворный перевод «Кудруны» на русский язык сделан впервые.[259] Переводчик использовал одно из новейших изданий поэмы, а именно: Kudrun herausgegeben von B. Symons. 4. Auflage, bearbeitet yon Bruno Boesch. Tübingen, 1964.

---

notes

Примечания

1

В тексте поэмы заголовок этой авентюры отсутствует.

2

В средневековой Германии лен представлял земельное владение, пожалованное сеньором вассалу, за что последний обязывался нести военную или административную службу. В XII в. ленные пожалования переходили по праву наследования. Ленное право окончательно оформилось в XIII в. и сохранялось до конца XV в.

З

Фигуральное (и почтительное) выражение для понятия «вдоветь», равно как «покинуть вдовье кресло» означало «вступить в новый брак». Основано на том, что особое кресло, предоставляемое вдове, стало символом вдовства.

4

Норвежская королева являлась также властительницей Шотландии или части ее (в ориг. Frideschotten)

5

Мальчики, дети вассалов, прислуживавшие в замке сюзерена хозяйке и ее дочерям. Часто упоминаются в документах XIII в.

6

Здесь западный ветер приводит путников из Норвегии и Шотландии в Ирландию, что наглядно показывает, как произвольны и часто туманны географические понятия автора «Кудруны». Ирландия у него окружена морем и вместе с тем граничит с другими землями.

7

Навершье (buckel) – круглая выпуклая накладка в середине щита.

8

Тарч (buckelaere) – круглый щит с высоким навершьем; им вооружались слуги, а рыцари пользовались тарчем только на играх и состязаниях. Рыцарский боевой щит (schild, schirme) – треугольный, суживающийся книзу; поставленный на землю, он достигал середины груди воина.

9

Хаген еще не коронован и даже не посвящен в рыцари. Это дает повод считать его брак с королевой Норвегии неравным. В XI–XIII вв. в Германии государственные дела решались королем совместно с придворной знатью. В особо важных случаях, например когда рассматривались вопросы войны, отношения с другими государствами, избрания короля или лишения его королевской власти, дела решались собранием князей, выступавшим как полновластный орган.

10

При посвящении в рыцари знатного феодала с ним вместе совершали обряд посвящения сыновья вассалов и другие юноши благородного происхождения.

11

Сыновья знатных господ до семилетнего возраста находились на попечении женщин. С семи лет их воспитывали мужчины.

12

Здесь первый из характерных для эпоса «заглядов в будущее». В отличие от классической «Песни о Нибелунгах» трагизм этих предвестий смягчается тем, что они не носят абсолютного характера, а проливают свет на одно ближайшее звено будущего, в то время как окончательная развязка «Кудруны» оптимистична.

13

Бугурт (bühurt) – род рыцарских состязаний, в которых противники, вооруженные только копьем и щитом, выступают друг против друга на конях отрядами в отличие от рыцарского поединка (tjost).

14

Кравчий – слуга, ведающий княжеским или королевским столом; дворецкий – смотрящий за всем порядком королевского (княжеского) дома. Это высокие придворные должности в средневековой Германии. При дворе Карла Великого их было тринадцать: маршал (собственно конюший), ведающий королевскими конюшнями, два чашника – королевских виночерпия (см. примеч. 1612), церемониймейстер, казначей и др.

Дворецкий, ранее звавшийся сенешалем, а с IX в. в Германии – трухзесом (truhsaez), управлял всем штатом слуг и стал самой значительной фигурой, соответствующей первому министру.

Во время коронации Оттона I в 936 г. эти придворные должности были поручены герцогам. В обычное время их заменяли более низкие служители, которые разделяли с ними эти должностные звания. В эпосе для отличия благородных служителей прибавляется слово hoechste – «высший, главный» (ср. строфу 411).

15

Король как гостеприимный хозяин сам провожает дам в зал, где гости собираются на пиршество.

16

Шпильман (букв.: игрец). В средневековой Германии – бродячий певец-профессионал, выходец из народа. Он исполнитель эпоса и других жанров средневековой поэзии, одновременно музыкант, а часто еще потешник, фокусник (то же, что французский жонглер, в России – скоморох). Он находил аудиторию среди простого народа и в феодальном замке, где присутствие шпильманов стало необходимой принадлежностью пиров и празднеств.

17

Эпитет «дикий» в «Кудруне» обычно относится к явлениям стихийным, неподвластным человеку или превосходящим его силой, подчас содержащим и нечто волшебное.

18

Аксамит – старинное название бархата.

19

Для тяжеловооруженного средневекового всадника (весившего около 200 кг.) требовалась рослая и сильная лошадь. В Ирландии в это время разводили массивных лошадей – шайров, которые использовались как боевые рыцарские кони. Их современные потомки – порода самых крупных лошадей в Ирландии и Англии.

20

Гномы – сказочные человечки, подземные духи, живущие в пещерах. В немецких сказках и сагах выступают как целый народец. Гномы – искусные кузнецы и хранители подземных сокровищ. Народные верования причисляют гномов также к домашним духам, обитающим под печным шестком.

21

Здесь и далее пилигримы – синоним крестоносцев.

22

Кобольд – в германских сказках и народных верованиях – проказливый дух с обличием карлика, обитающий в горах и в лесах. Первоначально также воплощал домашнего духа, домового.

23

Имеются в виду дорожные плащи с капюшонами. Девы стыдятся надевать мужскую одежду (см. также строфы 116 и 1233).

24

Подобные плащи носили также монахи некоторых орденов. Почитался как реликвия плащ св. Мартина (римский папа с 649 по 654 г.), который хранился в Риме.

25

Переход от «вы» к «ты» и наоборот часто встречается в поэме, даже в пределах одной строфы. Здесь, как и вообще в народном эпосе, старый обычай всеобщего обращения на «ты» переплетается с новой формой вежливого обращения на «вы».

26

Дворец (pallas) – главное здание средневековой королевской или княжеской резиденции, где обычно находился большой парадный зал.

27

Читатель впервые узнает, что у Хагена есть родимый знак, а между тем неизвестный факт рассказывается как известный. В этом одна из непоследовательностей эпоса.

28

Мечом перепоясать им надо поскорей… – т. е. посвятить их в рыцари. Перепоясание мечом – ранняя немецкая форма этого обряда, которая позднее была заменена другой, заимствованной из Франции: посвящаемого ударяли плашмя мечом по плечу. Весь ритуал церемонии со временем значительно усложнился.

29

Марка – денежная единица и монетный вес, примерно равный половине фунта золота или серебра. В это время почти каждый немецкий город имел свой фунт, отличающийся по весу (в переводе на нашу систему от 400 до 500 г.). 250 марок на человека составило бы 50–60 кг, что является гиперболой, присущей эпическому стилю.

30

Согласно старому германскому обычаю, к установленному сроку давалось дополнительное время: год и день, год и три дня (ср. также строфу 350).

31

Поперсъе – конский нагрудник.

32

Одновременно с Хагеном посвящались в рыцари сто его друзей и тысяча приезжих.

33

В средневековом обществе отношения феодальной зависимости накладывали отпечаток на частную жизнь господствующего сословия. Понятия «служения» и «награды» проникают в сферу любви и дружбы. Рыцарь питает к даме «высокую любовь» (höhe mînne) и служит ей как своей госпоже. Непривычная трактовка куртуазных отношений в «Кудруне» заключается в том, что здесь дама служит рыцарю, а он награждает и платит служением за служение (ср. строфу 185: «Она ему служила когда-то на чужбине, // За это он платил ей отвагой и доблестью ныне»).

34

Первым действием вошедшего на престол монарха являлась раздача ленов, связанная с вассальной зависимостью.

35

Принятие в вассалы скреплялось ритуалом: вассал клал свои сложенные руки в открытые руки сеньора.

36

…*На каждого спесивца гордец найдется равный.* – Пословица.

37

Подразумевается Хетель, названный по имени в строфе 206. *Марка* – в Германии в Средние века и позднее – пограничный округ с военным управлением.

38

Штурмен – идентифицируется немецкими исследователями с г. Штормарном в бухте реки Эльбы, ныне территория ФРГ, земля Шлезвиг-Гольштейн.

39

Нортландия – древнее название Дании.

40

Дания – лен Хоранта, одна из частей владений Хетеля. В широком смысле все подданные Хетеля часто называются датчанами.

41

Хегелинги – подданные Хетеля, а «страна хегелингов» – общее название всех его владений.

42

Фрисландия, в поэме принадлежащая Хетелю, – историческая область на побережье Северного моря и на островах, заселенная фризами. В Средние века выделились три отдельные ее части: Западная Фрисландия (в настоящее время соответствующая нидерландской провинции Северная Голландия), Средняя Фрисландия, или собственно Фрисландия (ныне провинция Нидерландов), и так называемая Восточная Фрисландия к востоку от реки Эмс (ныне область ФРГ, земля Нижняя Саксония).

43

Дитмерс – в числе владений Хетеля назван лишь один раз и расшифровывается как Дитмаршен; область, расположенная между Северным морем, рекой Эльбой и Кильским каналом (ныне часть земли Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ).

44

Валейс – пограничный округ, подвластный Хетелю. Видимо, автор заимствовал это название из «Парцифаля», знаменитого романа Вольфрама фон Эшенбах, где некоторые события происходят в стране Валезии.

45

Морунг правит Нифландией – Лифляндией, т. е. страной ливов (ныне территория части Латвийской и части Эстонской ССР). Этому противоречит то, что в строфе 271 (в переводе 272) он является фризом (фрисландцем) и приводит из Фрисландии войско, а с 641 строфы и далее его местопребывание в марке Валейс, маркграфом которой он назван (в строфе 1087).

46

Португальцы и датчане изображены здесь как враждующие соседи, тогда как в строфе 119 Португалия представала как очень далекая страна. Автор мог почерпнуть это название из книжного источника, например из «Парцифаля», где упомянуты португальцы, но мог слышать его и в жизни: Португалия, ставшая с середины XII в, самостоятельным королевством на северо-западе Пиренейского полуострова, одержала в 1230 г. большую победу над маврами.

47

Ирольт – повелитель фризов и гольштинцев, жителей Гольштинии, принадлежащей к владениям Хетеля (ныне область в ФРГ, южная часть земли Шлезвиг-Гольштейн), несколько раз назван нортландцем (см. строфы 273, 310, 481, 520). Подобные неувязки встречаются и в отношении других персонажей.

48

Кампатилла – замок Хетеля (см. строфу 760 и примеч. к ней).

49

В те времена корабли не имели палубы. Вате требует, чтобы были настелены доски, под которыми могут спрятаться воины.

50

В подлиннике kocke – парусное судно, широкое, короткое и достаточно глубокое, с закругленным носом, служившее главным образом для перевозки грузов.

51

Галера (galeide, galie) – длинное парусное и весельное судно, также предназначенное для перевозки грузов, а в походах – различных припасов. В эпосе барки и галеры часто упоминаются вместе как своего рода формула.

52

Это могло иметь реальное основание. Багдад, бывший на Аравийском полуострове перевалочным центром караванно-морской торговли средиземноморских стран с Индией, поставлял также собственные товары – хлопчатые и шелковые ткани, джут для выделки парусины и канатов.

53

Абалия, очевидно, какая-то восточная страна, названная так по аналогии с Аравией. Автор вряд ли строго отличал страны Аравийского полуострова от других стран арабского Востока, в которых повсеместно возделывали шелк, высоко ценимый в Западной Европе.

54

Порядок строф в рукописи: 272–271, что нарушает последовательность перехода к 273 строфе. Переставлено нами согласно изданию Б. Бёша.

55

Строфа трудна для понимания. Некоторые немецкие филологи считают, что поэт здесь оспаривает другую, известную ему, версию саги, согласно которой резиденция Хагена находилась в Польше, а сам он представлен жестоким правителем.

56

В «Имперском земском мире» Фридриха II (1235 г.) говорится о бесчинствах на больших дорогах. «Земский мир» предписывал сеньорам взимать, пошлины в узаконенном порядке и обеспечивать конвой для безопасности путников (см.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961, с. 332–333). Тогда же были введены охранные грамоты.

Немецкие филологи считают, что строфы 295 и 296 навеяны статьями указанного постановления.

57

Тафта – шелковая легкая ткань; парча – золотая и серебряная ткань или шелк, шитый золотом, серебром; пурпур – ткань, окрашенная драгоценной багряной краской; как и парча, она изготовлялась в Египте и Сирии. В Египте изготовлялись такие тонкие шелка, что большой кусок их можно было, свернув, спрятать в тростниковой трубке.

58

В Средние века в Испании разводили породу выносливых и рослых лошадей, способных нести рыцаря в полном вооружении.

59

Кампалия (предположительно Campanie – искаженное Champagne) – Шампань, графство на востоке Франции. Если это так, то воины Морунга были одеты во французское платье.

60

Придворные щеголи завивали локоны на бороде и вплетали в них ленты. Это плохо согласуется с суровым видом и жестким характером Вате, так же как золотые украшения в его кудрях (см. строфу 355).

61

В немецких эпических произведениях XII–XIII вв. встречаются ссылки на непримиримость «свирепых саксов», что, возможно, основано на их упорном сопротивлении попыткам Карла Великого покорить их и обратить в христианство (в 772–804 гг.).

62

Подразумевается Хорант, названный по имени в 373 строфе. (Аналогично в начале V авентюры.)

63

Утренняя песня (tagewîse) – лирический жанр, совпадающий с альбой (albe – «утренняя заря»), созданной провансальскими трубадурами. Ее главная тема – тайное ночное свидание и расставание на заре; характерная ситуация: кто-то третий – птица, друг, слуга – будит влюбленных, предупреждая о наступлении рассвета.

64

Фунт – мера веса для благородных металлов, самая высокая денежная единица, равная 20 солидам – старинным франкским монетам. Когда же при Карле I переходят к серебру, то на фунт приходится 20 шиллингов или 240 серебряных денаров (пфеннигов).

65

Стольник (в немецком тексте стоит kameraere) – один из высоких придворных чинов. Он ведает королевскими сокровищами, принимает подарки и раздает их гостям, хранит ценную одежду, наблюдает за баней, распоряжается расстановкой столов и сидений на праздниках. На пирах его место у дверей, откуда он наблюдает за каждым входящим. Ведет надзор за женской прислугой и даже за молодыми княжескими дочерьми, которые воспитываются при дворе. Здесь речь идет не о стольнике-вельможе, а о служителе, выполняющем повседневные обязанности

66

В раннем Средневековье германцы платили скотом. Под влиянием Византии они стали расплачиваться кольцами, браслетами. Хотя рано появляется звонкая монета, но только с ростом городов она получает полное распространение (см. строфы 1224 и 1290).

67

Слово «Амилия» в поэме больше не встречается. Филологи считают, что это восточное название, скорее всего арабское. Не случайно сказано, что Хорант слышал этот напев «у дикого потока»

68

В этой строфе понятная. средневековому читателю метафора: пояс – символ девственности. Хорант просит этот дар в знак того, что Хильда согласна принадлежать Хетелю.

69

В оригинале сказано höchste kameraere – речь идет о стольнике-вельможе.

70

Это необычное сравнение мы встречаем и в «Песни о Нибелунгах», где о вещих девах говорится: «Три девы, словно птицы, носились по волнам» (Песнь о Нибелунгах, строфа 1536, 1).

71

Морские паруса, предпочтительно белые, имели форму трапеции. С XIII в. их стали украшать гербами. Кресты на парусах обыкновенно ставили крестоносцы. Герб Ирландца с изображением креста и начертанных сверху фигур, очевидно, вымысел автора, так как в его время ирландский герб представлял золотую арфу на голубом фоне.

72

В рукописи порядок этих строф, по-видимому, перепутан, так как нарушена связь и логика событий. В переводе строфы переставлены согласно реконструкции В. Бёша. В подлиннике порядок строф такой:*501, 503, 502, 504, 507, 509, 506, 505, 508, 510.

73

Средневековые авторы часто ссылаются на книжный источник, подтверждая этим достоверность рассказа, поэтому нельзя безусловно верить такой реплике, ставшей традиционной. Но не исключено, что певец «Кудруны» действительно был знаком с рукописью, содержавшей скандинавскую сагу о битве Хёгни и Хегина из-за Хильды, и, может быть, у него в руках была трансформированная «Хильда-сага», где вечный бой уже заменен примирением.

74

Шишак – старинный германский шлем конической формы; прокладка – шапочка из гибкой стали, которую надевали под шлем, а под ней еще носили мягкую стеганую шапочку.

75

В подлиннике «von einem wilden Wibe», дословно: «у некой дикой женщины», т. е. живущей в лесной глухомани, занимающейся знахарством и лечащей травами

76

В Дании издавна разводится своя, ютландская тяжеловозная лошадь с хорошо развитой грудью, выносливая и спокойная.

77

Мавритания – старинное название мусульманских стран в северо-западной Африке.

78

Мавры – средневековое название арабов и африканского племени берберов, завоевавших в VIII в. большую часть Пиренейского полуострова.

79

Икария – остров в Эгейском море, в «Кудруне» включенный в мавританские владения.

80

Виголейс – онемеченное Wigalois (франц.). Это имя могло попасть в «Кудруну» после появления поэмы Вирита, фон Графенберга «Вигалуа, или Рыцарь с колесом» (1204–1209), представляющей переработку неизвестного французского источника, относящегося к Артуровскому циклу рыцарских романов. Это имя в форме Виголойс встречается также в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбах, которому Вирит подражал.

81

Миля – мера длины, равная 1000 шагам. Дневной переход – обычная мера пути, «первоначально – расстояние, на которое можно перегнать за день стадо скота.

82

В строфе 819 упоминается, что Людвиг был ленником Хагена, но неизвестно, кто этот не названный брат короля Оттона, бывший тоже ленником Хагена; неизвестно также, какой Оттон имеется в виду. Скорее всего это имя поставлено ради рифмы (Fridesehotten – Otten). Некоторые комментаторы думают, что здесь отражены события, как-то связанные с юностью короля Оттона IV (конец XII – начало XIII в.).

83

В подлиннике «das muote Hartmuoten harte sere» – игра слов, основанная на том, что имя Хартмут означает буквально «твердый духом». Здесь также видна намеренная игра созвучиями.

84

В подлиннике; «tougen ougen blicke was da vil geschehen» – пример внутренней рифмы, которой поэт намеренно украшает строфу.

85

Морунг хорошо знает жителей марки Валейс, поскольку она представляет западную окраину государства Хоте ля и граничит с землями Хервига, а именно с маркой Галейс.

86

Вход в замок находился в особой воротной башне, снабженной специальными сооружениями и площадками, на которых стояли машины для сбрасывания камней на неприятеля – камнеметы. Привратники могли впускать прибывших через особый вход, не открывая ворот. За воротами в стенах были глубокие выемки, куда вставлялись поперечные брусья. Наступавшим препятствовали и решетки, которые опускались над входом. Кроме того, подход к замку преграждали наружные ворота, за которыми шел ров, а через него подъемный мост.

87

Изменчива удача и вертится, как шар. – Пословица.

88

Описание вооружения соответствует XII в. и лишь отчасти более раннему времени. Старинные матерчатые доспехи, обшитые роговыми щитками, уже сменил панцирь из металлических пластин или колец. Вначале он закрывал только грудь и плечи, но в XI–XII вв. его длина достигает колен, рукава закрывают руки. Когда рыцарь нападал, резко двигался, – кольца звенели. Затылок и шею рыцаря защищал особый ошейник (halsperge), тоже состоящий из колец. Воинам жарко в тяжелом вооружении, пот течет по лицу, увлажняет доспехи. Там, где доспехи непосредственно касаются тела, ржавчина пачкает кожу, поэтому, снимая вооружение, рыцари моются (см. также строфу 1530).

89

Этот образ считают навеянным «Песней о Нибелунгах», где о Зигфриде говорится: «Казался он картиной, которую нанес // Художник на пергамент искусною рукой» (286, 2, 3; перевод Ю. Б. Корнеева). Если это и так, то нельзя не заметить намеренного противопоставления: в одном случае герой сравнен с произведением миниатюриста, в другом – с фресковой живописью

90

Переход от «Вы» к «ты» особенно ощутим здесь, где может быть объяснен психологически и придает речи Кудруны живость и безыскусственность.

91

Приведенные строфы говорят о том, что брак Кудруны и Хервига юридически заключен. Для этого не требовалось участия священника. Брачная пара вступала в круг, образованный гостями, и в присутствии свидетелей жених и невеста должны были ответить утвердительно на вопрос брачующего и обменяться клятвами. Несмотря на строгие распоряжения Карла Великого (в 802 г.), церковный брак был фактически введен лишь в конце XV в. Сначала церковному браку следовали короли, так как сразу за ним совершалась коронация (см. также строфы 179 и 1660).

92

В тексте поэмы заголовок этой авентюры отсутствует.

93

Скрыни – лари.

94

По рыцарским законам запрещалось нападать на беззащитные замки в то время, когда бойцы сражаются в поле.

95

Похвала швабам, нигде более в поэме не упомянутым, по мнению старых критиков (Эттмюллер, Мартин), объясняется тем, что поэт жил или бывал в Швабии. Можно еще предположить, что слово «швабы» обусловлено только рифмой (gäbe – Swâben).

96

Эти слева переносят нас в мир викингов. – скандинавских пиратов и воинов, чьи нападения сотрясали в IX–XI вв. Западную и Восточную Европу. Потерпевшим нередко удавалось откупиться деньгами, но лишь на время. Советский историк так пишет о вторжении скандинавов в Англию: «В 1000 году викинги отплыли в Нормандию, чтобы в следующем году возобновить свои нападения. В 1002 г. они получили выкуп размером в 24 тыс. фунтов серебра» *(Гуревич А. Я.* Походы викингов. М.: Наука, 1966, с. 20).

97

Мателана – замок Хетеля. Здесь противоречие, так как выше (строфа 235) он звался Кампатилла.

98

Норманны ничем не хотят себя связывать в предвидении нападения на замок Хильды.

99

Картина пира, угощения, перенесенная на битву, является традиционным образом народной поэзии, она встречается во многих эпических произведениях, например в «Песни о Нибелунгах»: «Помянем же усопших хозяйкиным вином // И гуннам за него платить с наследника начнем» (Перевод Ю. Б. Корнеева); в «Слове о полку Игореве»: «…Тут кровавого вина недостало, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю русскую» (Перевод Д. С. Лихачева).

100

Поднятое знамя – знак готовности к битве.

101

793–797 строфы переставлены согласно реконструкции В. Бёша. В рукописи порядок строф следующий: 796, 797, 793, 794, 795.

102

Это противоречит предшествующей строфе, где сказано: «Их замок был разрушен.»…

103

Возможно, что пожитки паломников оставили в гавани, чтобы не отяжелять ими суда (ср. строфу 439).

104

Крестоносцы нашивали на одежду и корабельные паруса знак креста. Но, как пишет Шёнбах, «идти с крестом» – могло значить еще и «идти крестовым походом». «Крест» уже сам по себе, без дополнения, означает «священную экспедицию против сарацин» *(Schönbach A.* Das Christentum in der altdeutschen Heldendichtung. * Graz, 1897).

Таким образом, указанную строфу можно понимать. так: Хетелю безразлично, закончат ли пилигримы свой крестовый поход.

105

Неясен смысл, каким образом шелковая рубашка спасла Людвига при ранении в голову. Б. Бёш пишет, что речь, возможно, идет о реликвиях, вшитых в ткань, чему есть примеры в других эпических памятниках *(Boesch B.* Bemerkungen. – In: Kudrun/ Hrsg. von Symons B. 4. Aufl. besorgt von B. Boesch, S. 146). Иначе объясняет Ю. Диффенбахер: в XIII в. шлем, утратив коническую форму и закрывая всю голову, стал походить на железный горшок с плоским дном и отверстиями, для воздуха и глаз. Прокладки (ср. прим. к строфе 518) это и есть спасительная рубашка (hemede), хотя в тексте ясно сказано, что она надета была под кирасу («under brünne») – металлический доспех, прикрывающий грудь и спину (см.: *Diffenbach'er J.* Deutsches Leben im XII Jahrhundert. Leipzig, 1899).

106

Здесь битва уподобляется пашне. Еще А. И. Кирпичников обратил внимание на метафору «витязи удабривают поле мертвыми» и сравнил со сходным образом в «Слове о полку Игореве»: «Чръна земля под копыты костьми посеяна, а кровью польяна» *(Кирпичников А. И.* Кудруна, национальная поэма немцев. – Зап. Харьк. ун-та, 1874 г., т. III).

107

Штандарт – знамя конного полка.

108

Это говорится о Вате.

109

Гуфа – германская земельная мера, величина ее колеблется в различных областях примерно от 7 до 15 га.

110

Госпитальеры – (иначе: иоаннитьт) – духовно-рыцарский орден, основанный в начале XII в. в Палестине после Первого крестового похода. Одним из главных обетов, который давали члены ордена, был уход за больными. В XIII в. орден имел обширные земельные угодья в Западной Европе.

111

Латеранский собор в 1215 г., а в 1244 г. Лионский объявили личность и имущество пилигримов под защитой церкви.

112

Порядок строф в рукописи: 942, 941, 940, 943. Логика действия нарушена, путаница произошла, вероятно, из-за одинакового начала этих строф («Do sprach.»…). В переводе строфы переставлены по реконструкции В. Вильманса *(Willmanns W.* Die Entwicklung der Kudrundichtimg. Halle, 1873, S. 110), строфа 940 (в рукописи 942) испорчена: в четвертой строке лакуна.

113

Речь идет о Хильдебурге. Галисия – область на северо-западе Испании. Ранее, в строфе 119, Хильдебурга названа дочерью правителя Португалии. Галисия и Португалия, с середины XII в. ставшая независимым королевством, представляются автору идентичными.

114

Отношения между отцом и сыном в поэме не ясны: то Людвиг выступает единственным повелителем Нормандии, то Хартмут показывается как его соправитель, а то и прямо называется «хозяином юным» страны (см. строфу 992). Хартмут собирается стать королем, а из строфы 1031 можно понять, что корону он может надеть только после свадьбы.

115

Немецкие судебники XIII в. предписывали виновного в изнасиловании женщины или девушки карать повешением, А в «Саксонском Зеркале» (между 1224 и 1230 гг.), дошедшем в огромном количестве рукописей, за это преступление полагалось отрубить голову (см.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961, с. 364). Другое дело, что эти постановления далеко не всегда выполнялись, о чем свидетельствуют слова норманнского князя.

116

Здесь бросается в глаза несоответствие в числах, характерное для всей поэмы: Хильда обещает построить 20 кораблей (строфа 946), а велит изготовить 22 барки и 40 галер. То же самое и с количеством воинов. Так например, король Хервиг собирается привести три тысячи человек, а ведет в бой семь тысяч (строфа 1461). После покорения Кассианы часть войска хегелингов в тридцать тысяч продолжала поход по Нормандии, одна тысяча осталась в замке (строфа 1544), три тысячи были убиты и ранены (строфа 1561). Где же остальные? Ведь согласно 1104 строфе их было 70 000. Те же неувязки и в лагере их противников. Ф. Панцер объясняет эти противоречия особенностями народного героического эпоса. Все подобные числа в нем служат только средством для передачи масштабов происходящих событий, их размаха, но не преследуют действительной точности и правдоподобия *(Panzer F.* Hilde-Gudrtm. Eine sagen und literaturgeschichtliche Untersuchung. Halle, 1901, S. 90–99).

117

Маркграф – в Средние века – правитель марки (см. примеч. к строфе 204), позже – титул некоторых немецких князей.

118

Голъштинцы – жители Гольштинии, принадлежащей к владениям Хетеля. (Ныне область в ФРГ, в южной части земли Шлезвиг-Гольштейн.)

119

В оригинале связь повествования нарушена, порядок строф такой: 1090, 1089, 1088. Кроме того, на слова, обращенные к Фруте, отвечает Ирольт. По-видимому, между строфами 1090 и 1091 пропущена одна или две строфы, где мог содержаться ответ Фруте и отъезд послов к Ирольту.

120

Речь посла, как и письма, обычно начиналась с заверенья в готовности к услугам.

121

Гиверс – магнитная гора. Сопоставление этого названия с названиями Этны в литературных источниках (Monte Gibello, mons Gyber) позволяет думать, что Гиверс – это название Этны. Мрачное море – сказочное стоячее море, в котором корабли не могут сдвинуться с места Предание о Магнитной горе и рассказ о Мрачном море относятся к сказочным восточным мотивам, заимствованным в период крестовых походов.

122

Шлем конической формы покрывал не всю голову и мог упасть при порывистом движении или от удара, поэтому он либо закреплялся ремнем под подбородком, либо соединялся металлическими колечками с защитным «ошейником» (halsperge).

123

Чепрак – матерчатая подстилка под седло, поверх потника, служащая для украшения; покрывало – попона, закрывающая спину и туловище коня.

124

Густрата – место захода солнца. Это загадочное название пока еще не нашло бесспорной расшифровки.

125

Вербное воскресенье, христианский праздник за неделю до Пасхи.

126

Вежливая форма отказа (так же, как в строфе 1233: «Счастливо дай вам бог // Плащами. укрываться…»).

127

1240–1241 в тексте противоречие: Кудруна смотрит на брата и ждет от него помощи, а обращается со словами к Хервигу. Можно предположить, что здесь пропущены' одна или две строфы.

128

*Кмет*ъ – ратник.

129

Речь Кудруны двусмысленна. Она действительно говорила не с «чужими», а с близкими людьми, братом и Хервигом, но речь ее как раз направлена на скрытие этой правды. Подлинный смысл речи Кудруны до Герлинды не доходит.

130

Появление Хартмута в этой сцене никак не оговорено автором. Вообще автор небрежно относится к вводу персонажей в ту или иную сцену. Ф. Панцер, обобщивший подобные неувязки, обнаруженные в поэме, считает, что в этом проявляются наивные, архаические черты, свойственные еще докуртуазному эпосу *(Panzer Fr.* Hilde-Gudrun).

131

Кудруна знает, что это последнее условие невыполнимо, так как она ожидает прихода своих защитников.

132

Эти слова Герлинды относятся не к Ортруне и Кудруне, а к Кудруне и Хартмуту.

133

Герлинда все слыхала… – это противоречит предшествующей строфе, где говорится, что «о смехе королевны Герлинде уже доложили».

134

В свите Кудруны были 63 девы (см. строфу 1300), из этого видно, что в пышной опочивальне укладывались спать по двое на одном ложе. Это было обычным для Средних веков, когда даже короли порой спали в одной кровати с гостями.

135

В описываемое время у знатных господ существовал обычай выпивать на сон грядущий чару вина или меда. Мед – напиток из меда, смешанного с одиннадцатью частями воды. В XIII в. его уже вытесняет виноградное вино (особенно рейнвейн), сдобренное фруктами и пряностями.

136

С точки зрения успеха военного нападения, Вате должен был бы радоваться безлунной ночи. (Не частый пример несоответствия высказываний героев с логикой событий.)

137

Рыцарь, в чьем отряде было 50 ленников, поднимал боевое знамя (прапор), имевшее первоначально трехугольную, а затем четырехугольную форму, так как третий угол стали отрезать. Развевающийся конец знамени достигал руки, державшей древко. Эти стяги обычно имели один-два разреза в длину. В верхней части был нарисован или вышит герб его владельца. Здесь на гербе изображены острия (нем. цfter) мечей, что геральдически является намеком на имя Ортвин (Ortwin) и страну Ортландию (Ortland), подвластную ему.

138

В подлиннике Skäleter «морские лепестки» пли «лепестки морского цветка», что геральдически связано с названием Selant – Зеландия (страна Хервига).

139

Кто прошлый год смеялся, тот ныне слезами заплачет. – Пословица.

140

Знатные дамы носили парадные платья с длинными рукавами, концы которых можно было набрасывать на голову как покрывало, а также пользоваться ими как карманами.

141

Стрельница – башня, с которой стреляли обитатели замка.

142

Копья наклоняли при штурме, а до этого дело еще не дошло.

143

Кесарь – император. Сравнение с императором (императрицей) встречается и в других литературных памятниках XIII в. Например крестьянин Гельмбрехт, герой одноименной повести, ставший рыцарем-разбойником, говорит: «Сам император будет рад,//Коль в плен его не заберу»; в другой стихотворной «Повести о Сердце», принадлежащей позднекуртуазному поэту Конраду фон Вюрцбург (1220–1287), говорится; «Явилась к рыцарю подруга,//Прекрасней всех императриц.»… (стихи 140–141). Упоминание императора служит гиперболой, основанной на традиционном представлении о величии, могуществе императорской власти, хотя Фридрих II, бывший германским императором в то время, когда завершалась «Кудруна», значительно уступил свою власть в стране имперским князьям.

144

Убийство Хетеля здесь ошибочно приписывается Хартмуту, тогда как убил Хетеля Людвиг.

145

Бой на мечах против обыкновения ведется здесь не пешими противниками, а всадниками.

146

Смысл не ясен, так как не сказано, кто были эти воители – норманны или хегелинги. Можно предположить, что Хервиг внезапно получил подкрепление.

147

Здесь переводчик употребил старинное и официальное обращение «внука» – то же, что и «внучка» (см. также строфу 1480).

148

Засовы – брусья, снаружи их можно было только вырубить

149

В средневековых войнах это часто делалось, чтобы лишить противника его укреплений.

150

В поход по Нормандии отправились Вате и Фруте во главе тридцати тысяч бойцов. Теперь они вернулись, и вопрос задается им, а отвечает Хервиг, об участии которого в походе ничего не говорилось. Такие неувязки, когда отвечает не тот, кого спрашивают, или же отвечает, но не на вопрос, встречаются в поэме, они также классифицированы Ф. Панцером *(Panzer F,* Hilde-Gudrun).

151

Хильда отправляется встречать гостей сама, так как ее мужа-короля уже нет в живых (см. также строфу 1587).

152

В рукописи – пустые строки. Немецкие комментаторы реконструируют недостающий текст по образцу сходного места в «Песни о Нибелунгах» (строфа 601, 1–2). Бруно Бёш (по изданию которого осуществлен русский перевод «Кудруны») считает, что уцелевший фрагмент четвертой строки не подтверждает этого решения, и поэтому в своем издании он оставляет в строфе лакуну.

153

Ср. со строфой 660, см. примеч. к этой строфе.

154

Чин чашника (см. примеч. к строфе 38) – королевского виночерпия, так же как стольника, соответствовал рангу министра и с ним было связано владение обширным и богатым леном. В «Кудруне» чин чашника принадлежит Хоранту. Фруте шутит, говоря, что коль скоро он должен выполнять на пиру обязанности Хоранта, то он должен также получить и его лен. Вручение знамен завершало церемонию пожалования лена. Как видно из литературных источников, вассал приносил знамя сюзерену, а тот вновь вручал ему знамя как своему леннику.

155

Левантинцы – жители Леванта (итал. Левант – Восток). Это название употреблялось ранее как общее для стран восточного побережья Средиземного моря, Ближнего Востока. Из стран арабского Востока вывозилось много редкостных товаров – от оливкового масла, сушеных фруктов, лимонов и пряностей до парфюмерии, ювелирных изделий, богато украшенного вооружения, ламп, иголок и платья

156

Ортруна и Хильдебурга.

157

Поскольку нет видимой причины для боевых действий, то объяснить это можно только воинственным характером Вате.

158

Выше о Зигфриде говорилось обратное: «…лицом и телом был черен рыцарь юный»

159

Фруте здесь назван стольником (kameraere), что противоречит тексту строфы 1612, где он назван чашником (schenke).

160

Подругам, не носившим повязки головной… – т. е. незамужним. Как это видно на знаменитых женских статуях Наумбургского собора, частью головного убора замужней женщины была повязка (gebende), словно бинтом охватывающая лоб и щеки.

161

См.: Песнь о Нибелунгах/ Изд. подгот. Адмони В. Г., Жирмунский В. М., Корнеев Ю. В., Сигал Н. А. Л.: Наука, 1972. Об этом памятнике см.: *Хойсяер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах/Пер. Бертельса Д. Е.; Под ред. Жирмунского В. М., Сигал Н. А.; Вступ. ст. и примеч. Жирмунского В. М. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

162

Grimm W. Die deutsche Heldensage. B., 1829, S. 270.

163

Grimm W. Seitung zur Vorlesung über Gudrun. – In: Kleinere Einlchriften von Wilhelm Grimm. Gütersloh, 1887, S. 57.

164

Об этом см.: *Жирмунский В.* Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975, с. 387–394.

165

См.: *Жирмунский В. М.* Немецкий героический эпос. – В кн.: История западноевропейской литературы: Раннее Средневековье и Возрождение. М.: Учпедгиз, 1947, с. 117.

166

См.: Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von Anfang bis zum Gegenwart, Leipzig, 1967, Bd. 1,S. 478.

167

См.: *Droege K.* Zur Geschichte der «Kudrun». – Zeitschrift für deutschem Alterium. Bd. 54 (1913), S. 121 ff.

168

См.: *Stackmann K.* Einleitung. – In: Kudrun/Hrsg. von Bartsch K. Leipzig, 1865; 5. Aufl. Überarb. und neu eingel. von Stackmann K. Wiesbaden, 1965, S. X.

169

См. *Пуришев Б. И.* Народный героический эпос. – В кн.: История немецкой литературы: В 5-ти т. JVL: Изд-во АН СССР, 1962, т. 1, с. 112

170

В «Кудруне» встречается и большее число ворот, например в норманнском замке Хартмута их четверо.

171

Здесь и далее, когда речь идет о «Кудруне», в скобках указаны номера строф.

172

См.: *Вернер Садовник*. Крестьянин Гельмбрехт/Изд, подгот. Френкель Р, В. М, Наука, 1971.

173

Адмони В. Г. «Песнь Нибелунгах», ее истоки и ее художественная структура, – В кн.: Песнь о Нибелунгах. Л.: Наука, 1972, с. 305.

174

Kreuzlieder – жанр песни, призывающей к участию в Крестовом походе, в которой описываются переживания крестоносца

175

Исследователь рыцарского романа А. Д. Михайлов пишет: «В романе на первый план выдвинут „личный интерес“ рыцаря – его стремление к подвигу и славе», отсюда выводится, что рыцарский подвиг, так называемая авантюра, становится «нравственной мерой и центральным понятием поэтики куртуазного романа» (см.: *Михайлов А.* Д. Роман и повесть Высокого Средневековья. – В кн.: Средневековый роман и повесть. М.: Худож, лит., 1974, с. 9, 15)

176

Пуришев В. И. Указ. соч., с. 100.

177

См.: *Жирмунский В. М.* Немецкий героический эпос, с. 119.

178

Boesch B. Zur Einführung. – In: Kudrun/Hrsg. von Symons B Halle, 1883; 4. Aufl. bearb. von Boesch B. Tübingen, 1964; S. XIV

179

Теперь рукопись находится в Австрийской национальной библиотеке в Вене.

180

Der Heldenbuch in der Ursprache/Hrsg, von Hagen F. H. von der, Primisser A. B., 1820, T. 1. (Deutsche Gedichte des Mittelalters. Bd, 2.)

181

См. *Heusler A* Deutsche Versgeschichte. Bd. 2. Berlin; Leipzig, 1927, S.

182

См.: *Neumann F.* Rezensionen der Ausgaben von Boescli und Morèt. – Anzeiger deutsches Altertum. Bd. 69. B. (1956/37), 'S. 24–39.

183

См.: *Sievers E.* Die stimmliche Gliederung des Kudruntej.tes. – Beiträge zur Geschichte.der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 54 (1930), S. 418 – 436

184

Перечень изданий «Кудруны» см. во введении к «Примечаниям»,

185

См.: Gudrunlieder/Hrsg, von Ettmüller L. Zürich; Winterthur, 1841.

186

См.: Kudrun: Die echten Teile des Gedichtes mit einer kritischen Einleitung/Hrsg, von Müllenhoff K. Kiel, 1845.

187

См.: *Willmans W.* Die Entwicklung der Kudrundichtung. Halle, 1873.

188

Кирпичников А. И. Кудруна, национальная поэма немцев. – Зап. Харьк. ун-та, 1874, т, 3, с. 5,

189

См.: Kudrun/Übers. und Urtext mit erklären. Abhandl. von Pioenies W. Leipzig, 1853.

190

Panzer F. Hilde-Gudrun: Eine Sagen und literaturgeschict-liche Untersuchung. Halle, 1901, S. 445.

191

См.: *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах,

192

См.: *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах, с. 323, 320.

193

См.: *Kellner E.* Der Büifluss des Nibelungenliedes auf die Gudrun. – Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. 23 (1891), S. 145–217; *Panzer F.* Op. cit., S. 140–144.

194

См.: *Hoffmann W.* Kudrun: Ein Beitragzur Deutung dernachnibelungischen Heldendichtung. Bonn, 1967.

Этого же мнения в той или иной степени придерживаются Хуго Кун *(Kuhn H.* Kudrun. – Münchener Universitätswoche an der Sorbonne. München, 1956, S. 135–143) и А. Бек *(Beck* .". Forschung und Deutung. Frankfurt am Maïû Bonn, 19!. , S. 26–08)

195

Саксон Грамматик называет отца Хильды Хогинус, что является латинизированной формой имени Хаген.

196

Остров в Балтийском море близ Рюгена,

197

Снорри Стурлусон написал учебник для скальдов, дружинных певцов скандинавских конунгов (королей). В нем пересказаны легенды о богах и героях. Снорри назвал его «Эддой», Позже, в XVII в., был найден более древний рукописный сборник о богах и героях германского Севера, написанный в XIII в. Многие из этих песен сложились в VIII–IX вв. Этот сборник по аналогии назван «Старшей Эддой», а сборник Снорри в отличие от него – «Младшей Эддой». (См.: Младшая Эдда/Изд. подгот. Смирницкая О. А., Стеблия-Каменский М. И. Л.: Наука, 1970.)

198

Младшая Эдда, с. 155 – 156

199

Прядями исландцы называли мелкие прозаические повествования, отличая их от больших пообъему и сложных по содержанию саг.

200

Локи – бог огня.

201

Фрейя – богиня любви.

202

Один – верховный бог скандинавской мифологии, бог бурь

203

Валькирии – девы-воительницы, побуждающие воинов к битвам, уносящие души сраженных героев в небесный чертог – обитель богов Валгаллу.

204

Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях/Пер. Корсуна А. И.; Ред., вступ. ст. и ком. Стеблина-Каменского М. И. М.; Л.: Наука, 1963, с. 88–89,

205

См, *Gutenbrunner S.* Schleswig-Holsteins älteste Literatur. Kiel, 1949, S 77.

206

В песнях «Эдды» встречается и другая ситуация: Хельги, убийца Хёгни, женится на его дочери. Но тут кровавая развязка неизбежна: сын мстит за отца и убивает Хельги (см.: Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга, – В кн.: Старшая Эдда, с. 85–93).

207

См.: *Boesch B.* Op. cit., S., XXIV–XXX; *Wisniewski R,* Kudrun. 2, Aufl. Stuttgart, 1969, S, 18

208

См.: *Wisniewski R.* Op. cit., S. 19.

209

См.: «Гренландская Песнь об Атли» и «Гренландские Речи Атли». – В кн.: Старшая Эдда, с. 137–152.

210

Как полагал В. М. Жирмунский, сказание о Кудруне вряд ли имеет самостоятельные источники: оно является вариантом похищения Хильды, обычным в эпосе и сказке «вторым кругом» – повествования, в котором шпильман еще раз проводит перед слушателем уже знакомых ему героев (см.: Жер*мунский В. М.* Немецкий героический эпос. – В кн.: История западноевропейской литературы, с. 118–119; *Symons B.* Einïe'tung. – In: Kudrun/Hrsg. von Symons B., 1883, S. XLI ff; *Neumann F.* «Kudrun». – In: Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verlasserlexikon/Hrsg, von Stammler W, Berlin; Leipzig, 1936, Bd. 2, S. 976.

211

См.: *Heusler A.* Heldensage. – In: Reallexikon der germanische Altertumskunde/Hrsg, von Hoops J. Strassburg, 1913, Bd. 2, S. 520 ff; *Schrobler J.* Wickingische und spilmannische Elemente in zweiten Teil des Gudrunliedes. Halle, 1934, S. 44.

212

Willmans W. Die Entwicklung der Kudrundichtung, S, 224 ff.

213

См.: *Шепелевич Л.* Кудруна: Историко-литературный этюд. Харьков, 1894; *Шепелевич Л.* Кудруна: Перевод 11-й части поэмы (Гнльда) и опыт ее исследования. Харьков, 1895.

214

См.: *Willmans W.* Op. cit., S. 225.

215

См.: *Panzer F.* Op. cit., S. 3,32.

216

См.: Ibid., S. 251 ff., S. 440 ff. Панцер пробовал применить к «Кудруне» так называемую сказочную теорию, выдвинутую В. Вундтом, согласно которой героический эпос непосредственно восходит к первобытным, первичным жанрам – культовой песне и сказке.

217

См.: *Schneider H.* Ursprung und Alter der deutschen Volksballade. – In: Festschrift Ehrismann. Berlin; Leipzig, 1925, S. 112.

218

См.: *Kübel* M. Das Fortleben des Kudrunepos. Leipzig, 1929.

219

См.: *Boesch B.* Zur Einleitung.– In: Kudrun/Hrsg. von Symons B., 1883; 4. Aufl. bearb. von Boesch B., S. LV.

220

См.: *Хойслер А.* Указ. соч., с. 375.

221

Подробнее о критике Хойслером сказочной теории Вундта и. Панцера см.: *Жирмунский В. М.* Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера, – В кн.: Хойслер А. Указ. соч., с. 43–45.

222

Хойслер А. Указ. соч., с. 137.

223

См.: *Heusler A.* Op. 'cit., S. 520 ff.

224

Хойслер А. Указ. соч., с. 31 о.

225

Все действительные и кажущиеся противоречия поэмы четко классифицировал Ф. Панцер в своем фундаментальном исследовании «Хильда-Гудруна» *(Panzer F.* Op. cit., S. 90 – 120).

226

См.: *Beck A.* Op. cit… S. 34–38.

227

См.: *Panzer F.* Op. cit., S. 135.

228

См.: *Boesch B.* Zur Einleitung, S. LXII; *Kuhn H.* Op. cit. S. 135–143; *Hofmann W.* Op. cit., S. 250

229

Гризельда – героиня новеллы Боккаччио. Крестьянская дочь, ставшая женой рыцаря, Гризельда покорно сносит жестокость мужа, который испытывает ее терпение («Декамерон», X, 10). Этот сюжет был очень популярен на исходе Средних веков. Верный Эккарт – герой средневековой «Саги о Тидреке», наставник двух братьев, готовый погибнуть, защищая их от жестокого дяди Эрманариха.

230

См.: *Hoffman W.* Op. cit., S. 240–250; *Weege M.* Das Kudrun-epos, eine Dichtung des Hochmittelaltres. Mainz, 1953; *Wilson W.* Passio and compassio in the Cudrun, – Modern Language Review, v. 58 (1965), p. 564–576.

231

См.: *Schönbach A.* Das Christentum in der altdeutschen Heldendichtung. Graz, 1897, S. 115 ff.

232

Panzer F. Op. cit., S. 381.

233

Хойслер пишет: «Автор заимствовал их, даже не очеловечив, но, конечно, и не разделяя народного верования: он не понял, что девы-лебеди, сбросив с себя свои чудесные одеяния, купаются в человеческом облике, а затем вновь становятся птицами (см. строфы 1536 и 1338)». *Хойсгер А.* Указ. соч., с. 143. В «Старшей Эдде» лебяжьи сорочки носят девы-валькирии («Песнь о Вёлунде»).

234

А. Я. Гуревич пишет: «К такому мировосприятию, которое возникало в результате сложного и противоречивого взаимодействия традиционного фольклорного фонда с христианством, применяется здесь определение – „народная культура средневековья“ *(Гуревич Л. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, с, 10)

235

Schönbach A. Op. cit., S. 114; *Bcch A.* Op. cit., S, 54–53.

236

См.: *Pâmer F.* Op. cit., S. 116.

237

См.: Ibid., S. 488.

238

Schneider H. Germanische Heldensage. Berlin; Leipzig, 1978, Bd. 1, S. 376.

239

См.: *Beck A.* Op. cit., S. 49; *Wisniewski B.* Op. cit., S. 70–71.

240

См.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худож. лит., 1975, с, 80 – 84

241

Старшая Эдда, с, 11G,

242

«Петь как Хорант» или «Петь лучше Хоранта» вошло в поговорку и несколько раз встречается в стихотворных произведениях второй половины XIII в.

243

Kettner E. Der Einfluss des Nibelungenliedes auf die Gudrun. – Zeitschrift für deutsche Philologie, Bd. 23 (1891), S. 205.

244

Gudrun, ein episches Gedicht: Programm und Probes^esang. Leipzig, 1836 (автор перевода не указан).

245

Gudrun/Ùbers. ins Neuhochdeutsche von Keller A. Stuttgart, 1840.

246

См.: *Grimm W.* Einleitung zur Vorlesung über.Gudrun, S. 574–575.

247

Gudrun: Deutsches Heldenlied, ilüs. von Simrpck K. Leipzig, 1943.

248

Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Худож. лит., 1971, т. 6, с. 374.

249

См.: *$ch'ónbach.A.* Op. cit., S. 127

250

Der Heldenbach in der Ursprache/Hrsg, von Hagren F. H. von der, Primisser A. B., 1820, T. 1. (Deutsche Gedichte des Mittelalters, Bd. 2).

251

Kutrun/Hrsg. von Ziemann A, Qwedlinburg; Leipzig, 1835.

252

Kudrim/Hisg. von Bartsch K. Leipzig, 18G5; 4. Aufl., Leipzig 1880; 5. Aufl. Überarb. und neu eingel. von Stackmann K.Vwiesbaden, 1965.

253

Kudrun/Bearb. von Piper P. Stuttgart.

Kudrun/Hrgs. und erklärt von Martin E.Halle, 1872; 2, Aufl., Halle, 1902.

255

Kudrun/IIrsg. von Symons B. Halle, 1883; 4. Aufl. bearb. Von Boesch B., Tübingen, 1964.

256

Gudrunlieder/Hrsg, von Ettmüller L., Zürich; Winterthur, 1841.

257

Kudrun: Die echten Theile des Gedichtes mit einer kritischen Einleitung/Hrsg, von Müllenhoff K, Kiel, 1845.

258

Gudrun/Hüg. von Volln: er A. J. Leipzig, 1845.

259

Kudrun/Ubers. und Urtext mit erkoren. Abhandl. von Ploeni.s W. leipzig, 1853.